

• No.1 *NEW YORK TIMES* BESTSELLER. •

ДЖОН ДЖЕЙКС

ЛЮБОВЬ И ВОЙНА

Погрузитесь в страсти Гражданской войны...
в книгу главного противостояния.

New York Times

The Big Book

Джон Джейкс

**Любовь и война.
Великая сага. Книга 2**

«Азбука-Аттикус»

1984

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джейкс Д.

Любовь и война. Великая сага. Книга 2 / Д. Джейкс — «Азбука-Аттикус», 1984 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-16367-6

Соединенные Штаты Америки. 1860-е годы. На фоне Гражданской войны Джейкс продолжает рассказ о двух семьях: Хазардах и Мэйнах. С момента первых выстрелов у форта Самтер семьи оказываются на противоположных сторонах. Кому-то приходится испытать все ужасы войны на фронте, во время самых кровавых сражений... Кто-то отдаст жизнь за свои убеждения... Но все будут вовлечены в триумф и трагедию конфликта, уничтожившего наивность американцев и выковавшего новую нацию... Как и ставший классикой роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», сага Джейкса о войне между Севером и Югом имела грандиозный успех и до сих пор числится в списке мировых бестселлеров. В 1985 году Эй-би-си сняла по трилогии сериал, который имел огромный успех и до сих пор остается очень популярным. Главные роли исполнили Патрик Суэйзи («Грязные танцы», «Дом у дороги») и Джеймс Рид («Блондинка в законе», «Звездный путь: Вояджер», «Коломбо»). В сериале также снимались такие звезды, как Кирсти Элли, Дэвид Кэррадайн, Джин Келли, Роберт Митчем, Джин Симмонс, Оливия де Хэвилэнд, Джеймс Стюарт и Элизабет Тейлор. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-16367-6

© Джейкс Д., 1984
© Азбука-Аттикус, 1984

Содержание

Пролог	7
Часть первая	15
Глава 1	16
Глава 2	19
Глава 3	22
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	39
Глава 9	41
Глава 10	44
Глава 11	46
Глава 12	49
Глава 13	55
Глава 14	61
Глава 15	66
Глава 16	72
Глава 17	75
Глава 18	81
Глава 19	90
Глава 20	99
Глава 21	107
Глава 22	110
Глава 23	113
Глава 24	117
Глава 25	119
Глава 26	124
Глава 27	126
Глава 28	132
Глава 29	136
Глава 30	139
Глава 31	145
Глава 32	149
Часть вторая	157
Глава 33	158
Глава 34	161
Глава 35	169
Глава 36	175
Глава 37	181
Глава 38	186
Глава 39	195
Глава 40	197
Конец ознакомительного фрагмента.	199

Джон Джейкс
Любовь и война
Великая сага
Книга 2

John Jakes
LOVE AND WAR

Copyright © John Jakes, 1984

All rights reserved

Published by arrangement with the author, c/o Rembar & Curtis,
P.O. Box 908, Croton Falls, New York 10519, USA.

thebigbook.

Серия «The Big Book»

Оформление обложки Ильи Кучмы

© Т. В. Голубева, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Джулиану Мюллеру. Ни у одного писателя никогда
не было лучшего друга*

Великие вещи, две как одна:

Во-первых – Любовь, во-вторых – Война.

*Р. Киплинг. Баллада о царской шутке (перевод А. И. Оношкович-
Яцыны)*

Пролог

Пепел апреля

Дом загорелся за час до полуночи в последний день апреля. Яростный далекий звон пожарных колоколов разбудил Джорджа Хазарда. На ощупь он прошел по темному коридору, поднялся по лестнице в башенку особняка и вышел на узкий балкон. Сильный теплый ветер только еще больше раздувал пламя, ярко вспыхивающее в темноте. Даже с такой высоты, стоя над городком, который назывался Лихай-Стейшн, Джордж узнал горевший дом – единственное крепкое строение, оставшееся в захудалом квартале у канала.

Он торопливо спустился в слабо освещенную спальню, почти не глядя схватил одежду. Хоть он и старался одеваться как можно тише, но все равно разбудил жену. Перед сном Констанция читала Священное Писание. Это была не Дуэйская Библия, а одна из семейных книг Хазардов. Прежде чем уснуть и поцеловать Джорджа на ночь, Констанция заложила страницу четками. Со дня падения форта Самтер и начала войны Констанция проводила за чтением Библии больше времени, чем обычно.

– Джордж, что случилось? Куда ты так спешишь?

– В городе пожар. Не слышишь звон?

Констанция сонно потеряла глаза:

– Но ты же не мчишься следом за пожарными каждый раз, когда поднимается тревога.

– Горит дом Фентона, одного из моих лучших мастеров. В последнее время у него в семье были неприятности, и этот пожар вполне может оказаться не случайным. – Джордж наклонился и поцеловал жену в теплую щеку. – Спи. Я вернусь через час.

Он погасил газовую лампу и, быстро спустившись, побежал к конюшне. Лошадь он оседлал сам, рассудив, что, пока добудится конюха, пройдет много времени, а медлить было нельзя. Такое неожиданное волнение удивило его самого, ведь уже две недели, с тех пор как от них уехал Орри Мэйн, он пребывал в каком-то странном оцепенении, чувствуя почти полную отстраненность от жизни, что текла вокруг, и главное – от этой страны, одна часть которой вдруг решила отделиться и напасть на другую. Союз был расколот, и обе стороны спешно готовились к войне. Однако Джордж предпочел вести себя так, словно все эти события никак не отражались ни на его существовании, ни на его чувствах, осознанно избрав позицию наблюдателя.

Вскочив в седло, он выехал через задние ворота особняка, который они когда-то назвали Бельведером, и помчался по извилистой дороге, вниз по склону холма, туда, где бушевал огонь. Словно горны доменных печей его завода, порывы ветра все сильнее раздували пламя, которым уже был объят весь дом Фентона. Хазард молил Бога только о том, чтобы добровольная пожарная дружина подросла вовремя.

Ехать по неровной ухабистой дороге в темноте было небезопасно, приходилось постоянно осматриваться. Заводские корпуса, остающиеся позади, даже в этот поздний час извергали дым, шум и свет. Металлургический завод Хазарда работал круглые сутки, производя рельсы и металлический прокат для Союза, начавшего спешную подготовку к войне. Кроме того, уже совсем скоро ожидалось подписание контракта на отливку пушек. Впрочем, в эти минуты человек, мчавшийся мимо домов с террасами в сторону торгового района, за которым полыхал огонь, меньше всего думал о делах.

О неприятностях в семье Фентона Джордж узнал еще тогда, когда они начались. Обычно он всегда знал, когда у кого-нибудь из его работников случалась беда, раз и навсегда взяв за правило вникать в жизнь подчиненных. Он никогда не наказывал людей, даже если они в

такие трудные для себя времена совершали проступок, предпочитая наказанию доверительную беседу и совет, будь он желанный или нет.

В прошлом году Фентон принял в дом своего кузена – крепкого, пышущего здоровьем парня, на двадцать лет моложе его самого. Молодой человек в то время был без работы и нуждался в средствах. Мастер нашел ему место на заводе Хазарда, и новичок пару месяцев вполне сносно справлялся со своими обязанностями.

Фентон хотя и был женат, детей не имел. Его красивая, но весьма недалекая жена по возрасту была ближе к его кузену, чем к нему. Вскоре Джордж заметил, что мастер начал худеть. До него стали доходить слухи о необычной вялости Фентона, и наконец он получил докладную о дорогостоящей ошибке, совершенной мастером. А через неделю еще одну.

На прошлой неделе Джордж, желая предотвратить новые убытки, а также по возможности помочь Фентону, вызвал мастера к себе, чтобы поговорить. Однако Фентон, всегда доброжелательный и открытый к разговору даже с хозяином, на этот раз держался холодно, взгляд его выражал настороженность и муку, а на все вопросы Джорджа он односложно отвечал, что ничего не случилось – обычные семейные неприятности. Он даже несколько раз повторил эти слова: «семейные неприятности». Джордж выразил сочувствие, но спокойно добавил, что ошибки на производстве должны прекратиться. Фентон пообещал разобраться с домашними неурядицами. Джордж спросил, как именно он собирается это сделать. Потребовать, чтобы кузен убрался из его дома, ответил мастер. Джордж, почувствовав неловкость, не стал продолжать разговор, заподозрив истинную причину «домашних неприятностей».

И вот теперь он уже видел впереди застывшие силуэты зевак и метавшиеся взад-вперед фигуры людей, передающих ведра с водой, которые уже не могли спасти почти догоревший дом. Отсветы красного огня отражались на металлическом корпусе устаревшего помпового насоса филаделфийской конструкции и на черных спинах четырех лошадей, тащивших цистерну с брандспойтом к месту трагедии. Лошади испуганно били копытами и громко фыркали, словно только что чудом спаслись из ада. Джордж подумал, что вся эта картина действительно напоминает ад.

Спрыгнув на землю, он услышал чей-то крик на темной улице слева от горевшего дома и начал торопливо пробиваться сквозь толпу зрителей.

– Не лезьте сюда, черт бы вас побрал! – гаркнул командир добровольцев через рупор, но, увидев Джорджа, виновато добавил: – О, мистер Хазард, сэр... Я вас не узнал.

На самом деле эти слова означали, что он не узнал самого богатого человека во всем городе, а может, и во всей долине, пока не увидел его вблизи. Джорджа Хазарда, которому в этом году исполнилось тридцать шесть лет, знали все. В его растрепанных ветром волосах, немного выгоревших, как всегда бывало весной и летом, на солнце, уже блестела первая седина. Очень светлые голубые глаза, как и у всех в роду Хазардов, отражали пламя пожара и тревогу, с недавшью Джорджа изнутри.

– Что здесь случилось? – спросил он.

Пока пожарный, запинаясь, рассказывал о том, что произошло, остальные добровольцы из созданной несколько лет назад дружины, назвавшей себя «Городские удальцы» и выбравшей своим девизом латинское изречение «*Officium pro periculo*»¹, выбитое золотыми буквами на всем оснащении, упорно продолжали качать воду, хотя она уже не могла помочь уничтоженному дому. Теперь оставалось только погасить пламя, чтобы ветер не перекинул его на соседние лачуги. Поэтому у командира дружины было время, чтобы поговорить с самым важным человеком в городе.

Он сказал Джорджу, что Фентон вроде как вечером застал свою жену и кузена вдвоем в постели. После этого он схватил большой кухонный нож и зарезал любовников, а потом стал

¹ Нет жизни без риска! – Здесь и далее примеч. перев.

поджигать дом. Однако в это время смертельно раненный кузен как-то смог дотянуться до ножа и ударил Фентона четыре раза. Глаза Джорджа наполнились слезами, и он с силой потер их костяшками пальцев. Как такое могло случиться? Фентон был деликатнейшим из людей, умным, начитанным, трудолюбивым, всегда по-доброму относился к своим подчиненным.

– Это он кричит, – сообщил командир добровольцев, – только вряд ли бедняга долго проживет. Те двое были уже мертвы, когда мы приехали. Мы их вытащили наружу и накрыли. Вон там они лежат, если хотите посмотреть.

Что-то заставило Джорджа пойти в указанную сторону. Посреди улицы, источая ужасный запах, лежали два тела, накрытые куском брезента. Крики возле дома не смолкали. Ветер с низким гулом раздувал огонь, поднимая в воздух угли и тлеющие обломки. Добровольцы продолжали яростно качать воду, выстроившись в два ряда на каждой рукоятке насоса. Кожаные пожарные рукава, прикрепленные к похожим на гробы цистернам, тянулись через высохший ручей к реке. Две гнедые лошади, специально обученные для такой работы, продолжали вести себя странно – били копытами, нервно трясли головами и испуганно всхрапывали в отблесках красного света.

Остановившись в футе от брезента, Джордж наклонился и приподнял край полотнища. Совсем недавно он как раз выяснял стоимость современной паровой пожарной машины Латта, собираясь приобрести ее для города, поэтому кое-что узнал и о пожарах, и об их последствиях. Но это не подготовило его к виду мертвых любовников.

Женщина обгорела сильнее, ее обугленная кожа во многих местах лопнула и скрутилась. На кузене сгорела одежда, обнажив сотни волдырей, сочившихся блестящей желтой жидкостью, отражавшей свет. Лица, шеи, вывалившиеся языки обеих жертв распухли в предсмертных попытках вдохнуть воздух, вместо которого в легкие врвался только обжигающий дым. Горла тоже раздулись, хотя, глядя на женщину, было трудно понять, умерла она от удушья или все-таки от ожогов. Огромные выпученные глаза мужчины вызвали меньше сомнений в причине его смерти.

Джордж опустил брезент, с трудом справившись с подступившей к горлу тошнотой. Отчего-то вдруг появилось странное предчувствие беды. Дело было не только в огне. Смерть, страдания, утрата. И все это вместе называлось «война».

Вздвогнув, Джордж вернулся к командиру пожарной дружины, смутно чувствуя, как в душе зарождается какое-то новое, неожиданное ощущение.

– Я могу чем-то помочь, Том?

– Очень любезно с вашей стороны предлагать помощь, сэр, но уже слишком поздно что-то делать, разве что как следует облить водой соседние дома.

Подбежал один из пожарных и сообщил, что Фентон умер. Джордж снова содрогнулся. Почему ему все еще слышались крики? Он тряхнул головой, чтобы прогнать наваждение.

– Мы приехали слишком поздно, – услышал он голос Тома и, грустно кивнув, пошел к своей лошади.

Сев в седло, он пустил лошадь шагом и медленно поехал в сторону дома. Чем больше он прислушивался к своим внутренним ощущениям, тем отчетливее понимал, что то странное оцепенение, в котором он пребывал все последнее время, растаяло. И причиной тому стала, безусловно, эта ужасная трагедия с Фентоном.

Он ведь давно знал, что гражданская война неизбежна. Но одно дело знать, а другое – понимать. Он знал, что война начнется, только никак не мог принять этого, даже несмотря на свой опыт в Мексике. Но Мексиканская кампания осталась в далеком прошлом. И теперь, пока его лошадь медленно поднималась вверх по холму, а ветер взметал вокруг облака пепла, он наконец вернулся к реальности. В стране действительно шла война. Воевал его младший брат Билли, офицер Инженерного корпуса, воевал его лучший друг и товарищ по Вест-Пойнту и

Мексике. Джордж не помнил, кому принадлежали эти известные слова: «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе...», но только сейчас вдруг понял, насколько они верны.

Он вспоминал две прошедшие недели, пытаясь осмыслить общие настроения в стране и понять свое собственное. Многие северяне, если не большинство, приветствовали события двенадцатого апреля 1861 года чуть ли не с радостью. Для них этот день, когда конфедераты обстреляли форт Самтер, стал окончанием тридцатилетнего противостояния, которое уже давно должно было так или иначе разрешиться. Но сам Джордж никакой радости не испытывал. Если заговорили пушки, с грустью думал он, значит люди доброй воли так и не смогли решить прискорбную гуманитарную проблему этой страны, которая возникла с того дня, когда первые белые поселенцы впервые завезли в британские колонии африканских мужчин и женщин.

К сожалению, эта проблема очень долго считалась неразрешимой и до недавнего времени даже не поддавалась внимательному изучению – так прочны были крепости из пышных речей, окружающие противостоящие стороны. Были и такие, кого она вообще не волновала, кто пекся лишь о собственных интересах и не считал тему рабства достойной обсуждения, а уж тем более не видел в ней никакой угрозы для себя; для них она была не больше чем просто досадной неприятностью, на которую не стоит обращать внимания, как наверняка никто не стал бы обращать внимание на какого-нибудь бродягу, спящего в придорожной канаве.

Но к тому времени, когда начал понемногу закипать котел войны, Америка уже не состояла только из двух противоположных лагерей – фанатиков и равнодушных. Появилось много мужчин и женщин с весьма достойными намерениями, и Джордж причислял себя к ним. Но могли ли они опрокинуть этот котел, залить угли под ним и призвать страну к здравомыслию? Или раскол был уже настолько глубоким, настолько всеобщим, что горячие головы с обеих сторон никогда бы не пошли на примирение? Каким бы ни был ответ, людей доброй воли все равно было меньше, им пришлось отдать решение в другие руки, и теперь расколота нация *воевала*.

Орри Мэйн разделял его грусть, когда приезжал в Лихай-Стейшн. Это было всего две недели назад. Орри мужественно преодолел полный опасностей путь от Южной Каролины до Пенсильвании, но оказалось, что неменьшая опасность ждала его в самом доме Хазардов, когда сестра Джорджа Вирджилия, сторонница крайних аболиционистских взглядов, одержимая ненавистью ко всему Югу и всем южанам без разбору, в день его приезда тайно вызвала толпу хулиганов, которых Джорджу пришлось сдерживать с помощью оружия, пока он не сумел вывезти своего благородного друга из города.

А после этого наступила... не то чтобы апатия, нет. Он продолжал заключать новые контракты, беспокоился о домашних проблемах Фентона, каждый день делал сотни дел – больших и маленьких, с одним-единственным исключением. До этой ночи он всячески отгораживался от мысли, что в стране действительно идет война. Огонь и нож разрушили эту стену и заново преподали Джорджу главный урок. К черту дураков, которые безмятежно твердят о том, что война продлится «всего» девяносто дней! Для смерти и разрушений и этого достаточно.

У него вдруг зашумело в голове, появилось противное ощущение в животе. За возведенной им самим же стеной он видел угрозу, от которой пытался спрятаться последние две недели. Эта угроза нависла над жизнями тех, кого он любил больше всего на свете, над бесценной дружбой между его семьей и семьей Мэйн из Южной Каролины, которая строилась с таким трудом и которой он так дорожил. И как бы он ни старался спрятаться от жестокой правды, она все же настигла его. Этот пожар показал, насколько все они хрупки и уязвимы. Как Фентон и те двое и этот дом, в котором они жили, со всеми их страстями, несовершенствами, мечтами о будущем. Ни от них самих, ни от их дома не осталось ничего, кроме пепла, который сейчас преследовал Джорджа, подгоняемый ветром, пачкая его одежду и забиваясь в ноздри.

Лошадь медленно поднималась вверх по склону пенсильванского холма. Уже миновала полночь, наступило первое мая. Зарево этой маленькой семейной трагедии, о которой очень скоро все забудут, такой банальной в своей обыденности и вместе с тем ужасающей в своих душераздирающих подробностях, осталось у него за спиной. Да, отвернуться было легко, труднее было заставить себя не думать об этом.

Джордж тяжело вздохнул и продолжил свои печальные раздумья, мысленно обратившись к двум минувшим десятилетиям.

Впервые узы дружбы между Хазардами, металлургами из Пенсильвании, и Мэйнами, рисовыми плантаторами из Южной Каролины, завязались, когда сыновья из обеих семей случайно встретились на нью-йоркской пристани летом 1842 года. Джордж Хазард и Орри Мэйн в тот день оба сели на пароход, идущий по Гудзону на север, а сойдя на берег, стали новыми кадетами Вест-Пойнта и добрыми приятелями.

Вместе они прошли через многие испытания, что только укрепило их дружбу. Джорджу, у которого не было большого желания становиться военным, учеба в Академии давалась легко, а Орри, хоть он и не мечтал ни о чем другом, приходилось всего добиваться усердным трудом. Им обоим довелось терпеть издевательства одного подлого, если не сказать безумного, старшекурсника по имени Елкана Бент, который не давал им проходу, и, когда их жизнь едва не превратилась в настоящий ад, им пришлось даже организовать заговор, чтобы добиться его отчисления. Однако благодаря влиятельным связям в Вашингтоне Бента вскоре восстановили, он вернулся в Академию и перед выпуском пообещал Джорджу и Орри когда-нибудь непременно поквитаться с ними за свое унижение.

Благодаря дружбе своих сыновей Мэйны и Хазарды познакомились семьями, как это нередко случалось в те годы между северянами и южанами, пока длинный запал раскола тлел, подбираясь к пороховой бочке разделения Союза. Они ездили друг к другу в гости, их дети создавали уже свои семьи, но, кроме любви, рождалась и ненависть. Даже сами закадычные друзья Джордж и Орри серьезно ссорились. Однажды Джордж приехал в Монт-Роял, плантацию Мэйнов, как раз когда сбежал один из рабов, вскоре пойманный и потом жестоко наказанный по приказу отца Орри. После этого случая молодые люди серьезно повздорили и едва не погубили свою дружбу.

Мексиканская война, во время которой друзья служили лейтенантами в одном полку, развела их самым неожиданным образом. Столкновение с капитаном Бентом, их давним врагом, который за свою жестокость получил у солдат прозвище Мясник Бент, вынудило их участвовать в сражении у Чурубуско, где осколок снаряда попал в левую руку Орри, уничтожив все его мечты о военной карьере. Вскоре после этого весть о смерти старшего Хазарда призвала Джорджа домой, потому что его мать не могла доверить управление крупным семейным делом его старшему брату Стэнли. Вернувшись, Джордж довольно скоро полностью взял на себя руководство их металлургической компанией, почти отстранив от дел своего амбициозного, но безответственного брата.

Ампутация руки надолго ввергла Орри в уныние, но он заставил себя заниматься плантацией и вскоре научился прекрасно справляться с делами и с одной рукой. Он немного ожил, а его дружба с Джорджем возобновилась. Орри стал шафером на свадьбе Джорджа, когда тот женился на Констанции Флинн, католичке, с которой он познакомился в Техасе по дороге в Мексику.

Потом младший брат Джорджа Билли решил, что тоже хочет учиться в Вест-Пойнте, а Орри, в отчаянных попытках спасти своего непутевого кузена-сироту от никчемной жизни, убедил и его попытать счастья в Академии. Так, уже скоро, дружба Чарльза Мэйна и Билли Хазарда повторила дружбу бывших выпускников.

В последнее мирное десятилетие многие северяне и южане, несмотря на яростные заявления и откровенные угрозы от политических лидеров и общественных деятелей с обеих сторон, все же сохраняли дружеские связи. То же происходило и с их семьями. Мэйны приезжали на Север, Хазарды – на Юг, хотя такие визиты каждый раз не обходились без сложностей.

Сестра Джорджа Вирджилия, чьи пылкие аболиционистские взгляды давно уже перешли невидимую грань экстремизма, едва не разрушила дружбу двух семей. В один из приездов Хазардов в Монт-Роял она познакомилась с рабом, принадлежавшим человеку, который позже женился на сестре Орри Эштон, и убедила его бежать на свободный Север. И ему это удалось.

Билли какое-то время был увлечен Эштон Мэйн, очень привлекательной, но совершенно безнравственной девушкой, однако уже скоро обратил внимание на ее младшую сестру Бретт, оценив не только ее красоту, но также искренность, доброту и сердечность. Отвергнутая Эштон, в определенном смысле такая же упрямая и безумная, как Вирджилия, стала выжидать подходящего момента для мести и в конце концов организовала настоящий заговор с целью убийства своего бывшего воздыхателя на нечестной дуэли всего через каких-нибудь два часа после того, как он обвенчался с Бретт в Монт-Роял. К счастью, кузену Чарльзу стало известно о готовящейся расправе над его лучшим другом, и заговорщики жестоко поплатились за свое коварство, а Орри навсегда выгнал Эштон и ее мужа Джеймса Хантуна с земли Мэйнов.

Чернокожий любовник Вирджилии, сбежавший с ее помощью от своего хозяина, был убит в Харперс-Ферри вместе с другими головорезами Джона Брауна, когда они пытались поднять бунт. Вирджилия, которая в то время находилась недалеко от этих кровавых событий, в испуге отправилась домой и оказалась в Бельведере как раз в ту ночь, когда туда приехал Орри.

Мятежный брат Орри Купер Мэйн всегда шел своей собственной дорогой. Чаще всего его мнение о рабстве, этой отличительной особенности южных штатов, не совпадало с мнением большинства южан. В противоположность экономике, основанной на земледелии и эксплуатации рабского труда, он приводил в пример Север, не идеализируя его, но призывая своих земляков обратить внимание на развитие промышленности, чтобы идти в ногу с веком. Свободные рабочие Севера стремительно двигались в сторону будущего процветания под гул машин, а не волокли за собой тяжелые кандалы устаревших методов и взглядов. В ответ на традиционные возражения своих соотечественников о том, что, дескать, рабы больше защищены своими хозяевами, а значит, и более счастливы, чем заводские рабочие Севера, прикованные к грохочущим механизмам невидимыми цепями, Купер просто смеялся. Да, возможно, рабочие фабрик и заводов действительно могли умереть с голода, потому что им мало платили. Но их нельзя было купить или продать, как какую-нибудь вещь. Рабочий всегда мог просто уйти, и никто не стал бы его преследовать, никто не смог бы его высечь или повесить за бегство от его станка или машины.

Купер мечтал превратить Чарльстон в крупный центр судостроения и даже начал строительство большого корабля с особо прочным корпусом, обшитым металлическими листами, по уникальному проекту гениального английского инженера Брюнеля. Ради дружбы двух семей Джордж Хазард тоже вложил средства в это грандиозное предприятие; хотя он и не ждал особой выгоды, но верил искренним убеждениям Купера.

Когда противостояние форта Самтер, последнего бастиона Союза, уже близилось к концу и всем стало очевидно, что война неизбежна, Орри, чтобы вернуть другу деньги, пришлось заложить свою плантацию. Он получил под залог шестьсот тысяч долларов, хотя Джордж вложил в строительство парохода миллион девятьсот тысяч. Несмотря на то что акцент сразу выдавал в Орри южанина, он все-таки сумел довести деньги до Лихай-Стейшн в неприметной сумке, проделав полный опасностей путь из Южной Каролины до Пенсильвании на поездах. В это тревожное время такое путешествие было сопряжено с огромным риском, но Орри не мог поступить иначе. Ради дружбы и ради долга чести.

В ту ночь, когда друзья встретились, Вирджилия тайком вызвала к дому толпу – наверняка для того, чтобы линчевать гостя. Но попытка не удалась, с помощью друга Орри избежал расправы разъяренных молодчиков, сел на поздний поезд и теперь был... где? В Южной Каролине? Если он благополучно добрался до дому, то, возможно, все-таки сумел стать счастливым. Ведь когда Мадлен Ламотт, женщина, которую он любил и которая любила его, несмотря на свое несчастливое замужество, больше похожее на заточение, примчалась в Монт-Роял, чтобы предупредить о смертельной опасности, грозящей Билли Хазарду, она решила не возвращаться к ненавистному мужу и остаться с Орри навсегда. Ее муж Джастин Ламотт, жестокий и коварный человек, который долгие годы издевался над ней, был вынужден отступить, после того как получил грозное письмо от Орри.

Сдача Самтера повлекла за собой решения, вызванные больше эмоциональными порывами. Чарльз подал прошение об отставке из армии Соединенных Штатов и записался в Южно-Каролинский кавалерийский полк. Его лучший друг Билли остался служить в Инженерном корпусе союзной армии. А жена Билли, будучи уроженкой Юга, теперь жила в Лихай-Стейшн. Жизнь Мэйнов и Хазардов замерла в опасном неустойчивом равновесии, а меж тем вокруг уже собирались грозные непредсказуемые силы.

Именно об этом Джордж и старался не думать последние две недели. Жизнь была такой хрупкой, и дружба тоже. Перед расставанием они с Орри поклялись, что войне не удастся развести их в разные стороны, но теперь, снова вспоминая страшный пожар и душераздирающие крики умирающего, Джордж вдруг подумал, а не были ли они слишком наивны, когда давали такую клятву. И тут же сказал себе: он непременно должен что-нибудь сделать, чтобы подтвердить свою решимость защищать эту дружбу, чего бы это ему ни стоило.

Поставив лошадь в конюшню, он торопливо пошел к дому и сразу направился в библиотеку, большую уютную комнату, пропахшую запахами книг и кожаной мебели. Там было тихо, как и во всем спящем доме.

Когда Джордж подошел к письменному столу, он невольно бросил взгляд на одну памятную вещицу, стоявшую напротив, на маленьком обеденном столике. Это был небольшой, примерно шести дюймов в высоту, темно-коричневый конус с шершавой поверхностью.

Джордж понял, почему осколок метеорита сразу привлек его внимание. Кто-то, возможно горничная, переставил его любимый сувенир с привычного места на письменном столе, где он стоял уже много лет. Джордж взял осколок в ладонь и, сжимая его, вспоминал тот далекий день, когда нашел этот дар с небес в холмах вокруг Вест-Пойнта в пору их кадетской юности.

Это был лишь крошечный обломок огромного небесного тела, которое пролетело сквозь темные пространства космоса, преодолев немыслимые расстояния. Звездное железо – так предки рода Хазардов называли метеориты в старину; оно было известно еще со времен фараонов, правителей Древнего Египта.

Железо, самое могущественное вещество во вселенной. Оно стало основой строительства цивилизаций, и оно же их уничтожало. Из железа делалось смертоносное оружие, которое Джордж собирался производить на своем заводе; тому было несколько причин: чувство патриотизма, ненависть к рабству, коммерческая выгода и ответственность перед рабочими, которым он платил жалованье.

То, что лежало сейчас на его ладони, тоже в какой-то степени имело отношение к войне. Он поставил конус на свое привычное место на письменном столе, но сделал это как-то уж слишком поспешно.

После этого Джордж зажег газовую лампу над столом, открыл нижний ящик, в котором лежала небольшая наплечная сумка – как напоминание о благородном поступке друга, и какое-то время смотрел на нее. Потом, охваченный глубоким волнением, обмакнул перо в чернила и начал быстро писать одну строку за другой.

Мой дорогой Орри, когда ты привез мне эту сумку, ты проявил величайшую порядочность и беспримерную храбрость, и я очень надеюсь, что когда-нибудь смогу отплатить тебе тем же. Но на тот случай, если мне все-таки не удастся это сделать, я решил написать тебе, чтобы ты знал, что я чувствую. Знал, что больше всего на свете я хочу сохранить узы привязанности между нами и нашими семьями, ведь они росли и крепили так много лет, и поверь мне, я буду все для этого делать, несмотря на Вирджилию, несмотря на Эштон и несмотря на те уроки настоящей войны, которые я получил в Мексике, но не вспоминал о них до сегодняшней ночи. Я верю, ты ценишь нашу дружбу так же, как и я, но она хрупка, как стебель пшеницы под железным серпом. И если нам обоим или кому-то из Хазардов или Мэйнов не удастся спасти то, что нам так дорого, или если эта война, храни нас всех Господь, затянется надолго, ты должен знать одно: я всегда буду верен нашей дружбе, как и ты. Я молюсь о том, чтобы мы встретились снова, когда это все закончится, но, если судьбе будет угодно распорядиться иначе, я от всего сердца желаю тебе всего самого наилучшего.

Твой друг...

Джордж собрался уже было написать первую букву своего имени, но вдруг на лице его промелькнула грустная улыбка, и он быстро подписался своим старым кадетским прозвищем: Пенёк.

Потом медленно свернул листы, медленно сложил их в сумку, заперев ее на замок, медленно закрыл ящик стола и встал под аккомпанемент противно скрипнувших суставов. В эту теплую ночь во всем Бельведере были открыты окна, и Джордж почувствовал едва заметный запах гари, донесенный ветром. Он погасил лампу, вышел из библиотеки и, зябко поеживаясь, устало побрел к лестнице, чувствуя себя стариком.

Часть первая Дальновидность Скотта

Флаг, который развевается сейчас здесь на ветру, взлетит над куполом старого Капитолия в Вашингтоне еще до первого мая.

Военный министр Конфедерации Лерой П. Уокер, из речи, произнесенной в Монтгомери, штат Алабама, в апреле 1861 года

Глава 1

Утренний свет заливал пастбище. Неожиданно вдали, на гребне невысокого холма, показались три черные лошади. Следом, по волнистой траве, неслись еще две, их прекрасные гривы и хвосты развевались на ветру, блестящие шкуры сверкали на солнце. Вскоре за небольшим табуном появились два верховых сержанта в гусарских мундирах, густо украшенных золотыми позументами. Скача галопом, они весело кричали и размахивали фуражками, подгоняя черных лошадей впереди себя.

Эта картина сразу же привлекла внимание отряда молодых южнокаролинских добровольцев под командованием капитана Чарльза Мэйна, которые ехали на своих гнедых вдоль дороги, идущей между лесом и фермами округа Принс-Уильям. Трехдневные полевые учения увели их довольно далеко на север от лагеря между Ричмондом и Ашлендом, но Чарльз считал, что долгая верховая езда поможет еще больше отточить мастерство его людей. Все они были природными наездниками и охотниками; полковник Хэмптон, когда набирал в Колумбии, столице штата Южная Каролина, кавалерию для своего легиона, никого другого даже не рассматривал. Однако их реакция на «Тактику» Пойнсетта, как неофициально называли карманное руководство для кавалеристов еще с сорок первого года, распределялась от сдержанного безразличия до громкого недовольства.

– Боже, избавь меня от джентльменов в армии, – пробормотал Чарльз, когда несколько его подчиненных развернули своих скакунов к изгороди, разделявшей дорогу и пастбище.

Черные лошади промчались вдоль изгороди, за ними неслись вспотевшие сержанты. Когда они скакали мимо ровной шеренги добровольцев в ладных серых мундирах со сверкающими золотыми пуговицами, старший лейтенант Чарльза, коренастый веселый парень с рыжими кудрями, прокричал:

– Вы откуда, ребята?

Ответ донесся вместе с порывом июньского ветра, смешавшись со стуком копыт:

– Отряд «Черные всадники», округ Фокир!

– Да пусть себе скачут, Чарли! – крикнул первый лейтенант Амбруз Пелл своему командиру.

Чтобы прекратить беспорядки в строю, Чарльз рявкнул во все горло:

– В походную колонну по два... становись! Рысью... марш!

Приказ был выполнен настолько неохотно, что больше напоминал открытое неповиновение. Наконец отряд кое-как выстроился в ровные двойки и двинулся правильным аллюром, а когда Чарльз отдал команду «в галоп», бросился вперед, радостно улюлюкая и подбрасывая вверх фуражки. Но догнать сержантов, гнавших пятерку вороных коней, они уже не смогли – те пересекли пастбище и скрылись за деревьями.

Чарльз почувствовал укол зависти. Если эти сержанты действительно были из отряда «Черные всадники», о котором он столько слышал, то они нашли прекрасных скакунов. Своей лошастью, купленной в Колумбии, он был недоволен. Она была хороших кровей, но слишком норовиста и вполне оправдывала свое имя – Чертовка.

Извилистая дорога круто повернула на северо-восток, в сторону от огороженного пастбища. Чарльз снова перевел отряд на рысь, не обращая внимания на очередной легкомысленный вопрос Амбруза, который, к несчастью, достался ему в помощники. Проклиная все на свете, он в который раз спрашивал себя, как можно сделать настоящую боевую единицу из этой кучки аристократов, которые обращались к своему командиру вот так запросто, по имени, презирали всех выпускников Вест-Пойнта, а то и вообще лезли в драку, если им почему-то не нравился приказ. Уже дважды, с тех пор как он прибыл в лагерь в округе ГанOVER, Чарльзу пришлось применить кулаки, чтобы добиться повиновения.

В добровольческом легионе Хэмптона его отряд, набранный из разных уголков Южной Каролины, был самым неудачным. Почти все остальные пешие или конные подразделения формировались в каком-нибудь одном округе, а то и вовсе в одном городе. Обычно тот, кто собирал их, и выигрывал выборы, на которых добровольцы избирали себе командира. Но в отряде Чарльза не было ни дружбы, ни духа товарищества, часто свойственных землякам; у него собрались парни из самых разных мест – и горных районов, и предгорий, и даже из его родных низин. Командовать столь разношерстной публикой должен был человек, имеющий не только безупречное происхождение, но и немалый опыт в военном деле. Амбруз Пелл, конкурент Чарльза на выборах, отвечал лишь первому требованию, и Уэйд Хэмптон еще до голосования дал ясно понять, кого он предпочитает. Но даже при такой очевидной поддержке Чарльз победил с перевесом всего в два голоса и уже начинал жалеть, что обогнал Пелла.

Однако сейчас, когда в лицо дул легкий летний ветерок, а Чертовка вела себя смиренно и послушно шла вперед, он подумал, что, возможно, надо просто больше внимания уделять дисциплине. Эта война до сих пор считалась всего лишь веселой забавой. Один из генералов янки, Бенджамин Батлер, уже был с легкостью разбит в жестокой схватке при Бетел-Чёрч. Столица янки, где теперь сидел новый президент, уроженец Запада, которого многие южнокаролинцы называли Гориллой, по слухам, превратилась в настоящую покинутую деревню, как ее описал Голдсмит². А главной бедой четырех частей хэмптоновского легиона, похоже, были кишечные колики, ставшие следствием слишком долгих праздников в Ричмонде.

Все добровольцы подписали контракт на двенадцать месяцев, но никто из них всерьез не верил, что вся эта неразбериха между двумя правительствами продлится дольше девяноста дней. Вдыхая ароматы нагретой солнцем травы и конского пота, Чарльз, которому в этом году уже исполнилось двадцать пять, высокий, статный, загорелый до черноты, вообще с трудом верил, что идет война. Он даже не мог вспомнить то ощущение пустоты в животе, которое возникает при звуках выстрелов, хотя только в начале года ушел со своей тexasской службы во Второй кавалерийском полку Соединенных Штатов. Он вернулся домой, чтобы служить Конфедерации.

– «От границы скакал Лохинвар молодой...»³

Чарльз улыбнулся, Амбруз продолжал нараспев читать знаменитые строки, все остальные тут же к нему присоединились:

– «Всех коней был быстрее его конь боевой...»

Они, конечно, поддразнивали его, и ему не стоило позволять им горланить стихи, но он промолчал, вложив в это молчание свою отстраненность от них. Чарльз был всего на год-другой старше большинства своих подчиненных, но испытывал к ним нечто вроде родительского чувства.

– «Ты в любви благороден, в сраженье – герой, кто сравнится с тобой, Лохинвар молодой?»

Как все-таки южные мальчишки любят Скотта! И еще, безусловно, женщины. Восторгаются рыцарским духом его книг, без конца перечитывают его романы и стихи. Быть может, такое странное преклонение перед старым сэром Вальтером и есть одна из причин этой, без сомнения, очень странной войны, которая даже толком еще не началась? Кузен Купер, взгляды которого всегда расходились с взглядами других членов семьи Мэйн, часто говорил, что Юг слишком много смотрит назад, вместо того чтобы сосредоточиться на сегодняшнем дне и обратить взор на Север, где огромные производства, вроде металлургического завода Хазардов, уже давно преобладают как во внешнем облике региона, так и на политической сцене. А привычку

² Автор ссылается на поэму английского поэта и прозаика Оливера Голдсмита (1730–1734) «Покинутая деревня».

³ Вальтер Скотт. Лохинвар. Перевод Г. Усовой.

южан постоянно оглядываться назад и поклоняться воспетым Вальтером Скоттом рыцарям с плюмажем Купер считал вредной и опасной.

Внезапно впереди раздались два выстрела, сзади кто-то закричал. Чарльз резко обернулся и с облегчением увидел, что солдат, который кричал, по-прежнему сидит в седле и даже не ранен. Снова повернувшись вперед, он мысленно выругал себя за невнимательность и сосредоточился на густой ореховой роще справа от дороги. Пятна синего между деревьями подтвердили его догадку – мушкетный огонь велся именно оттуда.

Амбруаза и еще нескольких человек выстрелы только раззадорили.

– А давайте-ка поймаем этих бродяг! – крикнул кто-то в строю.

Вот идиот, подумал Чарльз, чувствуя холодок внутри. Теперь он рассмотрел в лесочке и лошадей и едва успел выкрикнуть приказ к атаке, как грянули новые выстрелы, почти заглушившие его крик.

Глава 2

Штурм был шумным и беспорядочным, зато весьма эффективным. Мелькавшие между деревьями синие пятна, яркие в солнечном свете, как птичье оперение, оказались бриджами полудюжины всадников вражеского патруля. Когда бравая кавалерия Чарльза с гиканьем ворвалась в рощу, янки в страхе помчались прочь.

Чарльз скакал первым, вскинув на изготовку свой двуствольный дробовик. Академия и Техас научили его, что хороший командир всегда должен быть впереди. И лучшим примером для подражания сейчас для него, конечно, стал создатель добровольческого легиона Уэйд Хэмптон, один из богатейших плантаторов Южной Каролины. Хэмптон был прирожденным солдатом и одним из тех редких людей, кому не нужен Вест-Пойнт, чтобы научиться военной премудрости.

Между стволами деревьев прозвучали редкие ответные выстрелы, пороховой дым стужился. Отряд Чарльза рассредоточился; ребята вволю резвились, дразня отступавших врагов, уже едва видимых.

– Эй, янки! Куда так спешите?

– Постойте, давайте сразимся!

– Ладно, парни, не стоит на них время терять! – крикнул Амбруаз Пелл. – Жаль, наших ниггеров здесь нет, пустили бы их вдогонку.

Одиночный мушкетный выстрел из глубины рощи заглушил его последние слова. Чарльз инстинктивно пригнулся к шее Чертовки. Гнедая казалась испуганной, хотя, как и все лошади легиона, была приучена к звукам выстрелов и артиллерийского огня еще в Колумбии.

Пуля просвистела мимо. Сержант Петеркин Рейнольдс вскрикнул. Чарльз разрядил в деревья оба ствола и тут же услышал крик боли.

– Рейнольдс, как вы? – Он резко дернул поводья, разворачивая лошадь.

Бледный сержант с улыбкой поднял руку, и Чарльз увидел, что на рукаве его мундира кадетского серого цвета, рядом с манжетой, темнеет небольшое пятно крови.

Друзья Рейнольдса отнеслись к его ране менее легкомысленно.

– Эй, вы, чертовы портные и сапожники в седлах! – закричал один из них и галопом пронесся мимо Чарльза, не обращая внимания на его приказ остановиться.

В просвете между деревьями Чарльз увидел, как неуклюжий увалень из патруля федералов, пухлый светловолосый парень, тщетно пытается справиться со своей лошадью – грузным беспородным тяжеловозом, как и все другие в наспех собранной кавалерии северян. Парень нещадно бил ее пятками и ругался. По-немецки.

Немец оказался таким никудышным наездником, что разъяренный солдат, который промчался мимо Чарльза, без труда догнал его и вышиб из седла. Северянин рухнул на землю и подвывал, пока не освободил левый сапог из стремена.

Южнокаролинец выхватил сорокадюймовую обоюдоострую саблю весом в шесть фунтов – более крупную, чем в регулярных войсках; она была выкована в Колумбии по специальному заказу полковника Хэмптона, который экипировал легион на собственные деньги.

Амбруаз скакал рядом с Чарльзом.

– Ты только взгляни на него, а, Чарли? – махнул он рукой. – Трясется, как какой-нибудь енот!

Пелл не преувеличивал. Стоявший на коленях янки дрожал всем телом, пока южанин спрыгивал на землю.

– Мангольд, не смей! – закричал Чарльз, когда его кавалерист взмахнул саблей и занес ее над головой толстяка.

Рядовой Мангольд обернулся, злобно уставившись на командира. Чарльз сунул свой дробовик лейтенанту, соскочил с седла и бросился к солдату, схватив того за руку, которой он сжимал саблю.

– Я сказал – нет!

Мангольд попытался вырваться:

– А ну, отпусти меня, щенок! Выродок вест-пойнтовский, чертов сукин сын, чтоб тебе...

Чарльз разжал руку и тут же врезал кулаком по физиономии Мангольда. Рядовой отлетел назад и ударился спиной о ствол дерева, из носа хлынула кровь. Чарльз вырвал у него саблю, повернулся лицом к разъяренным кавалеристам.

– Вы солдаты, а не мясники! – гневно воскликнул он. – Помните об этом! Следующий, кто не подчинится приказу, обругает меня или просто назовет по имени, предстанет перед трибуналом. А после этого я лично с ним разберусь.

Он оглядел одно за другим все враждебные лица, швырнул саблю на землю и забрал у лейтенанта свой дробовик.

– Постройте отряд, лейтенант Пелл!

Амбруз отвел глаза, однако подчинился приказу. Со всех сторон слышалось недовольное ворчание. От утреннего веселого настроения не осталось и следа, да и как оно могло сохраниться после таких событий.

Чувствуя досаду и разочарование, Чарльз думал о том, как же эти люди смогут выжить в настоящем бою, если лисью охоту считают более серьезным делом, чем такие перестрелки. Как они смогут победить, если отказываются учиться, не слушаются своего командира, а ведь без дисциплины в армии никуда?

Его давний друг по Вест-Пойнту Билли Хазард, который теперь служил в инженерных войсках федеральной армии, понимал, что к войне нужно относиться серьезно. Кузен Орри и его лучший друг Джордж Хазард, старший брат Билли, тоже это понимали. Как и все выпускники Академии. Может, это и объясняло ту пропасть, что лежала между кадровыми офицерами и самонадеянными дилетантами? Даже Уэйд Хэмптон иногда посмеивался над выпускниками Вест-Пойнта.

– Не страшнее пчелиного жужжания, правда? – услышал Чарльз чей-то голос, пока Амбруз выстраивал отряд в колонну по два на дороге.

Он удержался от комментариев и подскакал к грязному съезжившемуся пленному:

– Вам придется долго идти вместе с нами. Но никто вас не тронет. Вы меня понимаете?

– Ja, versteh'... понимать. – Немец с трудом выговаривал английские слова.

Кавалеристы считали всех янки примитивными мужланами или грубыми ремесленниками, то есть противниками, не достойными внимания. Вглядываясь в несчастного пухлого пленника, Чарльз вполне мог понять их заносчивость. Однако проблема заключалась в том, что таких мужланов и ремесленников на Севере было на сотни тысяч больше, чем на Юге, а этого чванливая южная аристократия как раз и не учитывала.

Чарльз вдруг снова подумал о Билли. Где он теперь? Увидятся ли они еще когда-нибудь? В последние годы перед войной семьи Хазардов и Мэйнов очень сдружились и даже породнились после свадьбы Билли и Бретт, но что будет теперь со всеми ними?

Слишком много вопросов. Слишком много проблем. Да еще вдобавок, когда, наконец выстроившись в колонну по два, отряд снова повернул на юг, вдруг сильно похолодало, и даже летнее солнце больше не давало тепла. Примерно через полмили от места перестрелки Чарльз услышал, что Чертовка кашляет, а когда она повернула голову, заметил, что у нее слишком мокрые ноздри.

Неужели заболела? Да, кашель усиливался. О боже, только не удушье, подумал Чарльз, ведь это зимняя напасть.

Но лошадь была молодой и более восприимчивой к болезням. Чарльз понял, что у него появилась еще одна проблема, не сулящая ничего хорошего.

Глава 3

Форма молодого человека, состоявшая из небесно-голубых брюк и темно-синего мундира с серебрястыми нашивками на погонах и маленьким овалом из черного бархата с вышитыми на нем золотыми зубчатыми башенками в обрамлении лаврового венка на воротнике, смотрелась весьма элегантно.

Молодой человек вытер губы салфеткой. Он только что съел вкуснейший бифштекс с луком и жареными моллюсками и теперь наслаждался бланманже. Было десять минут одиннадцатого. Завтраки здесь готовили только до одиннадцати утра. Вашингтон был странным городом. И очень напуганным. За Потомаком, у Арлингтонских высот, в особняке, оставленном генералом Ли, бригадный генерал Макдауэлл строил военные планы. В ожидании нового приказа молодой человек нанял лошадь и прискакал сюда позавчера. То, что он увидел, ему совсем не понравилось. В шумной, битком набитой людьми штаб-квартире армии царило смятение. Все знали, что дозоры конфедератов находятся всего в нескольких милях от столицы, и уверенности это ничуть не прибавляло.

В конце мая федеральные войска пересекли Потомак и заняли виргинский берег. Теперь полки из Новой Англии заполонили город. Их присутствие несколько сдержало волну паники, царящей в Вашингтоне в первую неделю после сдачи Самтера, когда телеграфное и даже железнодорожное сообщение с Севером было на время прервано. Нападения ждали с часу на час. Капитолий спешно укреплялся. Там разместили несколько подразделений запасных войск; в подвале работала полевая пекарня. Сейчас напряжение слегка ослабло, но он по-прежнему ощущал ту же растерянность, что наблюдал тогда в штабе Макдауэлла. Слишком много тревожных событий произошло за такое короткое время.

Накануне вечером молодой человек получил наконец предписание в штабе старого генерала Тоттена, командующего инженерными войсками. Первый бривет-лейтенант Уильям Хазард назначался в Вашингтонский военный округ и должен был перейти во временное подчинение капитана Меланктона Элайджи Фармера, до тех пор пока его рота, входящая в состав Инженерного корпуса армии Соединенных Штатов, не вернется после выполнения очередного задания.

Отбыть вместе со всеми Билли не успел, так как находился в это время дома, в Лихай-Стейшн, в отпуске по ранению. Туда же, в Пенсильванию, он привез свою молодую жену Бретт, с которой обвенчался в доме ее родителей в Южной Каролине, а после свадьбы едва не погиб от руки ее бывшего воздыхателя.

Жизнь ему тогда спас Чарльз Мэйн, но левая рука до сих пор время от времени болела от выпущенной из «дерринджера» пули, которая могла убить его. Боль играла и полезную роль. Она напоминала ему, чем он обязан своему лучшему другу, который теперь был на стороне противника в этой странной, ненужной и так еще толком и не начавшейся войне.

Завтрак утолил голод, но не избавил от дурных предчувствий. Билли был хорошим инженером. Он прекрасно разбирался в математике и любил предсказуемость уравнений и технических расчетов, когда в результате известных действий можно получить пушку той или иной конструкции. Но в будущем, которое ждало их впереди, он не видел ни этой предсказуемости, ни какой-либо определенности.

И что еще печальнее, он стоял перед лицом этой неизвестности совершенно один. Он был оторван от своих друзей-инженеров, от жены, которую любил больше жизни, и, так уж вышло, от одного из старших братьев, хотя Стэнли Хазард, его сварливая жена Изабель и их мальчишки-близнецы жили в этом же городе. Стэнли получил должность в военном министерстве благодаря сенатору Саймону Кэмерону, своему политическому наставнику.

Билли любил старшего брата Джорджа, но по отношению к Стэнли испытывал странное чувство, в котором не было уважения, отчего при общении всегда появлялась неловкость, и совсем не было любви, чего он тоже мучительно стыдился. Ни одного знакомого у него в Вашингтоне не было, но даже это не заставило его навестить Стэнли. И вообще, Билли выбрал для завтрака именно этот ресторан в отеле «Националь», потому что большинство посетителей здесь все еще поддерживали Юг, а значит, Стэнли, который придерживался противоположных убеждений, едва ли сюда заглянул бы.

Когда он оплатил счет и дал официанту чаевые, тот вдруг разразился целым потоком слов:

– Спасибо, сэр... спасибо. Это куда больше, чем я когда-либо получал от всех этих скаредных парней с Запада, понаехавших сюда, чтобы получить работу от своего президента, большого любителя черномазых. К счастью, у нас здесь таких не слишком много. Они, наверное, вообще не пьют и женщинами не интересуются, даже сумки свои сами таскают. Мои друзья из других отелей говорят, что на них ничего не заработаешь...

Билли поспешил поскорее выйти из ресторана, устав от нытья официанта, чей говор выдавал в нем южанина или выходца из приграничных штатов. Похоже, сейчас в столице было немало таких, кто только формально считался янки. Если город падет, что вполне могло случиться, они тут же заполонят все улицы, размахивая флагами Конфедерации и приветствуя Джеффа Дэвиса.

Когда он вышел из отеля, стоявшего на углу Шестой и Пенсильвания-авеню, оказалось, что начался мелкий дождик. Он надел форменную шляпу из черного фетра с бронзовой кокардой, приколотой сбоку на загнутые поля, и решил прогуляться, несмотря на дождь.

Крепкий и невысокий, Билли был всего на год старше своего друга Чарльза Мэйна. У него были темные волосы и бледно-голубые, похожие на льдинки глаза, которые передавались в роду Хазардов из поколения в поколение. Крупный подбородок придавал ему вид надежного и сильного человека. Не так давно он поддался новой моде и отпустил усы, с которых теперь стряхивал крошки от завтрака; они выросли неожиданно густыми и почти черными, темнее, чем волосы.

Предположив, что капитан Фармер, скорее всего, получил свою должность от какого-нибудь политического покровителя, Билли решил не торопиться с докладом и потратить время на изучение той части города, которая находилась к северу от уважаемой Пенсильвания-авеню.

Однако уже очень скоро он пожалел о своем решении. Война увеличила население Вашингтона, прежде составлявшее сорок тысяч человек, почти втрое. Невозможно было пройти и шага, не уворачиваясь от omnibusов, толп пьяных солдат, погонщиков мулов, с проклятиями хлеставших несчастных животных, или с виду приличных джентльменов, возникавших словно из ниоткуда и шептавших на ухо адрес лекаря, который в любое время дня и ночи лечит сифилис. А то и вовсе под ноги вдруг бросались свиньи или стадо галдящих гусей.

Но самое ужасное было то, что в городе стояла нестерпимая вонь. Хуже всего пахло от сточных вод с нечистотами, стекавшими в городской канал, который Билли увидел, когда свернул строго на юг по Третьей улице. На одном из пешеходных мостов, ведущем в юго-западный район города, известный как Айленд, он остановился и увидел труп чье-то терьера, плывущий среди гнилых капустных листьев и экскрементов.

Едва не потеряв завтрак, он развернулся и быстро пошел на восток, к Капитолию, на котором все еще не было купола. Вокруг роились военные и политики, прогуливаясь вдоль колонн. Рядом с лежащими тут и там грудями бревен, штабелями металлических листов и огромными мраморными блоками сустились рабочие. Обходя один из таких блоков, Билли натолкнулся на старую располневшую шлюху, в грязном бархатном платье и с перьями на голове. Толстуха тут

же предложила ему выбрать между ней самой и ее дочерью – болезненно-бледной девочкой едва ли старше четырнадцати.

– Мэм, у меня жена в Пенсильвании, – сказал он, стараясь быть вежливым, но шлюха не оценила его любезности.

– Иди ты в задницу, погонник! – проворчала толстуха, когда Билли пошел дальше; он засмеялся, хотя и не слишком искренне.

Через несколько минут он уже смотрел с другой стороны канала на сорняки, окружавшие памятник Джорджу Вашингтону, так и не законченный из-за недостатка интереса и средств. Возле заброшенного обелиска паслись коровы. Морось уже перешла в настоящий дождь, и Билли наконец сдался. Протолкавшись через толпу веселых сержантов, горлающих во все горло «Милую Эвелину», он быстро пошел на север и вскоре снова вернулся в шумный центр, где снял комнату в каком-то пансионе. По дороге он купил в канцелярской лавке обычную тетрадь, отдав за нее серебряный пятицентовик.

Позже, когда сгустились сумерки, Билли сел за стол и, заточив карандаш, склонился над первой пустой страницей тетради. Свет лампы в тяжелом неподвижном воздухе даже не колебался. Он вывел дату, а потом написал:

Дорогая моя жена, я начинаю эти записи и буду их продолжать впредь, чтобы ты знала, чем я еще занимаюсь каждый день, кроме того, что ужасно тоскую по тебе. Сегодня я осматривал столицу, и это была вовсе не такая приятная и обнадеживающая прогулка по причинам, о которых деликатность не позволяет мне упоминать...

При мысли о Бретт, ее милом лице, нежных руках, ее пылкости в минуты близости он почувствовал сильный огонь желания и на мгновение закрыл глаза. Потом, уже успокоившись, снова начал писать.

Город уже основательно укреплен, что, на мой взгляд, скорее говорит о предстоящей затяжной войне, чем о короткой стычке, как считают почти все вокруг. Конечно, по многим причинам было бы гораздо предпочтительнее, чтобы этот конфликт не продлился долго, и не самая последняя из них – мое страстное желание жить с тобой, моя любимая, там, куда направит меня долг службы в мирное время. Но если говорить не о личных причинах, а о тех, что касаются всей страны, то короткая война позволила бы быстрее навести порядок и расставить все по своим местам. Сегодня на одной оживленной улице я видел негра – то ли из вольноотпущенных, то ли из «контрабандных», как генерал Батлер назвал беглых рабов с Юга. Так вот этот негр даже не подумал отойти в сторону, чтобы дать мне пройти. Воспоминание об этом случае тревожило меня весь день. Разумеется, я, как и любой гражданин, хочу покончить с позором рабства, но свобода чернокожих не узаконена. Хотя я понимаю, что моя давно пропавшая сестра наверняка возразила бы мне, но все же не считаю, что мое мнение несправедливо или безнравственно. Напротив, я чувствую, что большинство думает точно так же. Во всяком случае, в армии так считают абсолютно все, это я знаю точно. Говорят, даже наш президент продолжает настаивать на срочной необходимости переселения освобожденных рабов в Либерию. Вот почему я очень боюсь затяжной войны, которая наверняка ввергнет нас в еще больший хаос слишком быстрых перемен в устройстве общества.

Он остановился, держа карандаш на весу и глядя на неподвижное пламя лампы. Каким сырým и тяжелым был воздух, даже глубокий вдох и то давался с большим трудом.

Ему вдруг стало стыдно за то, что он написал. Путаница и неразбериха, порожденные этой войной, уже начинали вызывать у него отвращение. Возможно, к тому времени, когда они

с Бретт снова окажутся вместе и она прочтет этот дневник, включая то, что еще не написано, ответы, в том числе и его собственные, станут яснее, чем этим вечером.

Ты уж прости мне мои дурацкие философствования. Тревожная атмосфера, царящая в этом городе, рождает странные мысли и сомнения, а мне больше не с кем поделиться, кроме той, с кем я делюсь всем, – с тобой, моя бесценная. Спокойной ночи, и да хранит тебя Бог...

Он провел под написанным длинную черту и закрыл тетрадь. А вскоре после этого разделся, погасил лампу и лег в кровать, но сон не приходил. Жесткая постель, одиночество и тоска по жене заставляли его еще долго ворочаться, слушая, как на соседних улицах какие-то хулиганы бьют стекла и палят из пистолетов.

– Лайдж Фармер? Вон там, приятель.

Капрал показал на белую коническую палатку в ряду таких же, весело хлопнул Билли по спине и, насвистывая, удалился. Подобное пренебрежение дисциплиной среди добровольцев было настолько обычным, что Билли не обратил на это внимания. У входа в палатку он откашлялся, поправил мундир и, держа в левой руке документы, вошел внутрь:

– Лейтенант Хазард явился, капитан... Фармер...

Изумление помешало ему четко произнести последнее слово. Перед ним стоял благообразного вида пожилой человек лет пятидесяти, а то и старше, седой как лунь. На нем была мягкая нательная рубаша, возле бедер болтались спущенные подтяжки; в правой руке он сжимал Ветхий Завет. Рядом, на шатком столике, Билли увидел пару книг Мэхена по инженерному делу, но был слишком ошеломлен, чтобы заметить что-либо еще.

– Сердечно вас приветствую, лейтенант. Я ожидал вашего приезда с большим нетерпением... нет, даже с волнением. Вы застали меня в тот момент, когда я собирался вознести хвалы и благодарность милостивому Господу нашему в утренней молитве. Не хотите ли присоединиться ко мне, сэр?

С этими словами он бухнулся на колени, а удивление Билли сменилось испугом, когда он понял, что вопрос капитана Фармера был на самом деле приказом.

Глава 4

Пока Билли получал назначение в Александрию, в здании военного министерства, расположенном в западной части Президентского парка, началось очередное совещание. Вел его, сидя за своим невероятно захламленным столом, бывший сенатор от Пенсильвании, а ныне военный министр нового правительства Линкольна Саймон Кэмерон. Однако собрал совещание вовсе не он, а этот старый надутый индюк, получивший пост главнокомандующего. Со своего места в углу, куда Кэмерон посадил двух помощников в качестве наблюдателей, Стэнли Хазард смотрел на генерала Уинфилда Скотта с едва скрываемым презрением.

Стэнли, который к своим почти сорока годам успел обзавестись заметным животиком, выглядел даже грациозно по сравнению с генералом, еще давным-давно прозванным Старина Пух-и-Прах. Уинфилду Скотту было семьдесят пять, и его грузный, похожий на бочонок торс в сверкающем галунами мундире закрывал собой всю спинку кресла, в котором он сидел, самого большого из тех, что удалось найти в здании министерства.

Из других участников присутствовали министр финансов – импозантный Сэмон Чейз – и человек в сером костюме простого покроя, который сидел в углу напротив Стэнли. С начала совещания он почти не говорил, а только вежливо и очень внимательно слушал пространственные речи Скотта. Когда Стэнли впервые увидел президента на каком-то приеме, он мог бы охарактеризовать свое впечатление как отталкивающее, но не более того. Здесь сыграли свою роль и манера держаться, и весьма неприятная внешность. Однако теперь его словарь для описания личности нового президента значительно пополнился и уже включал такие слова, как «мужлан», «фигляр» и «животное».

По правде говоря, Стэнли не было никакого дела ни до одного из присутствующих, кроме разве что собственного начальника. Разумеется, по долгу службы он обязан был восхищаться Кэмероном, который привез его в Вашингтон в награду за многолетнюю и весьма щедрую финансовую поддержку своих политических кампаний.

Однако, служа со своим благодетелем в одном ведомстве, Стэнли очень скоро открыл его худшие стороны. Одну из них он наблюдал прямо сейчас в виде башен из ричмондских и чарльстонских газет, важных источников информации об идущей войне, которые громоздились на каждом свободном уголке министерского стола и на верхушке шкафа. Такие же украшения покрывали ковер, возвышаясь неровными колоннами, тесно прижатыми друг к другу. Богом, правящим военным министерством Саймона Кэмерона, был Хаос.

Хозяин всего этого сидел за огромным письменным столом, плотно сжав губы и обратив вперед загадочный взгляд серых глаз. В свое время в Пенсильвании он получил прозвище Босс, но теперь его так больше никто не называл, по крайней мере в лицо. Пальцы Кэмерона безостановочно вертели его главные конторские принадлежности – замусоленный обрывок газеты и огрызок карандаша.

– ...слишком мало ружей, господин министр, – тяжело дыша, пыхтел Скотт. – Я постоянно слышу это в наших тренировочных лагерях. Нам не хватает ресурсов, чтобы обучать и снаряжать тысячи человек, которые храбро откликнулись на призыв президента.

Чейз наклонился в сторону стола:

– И требование двинуться на Ричмонд становится все более настойчивым день ото дня. Уверен, вы понимаете почему.

– Там скоро соберется Конгресс Конфедерации, – сухо и как будто неодобрительно произнес Кэмерон. – Если точнее... – он заглянул в очередной газетный обрывок, на этот раз достав его из внутреннего кармана сюртука, – то двадцатого июля. В том же месяце, в котором у большинства добровольцев закончится срок девяностодневного призыва.

– Значит, Макдауэлл должен сделать свой ход! – рявкнул Чейз. – А он тоже плохо снаряжен.

Стэнли украдкой написал короткую записку на листке из блокнота: «Настоящая проблема – добровольцы». Потом встал и протянул листок через стол. Кэмерон схватил записку, прочитал ее, смял и слегка кивнул в сторону Стэнли. Министр понимал, что главной заботой Макдауэлла было вовсе не снаряжение, а необходимость полагаться на добровольцев, чье поведение он не мог предсказать и в чью храбрость не особо верил. Подобная высокомерная позиция была характерна для большинства кадровых офицеров из Вест-Пойнта или, точнее, для тех, кто не дезертировал, получив хорошее образование в этой школе предателей. Впрочем, эту тему Кэмерон решил не затрагивать. Он ответил Чейзу с вялой почтительностью:

– Генерал, я продолжаю считать, что главная наша проблема не в том, что у нас мало ружей, а в том, что слишком много людей. Мы набрали уже триста тысяч, это намного больше, чем нам нужно в нынешней ситуации.

– Что ж, надеюсь, в этом вы правы, – произнес из своего угла президент.

Никто не обратил на него внимания. Как обычно, голос Линкольна прозвучал слишком высоко, что постоянно служило поводом для шуток за его спиной.

Что за сборище шутов, подумал Стэнли, ерзая пухлым задом по твердому сиденью стула. Вот Скотт – тупоголовые южане называли его сутенером свободных от рабства штатов, но на самом деле за ним следовало внимательно присматривать, ведь он сам, кажется, был родом из Виргинии. И перед войной продвинул на высокие армейские посты десятки виргинцев за счет северян, имеющих равную подготовку. Или взять Чейза, который любит негров. А президент так просто неотесанный деревенщина. Так что при всей своей беспринципности Кэмерон из них, пожалуй, единственный, кто хотя бы имеет какой-то опыт государственной службы.

Меж тем Чейз решил ответить президенту длинной тирадой:

– Надеяться недостаточно, господин президент! Нам необходимо более энергично вести закупки в Европе. У нас осталось слишком мало артиллерийских орудий на Севере, после того как в Харперс-Ферри мы потеряли...

– Закупки в Европе обсуждаются, – перебил его Кэмерон. – Но на мой взгляд, этот путь излишне расточителен.

– Черт побери, Кэмерон! – топнул ногой Скотт. – Вы говорите «расточителен», в то время как предатели вот-вот поднимут мятеж!

– Помните о двадцатом июля, – добавил Чейз.

– Мистер Грили и ему подобные не дают мне забыть об этом.

Но его ехидные слова потонули в яростном крике Чейза:

– Мы должны сокрушить Дэвиса и его сброд до того, как они заявят о своей законности Франции и Великобритании! Мы должны раздавить их! Я согласен с конгрессменом Стивенсом из вашего родного штата! Если бунтовщики не уступят и не одумаются...

– Не уступят. – Скотт подчеркнул свои слова энергичным жестом. – Я знаю виргинцев. И знаю южан.

– ...нам придется последовать совету Тада Стивенса, – продолжил Чейз, – и сровнять Юг с землей.

При этих словах президент откашлялся, и хотя он сделал это довольно тихо, никто не поспел проигнорировать звук в наступившей короткой паузе, не выказав при этом грубости. Линкольн встал, сунул руки в карманы, что только еще больше подчеркивало, какой он нескладный. Нескладный и изможденный. А ведь ему было лишь слегка за пятьдесят. От Уорда Леймона, близкого друга президента, Стэнли слышал, что Линкольн не надеялся вернуться в Спрингфилд. Анонимные письма с угрозами убить его приходили в канцелярию ежедневно.

– Что ж... – негромко, но очень уверенно заговорил президент. – Я бы не сказал, что разделяю предложения Стивенса. С самого начала я постоянно заботился о том, чтобы политика

этого правительства не свелась к жестокой и беспощадной борьбе. К некоей социальной революции, которая навсегда оставила бы Союз расколотым. Я хочу, чтобы он снова стал единым, и только по этой причине, и ни по какой другой, я надеюсь на скорую капитуляцию временного правительства в Ричмонде. Не для того, – подчеркнул он, – чтобы удовлетворить мистера Грили, имейте в виду. А для того, чтобы покончить со всем этим и найти некий разумный способ отмены рабства.

Кроме пограничных штатов, скептически подумал Стэнли. Там президент оставлял все как есть из опасения, что эти штаты перейдут на сторону Юга.

– Оставляю вопрос закупок на вас, господин министр, – обратился президент к Кэмерону. – Но хочу, чтобы оружия и всего остального было достаточно для снабжения армии генерала Макдауэлла, а также тренировочных лагерей и подразделений, защищающих наши границы.

Все поняли, что последние слова относились к Кентукки и Уэсту. Чтобы быть уверенным, что ни у кого не возникнет разночтений по отношению к его речи, Линкольн добавил:

– Займитесь поставками из Европы более энергично. Пусть мистер Чейз найдет деньги. На дрогнувших щеках Кэмерона выступили розовые пятна.

– Будет исполнено, господин президент, – сказал он, потом быстро черкнул что-то на грязном обрывке бумаги и сунул его в карман – скорее всего, без всякой надежды когда-нибудь снова извлечь на свет.

Встреча закончилась обещанием Кэмерона немедленно назначить помощника министра для контактов с поставщиками иностранного вооружения.

– И посоветуйтесь с полковником Рипли, как только будет возможность, – сказал президент, уходя.

Он говорил о начальнике артиллерийского управления, расположенного в Уиндер-билдинге. Как и Скотт, Рипли был из числа динозавров, участвовавших еще в войне 1812 года.

Чейз и Скотт ушли немного повеселевшие благодаря уступчивости Кэмерона. Да еще из Западной Виргинии пришли хорошие вести – в начале месяца Джордж Макклеллан сумел остановить продвижение армии Роберта Ли.

Люди, вызванные на совещание в тот день, по-разному представляли себе, как можно одержать победу в этой войне. Скотт, который то и дело морщился и ворчал от подагрических болей, вызванных обжорством, несколько недель назад предложил грандиозный план жесткой блокады всего побережья Конфедерации. Для этого, считал он, необходимо переправить большую союзную армию на канонерках по Миссисипи, захватить Новый Орлеан и удерживать выход к заливу. Скотт хотел изолировать Юг от всего остального мира, перекрыв таким образом не только экспорт производимой там продукции, но и ввоз необходимых товаров. Вслед за этим должна была последовать быстрая и неизбежная капитуляция. Свои доводы Скотт увенчал обещанием принести с помощью такой стратегии верную победу с минимальным кровопролитием.

Линкольну понравились некоторые пункты плана, и уже в апреле блокада начала осуществляться. Однако весь план, о котором каким-то образом разнюхали газетчики, тут же окрестив его Анакондой Скотта, вызвал резкое сопротивление у радикалов вроде Чейза – а таких в республиканской партии было немало, – которые не хотели ждать и жаждали быстрого триумфа. Именно они бросили клич «Вперед, на Ричмонд!», который теперь слышался везде – от церковных кафедр до борделей; по крайней мере, так говорили Стэнли. Сам он был слишком робок, чтобы пойти в публичный дом, хотя постоянно страстно желал секса, а его жена редко баловала его своими ласками.

Сможет ли Союз надавить на столицу Конфедерации? У Стэнли не было времени поразмышлять об этом, потому что Кэмерон, проводив всех после совещания, очень быстро вернулся. После этого он собрал Стэнли и еще четверых своих помощников и принялся доставать

из всех карманов клочки бумаги самых причудливых форм и раздавать указания. Обрывок, на котором министр бегло записал жесткое требование президента, незаметно упал на пол.

– Теперь вы, Стэнли. – Кэмерон устремил на него взгляд серых глаз цвета зимних холмов, по которым бродили его шотландские предки. – Сегодня у нас с вами встреча по поводу обмундирования.

– Да, господин министр.

– Мы встречаемся с этим парнем в... постойте-ка... – Он начал хлопать себя по карманам в поисках нужной бумажки.

– В «Уилларде», сэр. В баре. В шесть часов вечера – так вы ему назначили.

– Да, в шесть. Все эти подробности, знаете, как-то не вмещаются в мою голову. – Кислая улыбка министра говорила о том, что это обстоятельство его не слишком беспокоит.

Незадолго до шести они вышли из министерства и перешли на другую сторону улицы. Вчерашний дождь снова превратил дорогу в грязную канаву. Как ни старался Стэнли ступать осторожно, но все равно забрызгал свои бежевые брюки, чем был очень расстроен. В Вашингтоне внешность значила больше, чем то, что за ней скрывалось. Этому, как и многому другому за время их семейной жизни, Стэнли научила жена. Он прекрасно понимал, что без Изабель был бы просто тряпкой под ногами своего младшего брата Джорджа.

Министр беспечно помахивал тростью, описывая круги в воздухе. В янтарном вечернем свете длинные тени прохожих лежали далеко впереди. Мимо них, дыша пивными парами, прошли трое шумных зуавов в красных фесках и мешковатых штанах. Один из них был совсем мальчишкой, и он напомнил Стэнли о его близнецах, Лейбане и Леви. Им уже исполнилось по четырнадцать, и он совсем не мог с ними справляться. Слава Богу, что у него есть Изабель.

– ...продиктовал телеграфное послание после нашей утренней встречи, – донеслись до него слова Кэмерона.

– О, сэр, простите... Кому?

– Вашему брату Джорджу. Мы могли бы использовать такого человека, как он, в артиллерийском департаменте. Если он пожелает, мне бы хотелось, чтобы он приехал в Вашингтон.

Глава 5

Стэнли показалось, что его ударили кулаком в живот.

– Вы дали телеграмму... Вы хотите... чтобы мой брат Джордж?..

– Работал в военном министерстве, – ответил министр с легким самодовольством. – Я думал об этом несколько недель и утром принял решение. Ваш брат – один из самых влиятельных людей нашего штата, Стэнли. Он первый в своем деле, а я знаком с металлургическим производством не понаслышке, не забывайте. Ваш брат всегда добивается своего, любит новые идеи. Он из тех, кто может вдохнуть новую жизнь в наше артиллерийское управление. Рипли уже ни на что не способен, он просто ходячая развалина. А его помощник... ну, тот офицер, как его...

– Менадье, – с усилием пробормотал Стэнли.

– Да. Так вот из-за них президент мной недоволен. Он интересуется нарезными винтовками, но Рипли твердит, что они плохие. А знаете почему? Потому что у него на складах только гладкоствольное оружие.

Хотя сам Кэмерон часто сопротивлялся новым идеям так же яростно, как полковник Рипли, Стэнли уже давно привык к тому, что его начальник искусно переводит стрелки на других. Он преуспел в этом еще в Пенсильвании, будучи сенатором. Стэнли быстро сосредоточился и собрался с силами, чтобы не дать Кэмерону уйти в сторону от темы.

– Господин министр, я согласен, что нам необходимо привлекать новых людей. Но почему вы послали телеграмму... То есть я хотел сказать, мы ведь даже не обсуждали... – Он вдруг умолк под колким взглядом Кэмерона.

– Да бросьте, мальчик мой! – воскликнул министр. – Я вовсе не нуждаюсь в вашем решении, чтобы сделать что-то. Тем более я прекрасно знал, как вы к этому относитесь. Ваш брат полностью взял управление вашего семейного предприятия на себя, а вас отстранил от дел, и вам это не дает покоя.

«Да, черт побери, так оно и есть!.. С самого детства я постоянно жил в тени Джорджа. А теперь, когда наконец вздохнул свободно, все начинается сначала! Мне это совершенно ни к чему».

Конечно, ничего этого Стэнли не сказал вслух. Пройдя еще несколько шагов, они повернули к главному входу отеля «Уиллард». Кэмерон выглядел веселым, Стэнли – несчастным.

Вестибюль отеля и примыкавшие к нему залы были, как обычно, многолюдны. Рядом с отгороженным канатами участком стены один из братьев Уиллардов, уроженцев Вермонта, спорил с каким-то угрюмым маляром. Вокруг стоял тяжелый запах краски, штукатурки и духов. Стоящие под люстрами мужчины и женщины с ничего не выражавшими глазами и натянутыми, как маски, лицами вели серьезные разговоры, громко смеялись, наклоняясь друг к другу и почти соприкасаясь лбами. Это был Вашингтон в миниатюре.

Стэнли уже пришел в себя настолько, чтобы сказать:

– Конечно, это ваше решение, сэр...

– Вот именно.

– Но я смею напомнить вам, что мой брат не принадлежит к числу ваших самых убежденных сторонников.

– Он республиканец, как и я.

– Уверен, он помнит те дни, когда вы выступали за демократов.

Стэнли прекрасно помнил, как возмутили Джорджа события на съезде республиканской партии в Чикаго, когда выбирали кандидатов в президенты. Штабу Линкольна тогда понадобились голоса, которыми распорядился Кэмерон, а тот соглашался их отдать лишь в обмен на министерский портфель.

– Он скорее будет работать против вас, – с уверенностью произнес Стэнли.

– Он будет работать *на меня*, если я правильно с ним договорюсь. Знаю, он меня не любит, но теперь война, а он сражался в Мексике, такой человек не может повернуться спиной к старому флагу. Кроме того, – серые глаза Кэмерона хитро прищурились, – намного легче справиться с человеком, когда он у тебя под рукой. Даже оставив в стороне его опыт, я предпочел бы, чтобы ваш брат был рядом, чем где-то в лихайской долине, где он скорее может мне навредить.

Министр ускорил шаг, давая понять, что разговор окончен. Но Стэнли не сдавался:

– Он не приедет.

– Приедет. Рипли – глупый старый осел, ему пора отдыхать на лужайке. Из-за него и я выгляжу в черном свете. Мне необходим Джордж Хазард. А я всегда получаю то, чего хочу.

Министр толкнул тростью дверь бара и вошел внутрь. Стэнли потащился следом, кипя от злобы.

Коммерсант, просивший о встрече, какой-то знакомый приятеля Кэмерона, оказался приземистым мужичком с ярко-розовыми губами. Звали его Хаффстедер. Он уже заказал всем выпивку по своему усмотрению – лагер для Стэнли и виски для Кэмерона, – и все трое уселись за столик, из-за которого только что встали несколько офицеров. Один из них узнал Кэмерона и почтительно кивнул. Даже Стэнли навлек на себя напряженный, почти испуганный взгляд толстого солдата, сидящего у стойки. Кэмерон не боялся назначать встречи в этом месте. Многие важные вопросы правительственные чиновники решали именно в таких барах и салунах. Дым и достаточно громкий шум охраняли от слишком пристального внимания и посторонних ушей.

– Позвольте мне сразу перейти к делу... – заговорил Хаффстедер.

– Вы хотите получить контракт, – перебил Кэмерон, не дав ему продолжить. – Вы не один такой, как я уже говорил. Но я бы не сидел здесь, если бы вы не заслуживали... некоторой льготы, назовем это так. – Его взгляд встретился с взглядом собеседника. – Благодаря прошлым любезностям. Не будем уточнять, каким именно. Итак, что вы продаете?

– Униформу. С быстрой доставкой и по приемлемой цене.

– Где ее шьют?

– На моей фабрике в Олбани.

– А-а, верно. Штат Нью-Йорк. Помню.

Торговец достал из кармана квадратный лоскут грубой ткани, выкрашенной в темно-синий цвет, и положил образец на стол. Стэнли взял его обеими руками и без труда разорвал пополам.

– Дешевка, шодди, – сказал он.

Эти два слова обычно употреблялись как синонимы, хотя словом «шодди» называли материал, сделанный из переработанных шерстяных тряпок. Хаффстедер промолчал. Кэмерон повертел в руках один из кусков. Он знал, как и Стэнли, что форма, сшитая из такого материала, прослужит два или три месяца, а то и меньше, если зарядят дожди. Но война вынуждала к некоторым компромиссам.

Кэмерон не стал ходить вокруг да около:

– Теперь что касается контракта, мистер Хоффстедер. – (Подрядчик негромко пролепетал свою фамилию, поправляя министра, но тот не обратил на это внимания.) – Закон прозрачен как кристалл, и мое министерство обязано ему подчиняться. Мы действуем в рамках открытых торгов, которые начинаются, когда мы объявляем о необходимости заключения того или иного контракта. С другой стороны, я располагаю собственными средствами и могу дать денег официальным закупщикам министерства на приобретение чего бы то ни было по своему усмотрению, независимо от торгов. Вы меня понимаете? – (Хаффстедер кивнул.) – Когда наши храбрые парни нуждаются в шинелях или порохе, мы не можем дотошно следовать букве

закона. У нас нет времени на объявление торгов, когда бунтовщики уже собрались в Виргинии и готовы напасть на нас в любую минуту, ведь так? Поэтому... – Кэмерон красноречиво взмахнул рукой, – особая цена для наших особых поставщиков.

«Да, и чтобы услужить особым друзьям». Всего за несколько месяцев Стэнли в совершенстве постиг всю систему.

Кэмерон опустил руку:

– Стэнли, составьте список наших нью-йоркских представителей с адресами для этого джентльмена. Повидайтесь с каждым из них, и я уверен, вы добьетесь своего.

– Сэр, не знаю, как вас и благодарить.

– Вы уже отблагодарили. – Кэмерон снова устремил на торговца, который явно нервничал, холодный взгляд серых глаз. – Я помню ваши пожертвования. Весьма щедрые, надо сказать. Именно такие, какие я ожидаю от тех, кто действительно хочет внести свой вклад в нашу победу на этой войне.

– Я лучше сам напишу нашим представителям, – вставил Стэнли.

– Да, позаботьтесь об этом.

Кэмерону следовало предупреждать своего воспитанника, что нужно использовать иную сказания, – Стэнли уже написал с десятков писем подобного рода.

– Что ж, сэр, – сказал Кэмерон, вставая, – если вы не против, я собираюсь поужинать с моим братом. Он тоже служит нашему делу, командует Семьдесят девятым Нью-Йоркским полком. Там почти все сплошь шотландцы. Но меня вы в килте не увидите, только не с моими коленями.

Эту шутку Кэмерон произнес, уже отойдя от стола. Хаффстедер продолжал сидеть с рассеянной улыбкой на лице. Стэнли поспешил за своим начальником, думая о том же, о чем думал не раз. Если подобная практика министерства когда-нибудь выйдет на свет... Впрочем, он всегда старался быть предельно осторожным. Ему очень хотелось попасть в Вашингтон, этот центр власти, и если ради этой мечты нужно испачкать руки, он готов заплатить такую цену. Кроме того, Изабель тоже хотела этого.

В вестибюле он догнал Кэмерона и предпринял последнюю попытку:

– Сэр, прежде чем вы уйдете... прошу вас еще раз подумать насчет Джорджа. Не забывайте, он ведь один из этих вест-пойнтовских хлыщей!

– Мальчик мой, мне они нравятся не больше, чем вам, уверяю вас. Но если мне нужен результат, я готов на что угодно.

– Господин министр, умоляю вас...

– Довольно! Вы что, не слышите меня?

К ним повернулись несколько голов. Покраснев от своей несдержанности, Кэмерон схватил Стэнли за рукав и потащил к свободному диванчику.

– Вы слишком много себе позволяете. Джеймс обидится, если я опоздаю, но я хочу кое-что окончательно прояснить.

«О Боже, он меня сейчас уволит...» – подумал Стэнли.

По выражению лица Кэмерона это действительно можно было предположить. Он толкнул Стэнли на диван:

– А теперь послушайте меня. Вы мне нравитесь, Стэнли. Более того, я вам доверяю, чего не могу сказать почти ни о ком, с кем работаю. Хватит беспокоиться из-за вашего брата. Я с ним управляюсь. А вам я советую как можно скорее забыть о прошлом и воспользоваться преимуществами настоящего.

– Что вы имеете в виду? – уныло спросил Стэнли.

Кэмерон, слегка успокоившись, сел рядом:

– Берите пример с того жулика, с которым мы только что говорили, вот что я имею в виду. Изыщите возможность и извлеките из нее выгоду. Я управляю своим министерством в

строгом соответствии с законом... – Стэнли был слишком расстроен, чтобы рассмеяться над такой откровенной ложью. – Но это не значит, что я не желаю видеть, как преуспевают мои доверенные лица. Надо выполнить много мелких работ, чтобы завершить одну большую.

– Хотите сказать, я должен искать контракты? – наконец понял Стэнли.

Кэмерон хлопнул его по колену:

– Так точно, сэр!

– На что?

– На все, в чем нуждаются наши ребята. Например, на это. – Чуть наклонившись, Кэмерон ткнул пальцем в свой левый ботинок, после чего задумчиво уставился в недавно выкрашенный потолок. – Обувная промышленность – вторая крупнейшая отрасль на Севере, но в последнее время ей приходится нелегко. Могу поспорить, в Новой Англии множество мелких фабрик сейчас продается.

– Но я ничего не знаю об обувном произ...

– Так учитеесь, мой мальчик! – Кэмерон резко, как змея в броске, наклонил к нему голову. – Учитеесь!

– Ну, полагаю, я мог бы...

– Безусловно. – Кэмерон, к которому вернулась вся его приветливость, второй раз хлопнул Стэнли по колену и встал. – Обуви сейчас отчаянно не хватает. И для кого-то это отличная возможность.

– Я ценю ваше предложение. Спасибо.

– До свидания, мой мальчик! – просиял Кэмерон.

– До свидания, сэр.

Когда министр ушел, Стэнли еще какое-то время сидел неподвижно, глядя на свои ноги. Он всегда с трудом принимал решения, а сейчас к тому же все его мысли были заняты Джорджем. Ему так и не удалось переубедить министра. И как теперь выдержать гнев Изабель, когда она узнает, что человек, вынудивший их уехать из Лихай-Стейшн, теперь приглашен в Вашингтон и снова станет его соперником?

Глава 6

– Не было бы никакой войны, если бы не черномазые.

– Ты не прав! Это всё бунтовщики начали, когда из Союза вышли. Так что, скажу я вам, не за ниггеров эта война, а за флаг.

– Ладно, согласен. Только сдаётся мне, перестрелять их всех надо, тогда и проблемы не будет.

Реплика вызвала громкие одобрительные крики. Единственный офицер, сидевший там же, в баре отеля «Уиллард», был согласен с таким заявлением, но промолчал, помня, что на нем мундир. Услышали бы это некоторые любители ниггеров из правительства, подумал он.

Офицер весил двести тридцать фунтов. Под безупречно сшитым мундиром выпирал внушительный живот; на мертвенно-бледном лице, которое яркое солнце могло сделать красным за полчаса, резко выделялись темные глаза, то и дело смотревшие на столик в углу. Сейчас там остался один человек; двое других ушли совсем недавно, и лицо того, что помоложе, показалось ему до странности знакомым. Он потягивал виски и рылся в памяти. Офицеру было тридцать семь лет, но его черные волосы полгода назад уже начали седеть. Он каждый день подкрашивал их, чтобы скрыть седые пряди и сохранить моложавую внешность. Хотелось бы полковнику Елкане Бенту с такой же легкостью забыть об их существовании.

Седина напоминала ему о собственной смертности, принося все больше растущее чувство разочарования своей карьерой. Это чувство преследовало его почти всю его взрослую жизнь. Однако в последние месяцы, пока он бездельничал в этом невежественном городе, подерживающем южан, оно только усилилось. Бент ненавидел южан почти так же яростно, как ненавидел негров. Но больше всего он ненавидел одного южанина, которого звали Орри Мэйн, и его дружка-однокурсника Джорджа Хазарда, янки. И вдобавок в Вашингтоне жил единственный человек, к которому Бент питал хоть какую-то привязанность, но ему было запрещено с ним видеться.

Лицо ушедшего незнакомца продолжало маячить в памяти Бента. Он жестом подозвал бармена:

– Вы видели того джентльмена, который только что вышел?

– Министра Кэмерона?

– Нет, того, что был с ним.

– А-а, это один из его холуев, Стэнли Хазард.

Рука Бента сама собой сжалась в кулак.

– Из Пенсильвании?

– Наверное. Кэмерон многих привез с собой оттуда в военное министерство. – Бармен кивнул на пустой стакан. – Налить вам еще?

– Да, двойной.

«Стэнли Хазард, значит», – подумал Бент. Наверняка брат Джорджа Хазарда. Это объясняло их сходство, несмотря на то что у Стэнли лицо было мягкое и обвисшее. На мгновение эмоции настолько захлестнули Бента, что у него даже закружилась голова.

Орри Мэйн и Джордж Хазард учились в Военной академии на курс младше. С самого начала они презирали его и настраивали против него других кадетов. Именно их Бент считал виновными в том, что ему не удалось добиться ни продвижения по службе, ни наград. Так было в Вест-Пойнте, а потом повторилось в Мексике.

В конце пятидесятых Бента отправили в Техас во Второй кавалерийский полк. И служивший там кузен Орри Мэйна, дерзкий новый лейтенант Чарльз Мэйн, еще больше подпортил его личное дело.

В этой войне Мэйны, разумеется, встали на сторону предателей-южан. Джордж Хазард уже много лет назад ушел из армии, но его младший брат Билли служил в Инженерном корпусе.

Бент не знал, где сейчас находится каждый из них, зато одно знал наверняка: он, Елкана Бент, рожден для славы. Для высшей власти. Он всегда верил, что сможет стать американским Бонапартом, и продолжал в это верить, даже несмотря на то, что один из его сокурсников, этот выскочка Джордж Макклеллан, который недавно вернулся в армию, каким-то образом сумел убедить легковых газетчиков присвоить этот титул ему.

Ну да все равно. Главное – не титулы, а власть сама по себе. Она принесет ему признание, вознаградит его военный гений и, уж конечно, позволит наконец уничтожить ненавистных Мэйнов и Хазардов.

Бент глотнул виски и тщательно запечатлел в памяти нынешнюю внешность Стэнли. Осушив стакан, он взглянул на часы: было уже половина восьмого. Скоро стемнеет, и улицы станут небезопасными. Ночным патрулям, в отличие от полицейских, которые дежурили днем, правительство платило в основном за то, чтобы они охраняли общественные здания, а не горожан. Поэтому пора было уходить. Хотя у него с собой была сабля, Бент совсем не хотел привлекать к себе внимание грабителей, искавших своих жертв после захода солнца. Такие люди пугали его.

Еще глоточек, и он пойдет. Бент снова выпил, рисуя в уме воображаемые картины будущей расправы над Стэнли Хазардом. Вот он душил его... нет, лучше вонзает саблю ему прямо в живот. Увы, все это не помогало. Больше всего на свете Бенту хотелось разделаться с Джорджем Хазардом и Орри Мэйном лично.

Сжимая рукоять сабли, Бент нетвердой походкой вышел из бара отеля «Уиллард». В воздухе висела душная влага – от реки наверняка скоро начнет снова подниматься этот отвратительный туман. Бент наткнулся на продавца устриц, который последний раз прогудел в свой рожок и быстро покатил тележку дальше. Бент выругался в сторону размытой фигуры и рванулся вперед, сквозь сумеречные тени, из которых доносились дразнящие голоса. Он не стал гадать, реальными они были или призрачными, и перешел на бег.

Через три квартала этой ужасной пытки он наконец добрался до безопасного убежища пансиона. Задышавшись, он с трудом поднялся по ступеням на освещенную веранду и стоял там, пока не утихли дрожь и одышка. Потом вошел в гостиную, где сидел другой постоялец, с которым он уже познакомился. Полковник Элмсдейл, ньюгэмпширец с оттопыренными ушами, показал Бенту на какие-то бумаги на столе.

– Сегодня пришло мое назначение, – сказал он, не вынимая изо рта сигары. – И ваше тоже. Вот, полюбуйтесь. Не самые лучшие новости.

– Не самые лучшие?

Бент облизнул и без того влажные губы и схватил бумагу. Буквы, выведенные мудреной вязью, извивались так замысловато, словно в бумагу каким-то невероятным образом забрались змеи. Однако Бент понял каждое слово и был так напуган, что непроизвольно испортил воздух с довольно громким звуком. Элмсдейл не засмеялся, даже не улыбнулся.

– Войсковой округ в... Кентукки?

– Да, в Камберленде, – мрачно кивнул полковник. – И знаете, кто там командующий? Андерсон. Тот самый рохля, который сдал Самтер. Знаю, многие считают его героем, но я бы вздернул его, если бы мог.

– И где этот гарнизон Дик-Робинсон?

– Рядом с Данвиллом. Тренировочный лагерь для добровольцев.

– И мне предстоит нести службу в... отделившемся штате? – недоверчиво произнес Бент.

– Как и мне. Поверьте, я рад этому не больше вашего, Бент. Нам предстоит командовать зелеными новичками, и это притом, что в тех местах за каждым кустом прячутся партизаны... и никто не сражается по правилам. Даю голову на отсечение, что эти деревенские олухи, которых мы должны обучить, в жизни не прочли ни одной книги.

– Наверное, это какая-то ошибка, – прошептал Бент, разворачиваясь и неловко идя к лестнице.

– Безусловно. Армейская. – Элмсдейл вздохнул. – Но тут уж мы с вами ничего изменить не можем.

Бент, который, едва волоча ноги, поднимался по ступеням, уже не слышал его. Внизу, из столовой, по пыльному коридору, освещенному светом газовых ламп, плыли резкие запахи жареного мяса и лука, но он даже думать не мог о еде, хотя наступило время ужина. Зайдя в свою комнату, Бент с громким стуком захлопнул дверь и тяжело опустился на кровать. Значит, строевая служба. Командовать безграмотными олухами в дикой глуши, где можно запросто погибнуть от смертельной пули, выпущенной каким-нибудь сторонником южан.

Или от невнимания начальства, которому нет дела не только до его великой миссии – даже до его существования.

«Что же случилось?» В душной темноте комнаты, пропахшей шерстяной тканью мундира и потом, Бент едва не рыдал. Где был его защитник, куда он смотрел? С самого начала карьеры Бента этот человек втайне помогал ему. Добился для него места в Академии от штата Огайо, а потом, когда после козней Хазарда и Мэйна его отчислили, добился его восстановления, обратившись лично к военному министру. И, за исключением Мексиканской войны и Техаса, которых никак нельзя было избежать, Бент всегда получал безопасные назначения. Он оставался в армии, но его жизни ничто не угрожало.

До этого дня.

Боже правый, да это самое настоящее изгнание! А если его ранят в бою? Он ведь может умереть! Почему покровитель бросил его? Наверняка ненамеренно. Наверняка никто и не знает об этом приказе, кроме нескольких штабных клерков. Должно быть какое-то объяснение...

Все еще трясясь как в лихорадке, Бент понял, что нужно делать. Да, это было нарушением четкой и очень давно заключенной договоренности о том, что он никогда не должен обращаться к своему защитнику напрямую. Но в такой безвыходной ситуации договор можно и нарушить.

Он выскочил из комнаты и побежал вниз по лестнице, напугав Элмсдейла, который как раз поднимался.

– Туман сгущается, – сказал ему полковник. – Если куда-то собираетесь, возьмите с собой револьвер.

– Я не нуждаюсь в ваших советах! – огрызнулся Бент. – Пропустите! – Распахнув переднюю дверь, он выскочил на улицу; сабельные ножны на поясе бешено раскачивались.

Элмсдейл выругался и пробормотал:

– И как только таких безумцев в армии держат.

Глава 7

Карета повернула на север, на Девятнадцатую. Домов здесь было совсем немного, в этом отдаленном районе предпочитали жить только богатые люди, избегавшие грязи и опасностей центра города.

– Который дом между «К» и «Л»? – крикнул кучер.

– Он там только один. Занимает весь квартал.

Бент цеплялся за кожаную ручку дверцы с таким отчаянием, словно это был спасительный канат, брошенный тонущему в океане. Во рту у него пересохло, губы горели, хотя все тело бил озноб. Туман с Потомака висел грязной завесой даже перед самыми ярко освещенными окнами.

Целью Бента был дом человека по имени Хейворд Старквезер. Уроженец Огайо, Старквезер не имел ни профессии в строгом понимании этого слова, ни должности, ни какого-либо явного источника существования, хотя и жил в этом городе уже четверть века. И все же в последние шестнадцать лет его можно было с уверенностью назвать не иначе как богачом. Репортеры, недавно работавшие в Вашингтоне – обычно совсем молодые, непуганые и недалевидные, – иногда называли его лоббистом. Совсем уж безрассудно храбрые даже использовали определение «влиятельный барыга». Елкана Бент мало знал о делах Старквезера, но понимал, что называть этого человека лоббистом – все равно что называть Александра Македонского простым солдатом.

По слухам, Старквезер представлял интересы крупнейших денежных воротил Нью-Йорка – людей, которые могли сравниться с обитателями Олимпа по своему богатству и власти, которые могли игнорировать любой закон, если так было нужно им, формировали политику правительства, подстраивая ее под свои личные цели. Именно ради их выгоды, как утверждала молва, Старквезер заводил друзей в высших эшелонах власти уже более двух десятилетий, и это вызывало у Бента благоговение и страх.

– Здесь поверни! – крикнул он.

Кучер едва не пропустил широкий подъездной путь в форме полукруга, ведущий к внушительному особняку, больше похожему на греческий храм, чем на жилой дом. Туман скрывал верхние этажи и флигели. Бент озадаченно смотрел на темные окна и пустую дорогу. Несколько раз он проезжал мимо этого дома по вечерам, и окна всегда были ярко освещены, а дорога заставлена экипажами гостей.

– Подожди меня, – сказал Бент кучеру, направляясь к широким мраморным ступеням перед главным входом.

Взявшись за дверной молоток в форме резной львиной головы, он дважды постучал. Звуки ударов гулко разнеслись внутри. Неужели его покровитель уехал? Думая о Старквезере, Бент почти никогда не использовал никакого другого слова и уж тем более не позволял себе никакой грубости.

Он постучал еще раз. Наконец дверь открыл пожилой слуга с покрасневшими глазами, но, прежде чем он успел открыть рот, Бент выпалил:

– Я полковник Елкана Бент! Мне необходимо увидеть мистера Старквезера. Это срочно.

– Очень сожалею, полковник, но это невозможно. Сегодня днем у мистера Старквезера... – было видно, что старику трудно произносить это, – неожиданно случился удар.

– Вы хотите сказать, паралич?

– Да, сэр.

– Но ведь он жив, так?

– Удар оказался смертельным, сэр...

Бент поплелся назад к экипажу. Он ничего не видел и не слышал, в голове была только одна мысль: как же теперь спастись, если он только что потерял отца.

Глава 8

– Едет сюда? Вместе со своей католической сучкой, которая ведет себя так, будто она королева? Стэнли, ты идиот! Как ты мог это допустить?

– Изабель... – пролепетал Стэнли слабым голосом, но жена не слушала его.

Бросившись к окнам гостиной, выходящим на Шестую улицу, она встала к нему спиной и застонала так громко, будто ее насильовали. Хотелось бы посмотреть на этого смельчака, с раздражением подумал Стэнли, глядя на ее унылый серый жакет и такую же серую юбку с кринолином, которые она обычно носила дома.

Изабель вдруг отпихнула юбку ногой, чтобы быстро повернуться для новой гневной тирады:

– Почему, скажи, Бога ради, ты не возражал?

– Я возражал! Но Кэмерон хочет видеть его здесь.

– Зачем он ему вдруг понадобился?

Стэнли повторил некоторые из объяснений Кэмерона, насколько он вообще их запомнил. Даже одно ожидание ссоры с женой уже измучило его. Большую часть дня он потратил на то, что репетировал свою оправдательную речь, но, когда этот момент наступил, все заготовленные слова разом вылетели у него из головы.

– Думаю, он вряд ли захочет ехать, – съездившись в кресле, неубедительно проговорил он.

– Я тоже не хотела сюда ехать. Ненавижу этот проклятый город!

Стэнли сидел молча, пока Изабель не обежала гостиную трижды, вымещая свою ярость. Он знал, что последние слова жена произнесла сгоряча. Ей нравилось жить в Вашингтоне, потому что нравилась власть и близость к тем, кто ею обладал.

Конечно, их нынешние обстоятельства были далеки от идеальных. Найти приличную квартиру никак не удавалось, поэтому приходилось снимать этот пыльный старый номер в отеле «Националь», который после сецессии стал пристанищем для всякого сброда. Стэнли очень хотел, чтобы они как можно скорее съехали отсюда. Даже если оставить в стороне политику, отель был совсем не подходящим местом для воспитания двух своевольных сыновей-подростков. Иногда Лейбан и Леви просто исчезали в бесконечных гостиничных коридорах на долгие часы. Бог знает, какие уроки разврата они могли получить, подслушивая у закрытых дверей. Сегодня, когда он только вернулся, Изабель сразу сообщила, что застала Лейбана за фривольной беседой с молодой горничной. Стэнли прочел сыну нотацию – мучительную для него самого и скучную для дерзкого мальчишки, – а после приказал обоим близнецам в течение часа учить латинские глаголы и запер их в спальне. К счастью, шум драки уже затих; Стэнли предположил, что мальчишки заснули. Неудивительно, что религиозные американцы считали Вашингтон безнравственным гнездом пороков, и этот отель был словно маленькой моделью города.

Изабель наконец завершила последний круг по комнате и остановилась, сложив руки на плоской груди и вызывающе глядя на мужа. Она была на два года старше Стэнли и с годами становилась все более непривлекательной.

– Изабель, попытайся понять, – сказал Стэнли в ответ на ее взгляд. – Я возражал, но...

– Не слишком усердно. Ты никогда ничего не делаешь в полную силу.

Стэнли напряженно встал с кресла:

– Это несправедливо. Я просто не хочу портить хорошие отношения с Саймоном. И мне всегда казалось, что ты и сама считаешь их весьма ценными.

Изабель Хазард всегда прекрасно умела манипулировать людьми, и особенно своим мужем. Она поняла, что слегка перестаралась и решила сменить гнев на милость.

– Да, верно. Прости меня за то, что я тут наговорила. Это все из-за того, что я презираю Джорджа и Констанцию за те унижения, которым они тебя подвергали.

Мир был восстановлен, Стэнли шагнул к жене:

– И ты меня прости.

– Ну конечно прощаю, дорогой. Мне так хочется отплатить им за все... – Изабель с улыбкой наклонила голову набок. – Если они переедут сюда, я, возможно, найду способ, как это сделать. Мы знакомы со многими важными людьми, ты ведь уже приобрел кое-какое влияние.

– Да, это можно будет устроить...

Он надеялся, что Изабель не заметит отсутствия энтузиазма в его голосе. Иногда Стэнли действительно ненавидел брата, но он еще и боялся его с самого детства. Стэнли обнял жену за плечи:

– Позволь мне выпить немного виски, пока я буду рассказывать тебе хорошие новости.

Изабель милостиво позволила подвести себя к застекленному шкафчику, где стояли красивые стеклянные графины с самой лучшей выпивкой.

– И какие же это хорошие новости? Повышение?

– Нет-нет... наверное, «новости» – неправильное слово. Это, скорее, предложение от Саймона, нечто вроде подарка, чтобы как-то заглушить мое недовольство приездом Джорджа.

Стэнли рассказал об их встрече с подрядчиком и его последующей беседе с Кэмероном. Изабель радостно захлопала в ладоши, тут же увидев все выгоды такого предложения:

– Да за эту идею я готова терпеть в городе хоть десяток Джорджей Хазардов! Теперь мы не будем зависеть от завода и подачек твоего брата, у нас появится собственный постоянный доход! Ты только представь, какие деньги мы сможем заработать с надежными контрактами...

– Саймон ничего не обещал, – предостерег ее Стэнли. – О таких вещах нельзя говорить открыто, но я уверен, что он имел в виду именно это. В министерстве это обычная практика. Вот, например, как раз сейчас я работаю над планом, который позволит сэкономить государственные деньги на перевозке солдат из Нью-Йорка в Вашингтон. Обычная цена – шесть долларов с человека. Но если мы перенаправим людей на Северный вокзал через Гаррисберг, то сократим эту цифру до четырех.

– Но железнодорожная ветка у Северного вокзала принадлежит Кэмерону.

Чувствуя себя гораздо лучше после выпитого виски, Стэнли подмигнул:

– А мы не станем об этом объявлять.

Изабель уже прикидывала:

– Мы должны немедленно поехать в Новую Англию. Саймон ведь даст тебе выходные, да?

– О да. Но, как я ему и говорил, я ничегошеньки не знаю о шитье обуви.

– Узнаем. Вместе.

– *Отдай мою подушку, ты, маленький сукин сын!*

Внезапные крики за дверью детской сменились ругательствами и шумом драки.

– Стэнли, немедленно пойд и прекрати это!

Когда приказывает генерал – подчиненным лучше не возражать. Стэнли отставил стакан и неохотно пошел разнимать братьев.

Глава 9

На следующий день в Пенсильвании жене Билли понадобилось отлучиться из Бельведера по одному делу. Вообще-то, можно было отправить в Лихай-Стейшн кого-нибудь из слуг, но Бретт хотелось сбежать из душной швейной комнаты и от той работы, которую затеяли дамы. Совесть не позволяла ей делать что-либо для солдат Союза.

Бельведер – каменный особняк в итальянском стиле в форме буквы «L» – стоял рядом с другим домом, построенным на вершине холма и обращенным на реку, простиравшийся внизу город и завод Хазардов. Этот дом был в два раза больше и насчитывал сорок комнат. Принадлежал он Стэнли Хазарду и его неприятной жене, которая оставила имение на специально нанятого человека, когда они вместе с детьми уехали в Вашингтон.

Бретт подождала на тенистой веранде Бельведера, пока конюх не подогнал двуколку. Небрежно поблагодарив слугу, она буквально вырвала хлыст из его руки, села на облучок и умчалась в облаке пыли, злясь на себя за такую nepозволительную угрюмость.

Бретт уже исполнилось двадцать три; она унаследовала обычные в семье Мэйн темные волосы и глаза. Она была привлекательна, но по-своему – красавицей в их семье все считали ее старшую сестру Эштон, которая и сама так считала. Яркая, броская красота Эштон больше подходила для вечеров, сладких ароматов духов и обнаженных плеч под светом канделябров. Бретт была дитя солнца и воздуха и шумным приемам всегда предпочитала уют родного дома и тепло близких. В ней совсем не было кокетства, зато каждый, кто впервые видел ее милое, свежее лицо и особенно ее улыбку, сразу чувствовал ее доброту и открытость, которых так часто не хватало молодым женщинам ее возраста.

Но здесь, в родном городе ее мужа, она чувствовала, как что-то стало неуловимо меняться в ней. Зная, что она из Южной Каролины, люди иногда обращались с ней так, словно она была каким-то экзотическим цветком и могла вдруг увянуть. Многие, как она подозревала, считали ее предательницей. Это раздражало, как и стоящая на улице адская жара. Ее накрахмаленное белое муслиновое платье липло к телу, а влажность, казалось, была даже сильнее, чем в ее родных краях.

Чем дальше Билли находился вдали от нее и чем дальше тянулась пугающая неопределенность этой войны, тем более одинокой и несчастной становилась Бретт. Она старалась не выдавать своих чувств перед Джорджем и его женой Констанцией, с которыми жила с тех пор, как Билли вернулся на службу. Но она была далека от совершенства и знала это. Так что конюху влетело ни за что, как и одной из служанок накануне.

Ладони, затянутые в аккуратные митенки, быстро взмокли. И зачем только она их надела? Приходилось постоянно дергать вожжи, чтобы удерживать лошадь на середине ухабистой дороги, которая вилась вниз по склону мимо заводских корпусов. Огромное производство Хазарда выпускало дым и шум двадцать четыре часа в сутки, выдавая рельсы и прокат для военных нужд Союза. Недавно компания получила еще и контракт на отливку пушек.

Впереди, возвышаясь над ближайшим к домам холмом, поросшим диким лавром, высились три гигантские доменные печи. Внизу простирался город, он стоял как бы на трех уровнях и очень быстро разрастался. На верхних террасах красовались солидные кирпичные или бревенчатые дома, ниже начинались коммерческие постройки и, наконец, возле самой железной дороги и даже на дне давно пересохшего канала рядом с рекой виднелись убогие лачуги бедноты.

И повсюду Бретт видела свидетельства войны. На пустыре какие-то мальчишки, мимо которых она проезжала, гордо колотили ложками по пустому ведру; всем этим маленьким солдатам было не больше десяти. Над входом в отель «Стейшн-Хаус» пестрело множество красно-бело-синих флажков; сегодня Джордж выступал там на очередном патриотическом собрании.

А на перекрестке, где Вэлли-стрит упиралась в канал, под аккомпанемент молотков и громких криков сколачивалась дощатая платформа для скорого празднования Дня независимости.

Бретт подъехала к лавке Герберта и привязала лошадь к одному из шести железных столбиков перед крыльцом. Направляясь к двери, она заметила, что двое мужчин на скамейке возле пивной через два дома от магазина внимательно наблюдают за ней. Их грубые мускулистые руки и темная одежда говорили о том, что они, возможно, рабочие с завода Хазардов.

Глядя на Бретт, один из мужчин что-то сказал другому, тот расхохотался, да так безудержно, что чуть не пролил пиво из оловянной кружки. Бретт содрогнулась, несмотря на жару.

В лавке пахло лакрицей, ржаной мукой и прочими припасами мистера Пинкни Герберта. Владелец – щуплый человек с яркими глазами – напоминал Бретт раввина, с которым она однажды встречалась в Чарльстоне. Герберт вырос в Виргинии, где его семья жила еще со времен Войны за независимость. Когда ему исполнилось двадцать, совесть заставила его переехать в Пенсильванию, и с Юга он вынес только отвращение к рабству и имя Пинкни, которое просто обожал и предпочитал своему настоящему имени Пинкус.

– Добрый день, миссис Хазард. Что я могу предложить вам сегодня?

– Мне нужны толстые белые нитки, Пинкни. Белые. Мы с Констанцией и Патрицией шьем чехлы на фуражки.

– Чехлы. Да-да...

Пинкни избегал ее взгляда, и это также говорило о том, что такое поведение для девушки-южанки, которая шьет защитные чехлы на фуражки для федеральных солдат, весьма необычно. Когда жена и дочь Джорджа взялись за эту работу, а, по словам Констанции, многие женщины в городе сейчас занимались подобными делами, Бретт присоединилась к ним, потому что не видела ничего дурного в том, чтобы помочь каким-то людям защитить шею от дождя или палящего солнца. Но почему тогда где-то в глубине души у нее постоянно возникало чувство, словно она кого-то предает?

Она заплатила за полдюжины катушек и вышла из магазина. Услышав скрип досок слева, она резко обернулась и тут же пожалела об этом. На дощатом настиле недалеко от нее стояли те двое бездельников, которых она видела у пивной. В руках оба держали по кружке пива, не забывая то и дело прикладываться к ним.

– Что там слышать о Джеффе Дэвисе, леди?

Ей захотелось обзвать его идиотом, но она решила, что безопаснее будет не обращать внимания на глупый вопрос. Она направилась к двуколке, с тревогой замечая, что на улице никого нет, кроме какой-то почтенной матроны в чепце, которая как раз дошла до угла и скрылась за ним. Со стороны «Стейшн-Хаус» донесся слабый звук аплодисментов – многие в этот день были на собрании, да и адская жара не благоприятствовала прогулкам.

С бешено колотящимся сердцем Бретт быстро прошла мимо своей лошади к двуколке. Сзади послышалось тяжелое дыхание, стук грубых ботинок по слежавшейся грязи, и вдруг кто-то грубо схватил ее за плечо и резко развернул к себе.

Это был тот мужчина, который насмеялся над ней. В его густой, ярко-рыжей с проседью бороде висела пивная пена. Бретт чувствовала вонь от его грязной одежды и стойкий запах перегара.

– Бьюсь об заклад, вы молитесь о том, чтобы Старину Эйба как-нибудь вечером хватил удар, да такой, чтоб он уж больше не поднялся, а, дамочка?

Его приятель пронзительно захохотал, найдя шутку ужасно смешной. Двое мужчин, появившихся на противоположной стороне улицы, посмотрели в их сторону, но сразу прибавили шагу.

– А у вас, поди, дома-то, в Каролине, до сих пор и ниггеры есть? – с трудом ворочая языком, спросил бородатый.

– Вы просто пьяный осел, – сказала Бретт. – Уберите от меня руки!

Второй хихикнул:

– Ого! Сразу чувствуется южный норв, да, Лют?

Бородатый впился пальцами в руку Бретт и прошипел с искаженным лицом:

– У тебя что-то с глазами, женщина? Я белый человек. Не смей говорить со мной так, будто я один из твоих рабов. Вбей это в свою бабскую голову. А еще запомни: мы не хотим, чтобы всякие предатели-отщепенцы вот так запросто разгуливали по нашему городу. – Он с силой встряхнул ее. – Все поняла?

– Фессенден, отпусти ее, живо!

Из магазина вышел Пинкни Герберт, и второй работяга сразу бросился к нему.

– Скройся с глаз, ты, старый еврей! – крикнул он.

От сильного удара в живот торговец согнулся пополам и упал спиной в открытую дверь лавки. Пока он пытался встать, Фессенден, продолжая ворчать, схватил Бретт уже за оба плеча и принялся трясти и выворачивать их с такой силой, что причинил девушке боль, да еще и задевал грудь к тому же.

Герберт, задыхаясь, ухватился за косяк двери и наконец с трудом встал. И тут же получил еще один удар, на этот раз в челюсть. Рухнув как подкошенный, он невольно вскрикнул. Бретт понимала, что должна позвать на помощь, но слова застряли у нее в горле. Внезапно ею овладел неодолимый страх. Прикрыв глаза, она обмякла в руках бородатого и пролепетала:

– О, прошу вас, отпустите меня, пожалуйста. – Неужели это слезы выступили у нее на глазах? – Я ведь всего лишь женщина, я не такая сильная, как вы...

– Ага, вот это уже больше похоже на южную красотку! – Фессенден со смехом обхватил Бретт за талию, прижал ее к колесу двуколки, наклонился, и его борода царапнула щеку девушки.

– Ну скажи еще раз «пожалуйста», да поласковее, а там посмотрим.

Сначала Бретт просто не поняла его.

– Я... я не такая большая и сильная, как вы... Вы должны быть снисходительны... вежливы. Что вы делаете? Вы же не посмеете?..

В отчаянии, задыхаясь от возмущения, она лепетала какие-то слова с просьбой отпустить ее.

– Не посмею? Надо подумать, мисси, – пообещал Фессенден.

Он отпустил плечо Бретт и вдруг, задрвав ей юбки, схватил ее за ногу.

– Ах ты, грязный янки!

Согнув свободную ногу в колене, Бретт изо всех сил ударила мерзавца в пах, а когда он заорал, наливаясь кровью, оттолкнула его. Бородач упал в грязь. Стоявший в дверях своей лавки бледный Пинкни Герберт весело засмеялся, радуясь такому внезапному возрождению увядшего южного цветка.

Пока Фессенден, корчась от боли, сжимал ладонями ушибленное место, его приятель, грубо обозвав Бретт, решительно шагнул к ней. Девушка тут же выхватила хлыст и ударила его по лицу.

Он отскочил назад, как от огня, и взвизгнул, налетев на Фессендена, который стоял сзади, причем, падая, умудрился лягнуть своего дружка в челюсть.

Бретт забросила сверток с нитками в двуколку, отвязала лошадь и по-мальчишески ловко запрыгнула в коляску. Когда она уже держала поводья, второй громила снова бросился к ней, но Бретт, недолго думая, еще раз хлестнула его хлыстом по лицу.

К тому времени на улице собралось несколько возмущенных горожан, которые требовали прекратить безобразие. «Поздновато, но все равно спасибо», – подумала Бретт, гоня коляску прочь, в сторону дороги на гребне холма; сзади клубилась желтая пыль, похожая на зловещие тучи перед летней грозой. «Как же я ненавижу этот город, эту войну... вообще все!» – думала Бретт, когда ярость уступила место отчаянию.

Глава 10

На временной сцене, сооруженной в дальнем конце главного вестибюля отеля «Стейшн-Хаус», Джордж Хазард безжалостно и несправедливо мучился от жары, многословия и самого жесткого из всех стульев, когда-либо созданных человеческими руками. Потные лица, газеты и веера, которыми обмахивались зрители, флаги и гирлянды, развешенные на стенах, сливались перед его глазами в единое размытое пятно.

За спинами почетных гостей, в числе которых был и Джордж, висела огромная литография с портретом президента. Мистер Блейн, который работал на заводе Хазардов помощником ночного мастера, отказался от дневного сна, чтобы провести это собрание.

– Над нашим флагом надругались! – кричал он, яростно стуча кулаком по трибуне. – Его осквернили! Дэвис и его шайка изменников и лжеаристократов сорвали его! На такое обращение с нашей святыней есть только два ответа: ураганный огонь и виселицы, именно этого заслуживают те, кто осмелится покуситься на символ нашей великой нации!

Боже правый, думал Джордж. Сколько же еще он будет вопить? Вообще-то, Блейн должен был просто представить двух главных выступающих, первым из которых был Джордж, хотя ему этого совсем не хотелось, а вторым – лидер республиканцев из Бетлехема. Политик сейчас как раз набирал добровольческий полк в долине.

Блейн все продолжал говорить, умолкая лишь для того, чтобы улыбнуться в ответ на одобрительный свист и аплодисменты или пожать руки тем, кто не поленился встать со своего места и подбежать к трибуне. За те недели, что прошли после того, как на всем Юге были спущены, оплеваны, а потом сожжены союзные флаги, на Севере разразилась настоящая эпидемия того, что газетчики окрестили «звездно-полосатой лихорадкой».

Джордж этой болезнью не заболел. Он предпочитал заниматься делами завода, а кроме того, плотно работал над идеей создания первого в городе банка.

Сейчас ближайший банк находился в Бетлехеме, это было очень неудобно как для завода, так и для большинства его работников. Джордж считал, что открытие своего банка в Лихай-Стейшн принесет не только пользу, но и выгоду. Люди, мыслящие традиционно, могли бы начать отговаривать его от такой авантюры в это непростое время, когда нет ни подходящих экономических условий, ни уверенности в завтрашнем дне, но Джордж знал точно: большого успеха без риска не бывает.

Согласно пересмотренному закону штата Пенсильвания о банковском деле 1824 года, новый банк получал лицензию на двадцать лет и должен был возглавляться советом из тринадцати директоров, которые были бы гражданами США, а также его акционерами. Чтобы подготовить все необходимые документы для получения лицензии и регистрации банка в легислатуре штата, Джорджу и его местному юристу Юпитеру Смиту нужно было потратить массу времени.

И все же Джордж сидел на этом собрании, потому что был единственным человеком в городе, кто участвовал в Мексиканской кампании, и все присутствующие жаждали услышать от него пламенную речь о величии и славе войны. Что ж, он подаст им желаемое блюдо и постарается не чувствовать себя слишком виноватым при этом. Он не осмелится сказать, чему на самом деле научился в Мексике, когда они с Орри Мэйном воевали там. Ничего величественного и тем более ничего прекрасного в войне нет, все это только пустословие тех, кто никогда не бывал на полях сражений. Сам Джордж запомнил на войне только грязь, неразбериху, скуку, одиночество и иногда жуткий страх.

– Вперед, на Ричмонд! Вперед, к великой славе! Вздернем на виселицы подлых конфедератов-безбожников!

Джордж приставил ладонь к глазам, чтобы выражение лица ненароком не выдало его настоящие чувства. Он просто не мог думать о своем дорогом друге Орри Мэйне как о подлом безбожнике, это не укладывалось в его голове. Да и к другим южанам, товарищам по Вест-Пойнту, он никогда не смог бы приложить такое определение, особенно к тем, с кем воевал плечом к плечу в Мексике. Вот хотя бы Том Джексон, парень с причудами, который благодаря своей отличной голове получил в Академии прозвище Генерал и действительно стал генералом. Интересно, он до сих пор преподает в военной школе в Виргинии или уже нет? Или Джордж Пикетт, последний раз объявлялся из федерального гарнизона в Калифорнии. Все достойные люди, пусть даже они и не смогли или не захотели предотвратить раскол Союза и теперь вынуждены воевать. Что ж, он сам виноват не меньше любого из них, ведь он тоже спокойно стоял в стороне, оставив решение этой серьезной проблемы на бездарных политиков и завсегдатаев пивных. Это выражение принадлежало не ему, а Брэкстону Брэггу, еще одному выпускнику Вест-Пойнта, тоже южанину.

Джорджу очень хотелось закурить сигару, чтобы хоть немного приглушить раздражение. Ему предстояло выступать следующим, и он очнулся от своих невеселых раздумий как раз вовремя, чтобы услышать с трибуны:

– ...прославленный ветеран Мексиканской войны, чрезвычайно успешный промышленник, которого многие из нас знают как человека, достойного доверия, доброго соседа и щедрого работодателя...

«Повышения ты так все равно не добьешься, Блейн», – пронеслось у него в голове, но он тут же устыдился своих мыслей. «Каким же ужасным циником я стал», – подумал он. Неожиданно Джордж понял еще кое-что, но засомневался и решил спросить.

– Я, кажется, прослушал, – наклонился он к сидящему рядом человеку. – Он сказал, что я учился в Вест-Пойнте?

Мужчина покачал головой. Такая недомолвка неприятно задела его, но не удивила. Академия, которая всегда незаслуженно считалась ориентированной на Юг, теперь стала еще более непопулярной, потому что многие ее выпускники уволились из регулярной армии и уехали в южные штаты.

– ...мистер Джордж Хазард!

Джордж разом выбросил из головы воспоминание о полученной утром телеграмме, отогнал от носа муху и, проходя к трибуне под громкие аплодисменты, приготовился произнести цветистую ложь о прелестях войны.

Глава 11

Проехав полдороги до вершины холма, Бретт перестала гнать лошадь. Решимость, которая помогла ей справиться с пьяными грубиянами, угасла, и она снова, даже еще острее, чем прежде, почувствовала, что единственного человека, чья близость и здравый смысл могли бы помочь ей преодолеть эти страшные времена, рядом нет.

Разум говорил ей, что Билли должен быть там, куда его призывает долг. Она обещала поехать за ним сюда, как Руфь за Боазом, и ждать его, пока он не вернется домой. Но сегодня ее готовность следовать своему обещанию увядала быстрее обычного.

Она давно уже стала объектом враждебности в Лихай-Стейшн. Одни проявляли ее осторожно, в легких колкостях, которые она случайно слышала на разных приемах и встречах. Другие открыто кричали оскорбления ей вслед, когда она проезжала по улицам. Обычно это ее не задевало. Как и ее брат Орри, Бретт обладала гордым и сильным характером.

Но этот последний случай все-таки пробил ее броню. Вдобавок откуда-то всплыли уже немного позабытые горькие воспоминания – о том, как ее сестра Эштон, сговорившись с ее бывшим поклонником, решили убить Билли прямо в день их свадьбы. Эта история так угнетала ее, что Бретт постаралась выбросить ее из головы, и вот теперь мысли о том страшном дне снова вернулись.

Она пустила лошадь шагом, а сама снова и снова с горечью думала о своем одиночестве в этих враждебных краях. Слегка вздрагивая, она чувствовала, как подступают слезы к закрытым глазам. И открыла их как раз вовремя, чтобы не позволить коляске съехать в канаву.

Остановив лошадь, она сидела неподвижно в лучах яркого солнца. В воздухе не было даже легкого дуновения, отчего росшие впереди на пригорке горные лавры, которые так любили в семье Хазард, казались словно окаменевшими и чуть присыпанными пылью. Ей бы очень хотелось, чтобы неприязнь местных жителей не расстраивала ее, но она не могла совладать со своими чувствами. Оставалось только научиться сдерживать их.

Уже очень скоро она справилась с собой. Снова взяв в руки вожжи, она поехала дальше, и, когда коляска подкатила к большой конюшне Бельведера, Бретт уже выглядела вполне спокойной. О том, что с ней произошло, она решила никому не рассказывать и очень надеялась, что Джордж не узнает об этом случайно.

Семья уже собралась к ужину, когда Джордж вернулся домой. Он вошел в столовую в тот момент, когда Констанция говорила с дочерью тем дружеским, но твердым тоном, который приберегала для воспитательных моментов:

– Нет, Патриция, ты не можешь тратить свои карманные деньги на подобные вещи. Тебе прекрасно известно, что стеклянное или мраморное яйцо служит только для одной цели – охлаждать ладони чересчур взволнованной молодой дамы на балу или на приеме. Ты же еще слишком юна и не скоро начнешь их посещать.

Патриция надула губы:

– А у Кэрри Кинг есть такое.

– Кэрри Кинг уже тринадцать, она на два года старше тебя. Более того, выглядит она на все двадцать.

– И ведет себя так же, насколько я слышал, – заметил Уильям с непристойной усмешкой.

Замечание насмешило Джорджа, но, как отец, он не мог поощрять подобные шутки, поэтому, взглянув на своего статного, красивого сына, строго нахмурился.

– Прости, что опоздал, – сказал он, подойдя к жене и целуя ее в щеку. – Задержался в конторе.

Такое объяснение было обычным в эти дни, когда завод спешно выпускал военную продукцию.

Джордж почувствовал, как жена слегка отстранилась, когда он ласково положил руку ей на плечо. Неужели уловила запах спиртного?

– Расскажи о своем выступлении, – попросила Констанция, когда Джордж направился к своему месту в противоположном конце длинного деревянного стола. – Ты имел успех?

– Еще какой! – ответил он, садясь на стул.

– Джордж, мне действительно хочется знать. – (Он лишь устало пожал плечами.) – Ну хорошо, а само собрание? Как оно прошло?

– Как и ожидалось. – (Одна из служанок поставила перед Джорджем тарелку черепашьего супа.) – Осудили бунтовщиков на вечные муки, помахали флагом несколько сот раз, а потом тот политик из Бетлехема объявил о наборе добровольцев. Записалось восемь человек.

Несколько ложек супа помогли Джорджу наконец расслабиться и снова настроиться на пусть и замкнутую, но такую привычную и уютную атмосферу дома. Столовая была ярко освещена чуть мерцающими газовыми рожками, висевшими на стенах, оклеенных серебристо-серыми обоями с цветочным рисунком. Поднося ложку ко рту, Джордж посмотрел на Констанцию. Как же ему все-таки повезло! Ее сливочно-белая кожа была по-прежнему свежей, а глаза сохранили ту же удивительную синеву, которая пленила его еще в день их первой встречи на балу в Корпус-Кристи, организованном армейскими офицерами, застрявшими там по пути в Мексику. А после войны он привез ее в Лихай-Стейшн и женился на ней.

Констанция была на два дюйма выше супруга, и Джордж всегда считал это неким символом, чтобы быть достойным ее. И хотя Стэнли однажды с высокомерным видом заявил, что католическая вера Констанции непременно разрушит их брак, его предсказания не сбылись. Воспитание детей, нежные ласки и пережитые вместе трудности лишь укрепили их любовь, и они по-прежнему так же страстно желали друг друга, как и в первые годы их супружества.

Патриция копалась в тарелке, тыча вилкой в тушеную рыбу, словно та была виновата в том, что девочке не удалось получить яйцо для охлаждения рук.

– А как ваша фабрика? Много сегодня выпустила чехлов для фуражек? – поинтересовался Джордж, обращаясь скорее к Бретт, чем к кому-либо еще.

Бретт сидела слева от него. Она выглядела усталой, смотрела в стол и на его вопрос не ответила.

– Довольно много, да, – сказала Констанция, одновременно быстро поднимая левую руку, чтобы щелкнуть средним пальцем Патрицию по уху, после чего девочка сразу прекратила терзать рыбу.

Ужин подходил к концу. Бретт продолжала молчать. После того как Джордж, по обыкновению, разрешил детям встать из-за стола, он обменялся парой слов с женой, а потом последовал за Бретт в библиотеку и, прежде чем заговорить, плотно закрыл за собой дверь.

– Я слышал о том, что случилось сегодня.

Бретт посмотрела на него измученным взглядом:

– Я надеялась, ты не узнаешь.

– Это ведь маленький город. А ты, к сожалению, привлекаешь к себе очень много внимания.

Бретт вздохнула, рассеянно разглаживая лежащий на коленях номер «Леслис» – «Иллюстрированной газеты Фрэнка Лесли». Пока она собиралась с духом, чтобы ответить, Джордж раскуривал одну из своих самых крепких темно-коричневых сигар.

– Наверное, с моей стороны было глупо думать, что это останется в тайне.

– Особенно после того, как Фессендена и его кузена арестовали за нападение на тебя.

– И кто на них заявил?

– Пинкни Герберт. Так что, как видишь, у тебя все-таки есть друзья в Лихай-Стейшн.

Сообщив Бретт, что уже отдал приказ об увольнении обоих хулиганов со своего завода, Джордж мягко продолжил:

– Просто не могу передать, как меня взбесила и расстроила вся эта история. Мы с Констанцией очень тревожимся за тебя, ты ведь член нашей семьи. Мы понимаем, как трудно тебе быть так далеко от дома, да еще в разлуке с мужем...

Это стало последней каплей. Бретт вскочила, уронив газету, и бросилась к Джорджу, как дочь бросается к отцу в поисках утешения.

– Я так скучаю, так скучаю по Билли... – проговорила она, обнимая отца, – мне просто стыдно сказать насколько...

– Да и не надо. – Джордж погладил ее по спине. – Не говори.

– Жду не дожусь, когда мы наконец увидимся и я поеду с ним на его новое место службы. Ведь говорят, эта война не продлится дольше трех месяцев...

– Говорят... – Джордж отступил назад и отвернулся, чтобы Бретт не видела его лица. – И мы все будем ждать, когда эти три месяца наконец пройдут... без новых происшествий. Я знаю, сегодняшний случай был уже не первый. Конечно, ты храбрая молодая женщина, Бретт. И все же не надо в каждую схватку бросаться в одиночку.

Бретт покачала головой:

– Джордж, я не могу иначе. Я всегда сама заботилась о себе. – Она через силу улыбнулась. – Со мной все будет в порядке. Девяносто дней – не такой уж долгий срок.

Не зная, что еще сказать, Джордж извинился и вышел из библиотеки, чувствуя горечь разочарования. За ним плыла сизая лента сигарного дыма.

Наверху он увидел сына. Уильям маршировал по коридору, распевая популярную нынче песенку о том, как Джеффа Дэвиса повесят на дикой яблоне. Джордж велел ему прекратить безобразничать и идти в свою комнату, куда и сам пошел вслед за ним, чтобы позаниматься с мальчиком арифметикой. Спустя полчаса Джордж зашел к Патриции и добрых пятнадцать минут пытался убедить дочь, что в свое время она обязательно получит то, чего так хочет, просто надо подождать. Однако слова отца ее ничуть не утешили.

Уже лежа в постели и изнывая от духоты, несмотря на легкий летний ветерок, залетавший в открытые окна спальни, Джордж рассказал Констанции о том, что произошло возле лавки Герберта.

– Она думает, что война скоро закончится, – проговорил он, нежно обнимая жену, – и подобные выходы прекратятся.

– Я тоже, Джордж. Уже несколько месяцев от отца нет никаких вестей, и я очень беспокоюсь, как он там, в Техасе. Ты ведь знаешь, он никогда не скрывал своей ненависти к рабству и рабовладельцам. Конечно, все это скоро кончится. Я просто не могу поверить, что американцы смогут долго воевать друг с другом. Даже в голове не укладывается, что такое вообще началось.

– Как сказал Орри, у нас было тридцать лет, чтобы предотвратить это, но мы ничего не сделали. Мне очень горько разрушать надежды Бретт и твои тоже... – Он умолк на полуслове.

– Джордж, о чем ты? Договаривай, раз начал!

– Бретт забыла, – неохотно сказал он, – что в мае Линкольн призвал еще сорок две тысячи человек. Но уже не на короткий срок. Эти парни подписали контракт на три года.

– Я тоже об этом забыла, – едва слышно отозвалась Констанция. – Значит, по-твоему, это надолго?

Джордж ответил не сразу.

– Если бы у меня еще оставалась надежда, я бы выбросил телеграмму от Кэмерона в ту же минуту, как получил ее.

Глава 12

Пока Бретт пыталась справиться со своими проблемами в Америке, ее брат Купер с семьей ехал в поезде по Великобритании.

В их семейное купе первого класса постоянно залетали дым и зола, потому что дети, Джуда и Мари-Луиза, часто опускали окно, чтобы высунуться наружу. Купер не запрещал им, а вот его жена Юдифь считала это опасным, поэтому сильно нервничала, придерживая за талию то одного, то другого ребенка.

Сорокаоднолетний Купер Мэйн сидел напротив жены, с пачкой светокопий корабельных чертежей на коленях, делая пометки карандашом. Перед тем как начать заниматься этим, он задернул занавески на двери и на окнах в коридоре.

Как обычно, даже в прекрасной одежде высокий и нескладный Купер умудрялся выглядеть неряшливо. Подобно многим ученым, он был постоянно сосредоточен на своих мыслях и не обращал внимания на внешний вид. Он почти не замечал, что дети то и дело высовываются из окна и что это пугает его жену, хрупкую женщину с маленькой грудью, тонкими руками, длинным носом и копной темно-русых курчавых волос, которую Купер считал самой красивой женщиной на свете.

– Папа, там река! – воскликнул Джуда, наполовину свисая из окна и глядя вперед; его волосы сверкали на жарком июльском солнце.

– Пусти посмотреть, пусти посмотреть! – Мари-Луиза попыталась высунуться в окно рядом с ним.

– Эй, вы оба, немедленно назад! – велела Юдифь. – Вы что, хотите, чтобы вам на мосту голову оторвало? – Она с силой дернула их к себе, решив, что слов может быть недостаточно.

С жалобным хныканьем дети плюхнулись на мягкое сиденье рядом с матерью; по купе замелькали яркие пятна света и тени от ограждения моста. Лондонский экспресс прогрохотал по Ранкорнскому мосту, внизу сияла река Мерси, похожая на огромное зеркало.

Джуда спрыгнул с сиденья и подбежал к отцу, ласково прижавшись к нему.

– А мы скоро приедем в Ливерпуль? – спросил он.

– Да, примерно через полчаса или даже раньше.

Купер принялся складывать чертежи, собираясь убрать их в багаж.

Мари-Луиза устроилась справа от него:

– А мы там долго пробудем, папа?

– Несколько месяцев, не меньше. – Купер улыбнулся и погладил дочь по голове.

– А капитан Буллок будет нас встречать?

– Думаю, в секретном сообщении в «Таймс» говорилось именно об этом. Конечно, если какой-нибудь федеральный агент не избавился от него за последние три дня.

– Купер, я не думаю, что стоит шутить на эту тему, – сказала Юдифь. – Тайные сообщения под видом объявлений, вражеские шпионы, рыскающие повсюду, – вряд ли все это повод для шуток. – Она многозначительно посмотрела на мужа, едва заметно кивнула в сторону детей, но те были поглощены игрой света и тени на стенах купе и ничего не заметили.

– Может, ты и права, – ответил Купер, – но нельзя быть все время такими мрачными. И хотя я серьезно отношусь к своей работе и учел все те предостережения, на которые ссылался Буллок в своем письме, я все-таки не позволю всей этой секретности испортить наше пребывание в Англии. – Наклонившись вперед, Купер улыбнулся и коснулся жены рукой. – И в первую очередь твое.

Юдифь сжала его ладонь:

– Ты такой милый... Прости, что я вспыхнула. Наверное, просто устала.

– Это неудивительно, – кивнул Купер.

Поезд отошел с вокзала Кинг-Кросс в середине ночи, и когда они любовались восходом солнца, озаряющим мирные каналы и зеленые луга, ни один из них так и не признался, что неуверенность, тоска по дому и тревожные ожидания по-прежнему не оставляют их.

Из Саванны семья отплыла на последнем корабле, который успел отойти от причала, до того как все побережье Юга было заблокировано федеральными эскадрами. Их судно сначала зашло в порт Гамильтон на Бермудах, а потом направилось в Саутгемптон. Прибыв в Лондон, они поселились в тесном пансионе в Айлингтоне. Теперь же им было обещано более просторное и удобное жилье в Ливерпуле, где Купер должен был помогать главному представителю военного министерства Конфедерации, приехавшему туда на несколько недель раньше. Их задачей было ускорить строительство быстроходных океанских крейсеров, способных нападать на торговый флот северян. За этим планом скрывалась продуманная стратегия. Если бы Конфедерация смогла уничтожить или захватить достаточно торговых судов янки, суммы страховых взносов выросли бы в несколько раз, и тогда враг был бы вынужден отвести свои корабли, блокировавшие южные порты, чтобы защитить собственную торговлю.

Морские дела были Куперу не в новинку. Он уже очень давно интересовался морем и любил его. Не в силах больше терпеть жизнь на плантации своей семьи и постоянно ссориться с ныне уже покойным отцом из-за разных взглядов на рабство и права штатов, Купер перебрался в Чарльстон, чтобы управлять маленькой судоходной фирмой, которая досталась Тиллету Мэйну по случаю и не приносила никакого дохода. Купер с увлечением принялся изучать новое для него дело, и уже очень скоро благодаря его решимости и упорному труду «Каролинская пароходная компания» превратилась в самую современную судоходную линию на всем Юге, а по прибыти лишь немногим уступала своему гораздо более крупному, но и более консервативному конкуренту в их портовом городе – компании «Джон Фрейзер и Ко.», которую теперь возглавлял другой миллионер, Джордж Тренхолм, как и Купер, добившийся всего своим трудом. Через ее ливерпульский филиал «Фрейзер, Тренхолм», занимавшийся перевозкой хлопка, и должны были втайне поступать средства на ту незаконную деятельность, которой предстояло заниматься Куперу.

Перед войной на небольшом участке земли, обращенном к Чарльстонской бухте, Купер начал осуществлять свою заветную мечту и заложил грандиозный корабль, стремясь повторить творения великого инженерного гения из Британии Изамбарда Кингдома Брюнеля, с которым дважды встречался лично. Он хотел показать, что создание кораблестроительной отрасли на Юге – задача вполне осуществимая, а процветание штата не обязательно должно целиком и полностью зависеть от эксплуатации чернокожих рабов.

Пока крикуны призывали к отделению, Купер работал слишком спокойно – и это была его первая ошибка. И к тому же слишком медленно – это была вторая ошибка. Строительство «Звезды Каролины» только началось, когда форт Самтер подвергся обстрелу артиллерийских батарей. Купер передал недостроенное судно в собственность военно-морского флота Конфедерации, но теперь понимал, что его детище просто разрежут на куски, а металл используют для других целей.

Только его страсть к судостроительному делу помогла ему не бросить это занятие. Он уже давно считал, что позиция южан, которые упорно не желают замечать бурного развития промышленности во всем мире и по-прежнему цепляются за свою аграрную систему, основанную на рабском труде, ошибочна и недальновидна. И в то же время он понимал, что на самом деле проблема гораздо глубже и не может быть сведена к такому простому определению. Но даже несмотря на эту оговорку, он продолжал утверждать, что кучка людей, считающих себя элитой благодаря своему богатству и политической власти, толкают Юг в пропасть, отказываясь решать проблему рабства путем компромиссов и призывая к отделению от Союза. Речистые борцы за отмену рабства с Севера тоже подливали масла в огонь. Тридцать лет они постоянно оскорбляли южан – пусть даже и не без оснований, – результатом чего явилось противостояние

двух лагерей, и достойные люди, такие как брат Орри и его старый боевой товарищ Джордж Хазард, просто не знали, что с этим делать. Сам Купер считал, что люди доброй воли с обеих сторон, к коим он причислял и себя, не обладали достаточной властью, но и не проявляли должной инициативы. Поэтому и началась война.

И вот тогда, в те трагические для всей нации дни, Купер вдруг ощутил, что с ним произошла удивительная перемена. Как ни противна была ему и сама война, и те, кто ее развязал, он понял, что любит свою родную Южную Каролину гораздо больше, чем предполагал. Поэтому он передал свою судоходную компанию новому конфедеративному правительству и сообщил семье, что они все вместе уезжают в Англию, где он будет служить в военно-морском департаменте.

Позиция Британии по отношению к Конфедерации была сложной, если не сказать тупиковой. Почти такой же тупиковой, думал Купер, как внешняя политика правительства Дэвиса. Юг нуждался в военных и потребительских товарах из-за границы. Юг мог бы все это купить на свой хлопок, но мистер Дэвис решил его попридержать, потому что текстильные фабрики Европы и Британии уже остро страдали от нехватки хлопка-сырца. Поэтому Дэвис рассчитывал усилить дипломатическое давление и заставить признать Конфедерацию. Но пока он достиг немногого. Когда Купер Мэйн пересекал океан, Британия лишь признала, что Конфедеративные Штаты находятся в состоянии войны с Севером.

Полное признание Конфедерации как самостоятельного государства зависело от искусства троих посланников, отправленных в Европу государственным секретарем Тумбсом, но Купер сомневался, что они чего-то добьются. Рост и Мэнн были довольно заурядными личностями, третий же посланник, Янси, принадлежал к «пожирателям огня»⁴ и отличался столь экстремистскими взглядами, что конфедеративное правительство решило просто избавиться от него. Его назначение в Британию можно было считать своего рода ссылкой. Так что этот неотесанный мужлан едва ли сможет договориться с британским министром иностранных дел лордом Расселом.

При этом посол Вашингтона, потомок президентов мистер Чарльз Фрэнсис Адамс, имел репутацию проницательного, тонкого и агрессивного дипломата. Он продолжал давить на правительство ее величества, мешая признать Конфедерацию. И Купера предупредили, что этот Адамс и его советники раскинули огромную шпионскую сеть, чтобы пресечь любую незаконную деятельность вроде той, что вела Купера в Ливерпуль.

– Лайм-стрит, станция Лайм-стрит!⁵

Проводник прошел по коридору к следующему купе. Над каменным ограждением, вдоль которого с пытением проходил поезд, Купер увидел дымовые трубы на островерхих крышах домов, покрытых грязью и все же вызывающих уверенность своим солидным видом. Купер любил Британию и британцев. Народ, породивший Шекспира и Брюнеля, а также Дрейка и Нельсона, заслуживал бессмертия. Возможно, его работа в Ливерпуле и таила в себе опасности, но он почувствовал радостное волнение, когда поезд дернулся и остановился на крытой станции.

– Юдифь, дети, за мной!

Выйдя из купе первым, Купер помахал носильщику. Когда весь их багаж был выгружен, к ним подошел какой-то мужчина аристократического вида, с трудом пробравшись через толпу других пассажиров, носильщиков и зевак. На нем был дорогой костюм, а на щеках и над верхней губой росло больше волос, чем на круглой голове.

– Мистер Мэйн? – тихо спросил он Купера, хотя свист пара и громкие голоса вокруг надежно защищали их от посторонних ушей.

⁴ Просецессионистское движение, возникшее на Юге США.

⁵ Железнодорожный вокзал в Ливерпуле.

– Капитан Буллок?

Уроженец Джорджии и секретный агент правительства Конфедерации Джеймс Данвуди Буллок коснулся полей своей шляпы:

– Миссис Мэйн... дети... сердечно приветствую вас в Ливерпуле. Надеюсь, путешествие было не слишком утомительным?

– Дети любовались видами из окна, с тех пор как взошло солнце, – с улыбкой ответила Юдифь.

– А я почти не отрывался от чертежей, которые вы прислали мне в Айлингтон, – добавил Купер.

Чертежи доставил человек, который делал вид, что развозит образцы обоев.

– Прекрасно. Ну что ж, поехали? Я нанял кеб, он мигом доставит нас в пансион миссис Донли на Оксфорд-стрит. Пока это временное жилье. Я знаю, вы хотите найти что-нибудь более просторное и удобное.

Слегка повернувшись, последние слова он адресовал Юдифи. Когда Буллок улыбнулся ей, Купер обратил внимание, что его глаза постоянно двигаются, оглядывая лица встречаемых людей, окна домов и углы зданий. Вся эта секретность была не шуткой.

– Вам, возможно, понравится район Кросби, – продолжал Буллок, ведя семью Купера к выходу из вокзала; носильщик с вещами шел следом.

Когда они подошли к кебу, он небрежно взмахнул тростью с золоченым набалдашником, лишая надежды троих уличных мальчишек с печальными лицами, которые держали подносы, наполненные старыми подпорченными фруктами. Пока Мэйны забирались в кеб, Буллок стоял на тротуаре, зорко всматриваясь в толпу. Наконец он тоже запрыгнул внутрь, постучал тростью по потолку, и кеб тронулся.

– Нам предстоит очень много работы, Мэйн, но я не хочу вас торопить. Я понимаю, что вам нужно сначала устроиться...

Купер покачал головой:

– Пустое ожидание в Лондоне было хуже избытка работы. Мне не терпится поскорее начать.

– Вот и отлично. Для начала вы встретитесь с Прайоло, управляющим компанией «Фрейзер, Тренхолм» в Рамфорд-Плейс. Также я хочу познакомить вас с Джоном Лэрдом и его братом. Хотя с этими встречами нужно быть осторожнее. Миссис Мэйн, вы ведь понимаете те проблемы, с которыми мы здесь сталкиваемся?

– Думаю, понимаю, капитан. Закон о нейтралитете не позволяет строить и оснащать на британских верфях военные суда, если они предназначены для какой-либо стороны, с которой сама Британия не воюет.

– Вот это да! Совершенно верно. Какая умная у вас жена, старина!

Купер улыбнулся, Буллок быстро располагал к себе.

– Разумеется, этот закон сдерживает обе стороны, – продолжал капитан, – янки тоже не могут строить здесь свои военные корабли... Другое дело, что северяне не очень-то в них и нуждаются, а вот нам они необходимы. Хитрость заключается в том, что надо построить и оснастить корабль незаметно, чтобы не вмешалось правительство. К счастью, в законе есть брешь, которой мы можем воспользоваться, если у нас хватит хладнокровия. Ее обнаружил мой юрист. Я потом объясню подробно.

– А местные корабли согласятся нарушить закон о нейтралитете? – спросила Юдифь.

– Британцы такие же люди, как и все, миссис Мэйн. Кто-то согласится, если сочтет это прибыльным. На самом деле у них больше предложений о контракте, чем они могут осилить. Но в городе есть джентльмены, которые не имеют никакого отношения к военно-морскому флоту, но хотят строить и переоснащать корабли.

– Корабли для прорыва блокады? – спросил Купер.

– Да. Кстати, вы знакомы с человеком, на которого мы работаем?

– С министром Мэллори? Пока нет. Все переговоры велись письменно.

– Весьма неглуп, хотя и принадлежит к тем южанам, которые хотят сохранить Союз.

– Я тоже был таким, капитан, – честно признался Купер.

Буллок в первый раз нахмурился:

– Вы хотите сказать, что мечтаете о воссоединении старого Союза?

– Я сказал «был», капитан. И раз уж нам предстоит работать бок о бок, скажу откровенно. – Он обнял за плечи вертевшуюся на месте дочь, чтобы уgomонить ее; кеб покачнулся. – Мне отвратительна эта война. И особенно отвратительны дураки с обеих сторон, развязавшие ее. Но я принял решение встать на сторону Юга, поэтому мои личные убеждения не мешают мне исполнять свой долг, это я вам обещаю.

Буллок откашлялся, морщины на его лбу разгладились.

– О большем я и просить не смею, – добродушно сказал он, явно желая поскорее уйти от этой скользкой темы.

Он похвалил родителей за их прелестных детей, а потом с гордостью показал наклеенную на картон маленькую фотографию, на которой был изображен его новорожденный племянник Теодор. Мать мальчика, сестра Буллока, вышла замуж за члена родовой нью-йоркской семьи Рузвельт.

– Боюсь, теперь она об этом сожалеет, – добавил он. – А вот и пансион миссис Донли.

Кеб остановился, и Буллок отвернулся от овального окна. Он первым выскочил наружу, чтобы развернуть складную ступеньку. Купер помог Юдифи и детям выйти, пока кучер сгружал чемоданы и баулы, громоздившиеся на крыше экипажа. Остановились они перед домом номер шесть, стоявшем в ряду одинаковых кирпичных строений. Внезапно с другой стороны кеба появилась дряхлая фигура в грязной юбке и залатанном свитере.

Из-под платка торчали седые космы, похожие на прутья веника. Женщина крепко сжимала ремень набитой тряпьем вонючей сумки, висевшей у нее на плече, а внимание, с каким она тарасилась на Купера, было таким же странным, как и то, что на ее гладком лице он не заметил ни единой морщины.

– Пршупрощшеф, – пробормотала она, толкнув Купера, когда проходила мимо.

Буллок взмахнул тростью, а другой рукой внезапно схватил оборванку за волосы. Его движение было настолько неожиданным, что Мари-Луиза вскрикнула и в испуге бросилась к матери. Буллок резко дернул рукой, и седые волосы лжестарухи вместе с платком оказались у него в ладони, открыв коротко подстриженные светлые завитки.

– Тебя волосы выдали, Бетси! Скажи Дадли, чтобы в следующий раз не покупал тебе такой дешевый парик. Брысь отсюда!

Он снова угрожающе взмахнул тростью. Молодая женщина попятилась и что-то быстро-быстро заговорила – вероятно, по-английски, хотя Купер не понял ни слова. Буллок сделал шаг вперед – она тут же подхватила юбки, метнулась за угол и исчезла.

– Это кто ж такая? – воскликнул Купер.

– Бетси Кокбурн, шлюха... то есть я хотел сказать, женщина, которая постоянно болтается в одном баре в Рамфорд-Плейс. Думаю, она одна из шпионок Тома Дадли.

– А кто такой Дадли?

– Консул союзного правительства в Ливерпуле.

– А что за тарабарщину она говорила? – поинтересовалась Юдифь.

– Это скауз, местный диалект, вроде лондонского кокни. Надеюсь, никто из вас ее не понял. – Он снова смущенно откашлялся, явно переживая из-за столь щекотливой ситуации.

– Ни слова, – заверила его Юдифь. – Просто не могу поверить, что это убогое существо может быть шпионкой.

– Дадли нанимает всех, кого только может. В основном портовое отребье. И отбирают их вовсе не за умственные качества. – Стряхнув с рукава невидимую пылинку, Буллок повернулся к Куперу. – Не важно, что мы увидели за ее смешной маскировкой. Ее единственной целью было как следует рассмотреть ваше лицо. Один из моих информаторов вчера сообщил мне, что Дадли каким-то образом узнал о вашем приезде. Но я не предполагал, что вас так скоро возьмут на заметку... – Он глубоко вздохнул и продолжил после короткой паузы: – Ладно, это будет вам уроком, что в Ливерпуле надо держать ухо востро. Дадли – серьезный противник, справиться с ним не так-то легко. К счастью, эта девка вполне безобидна, но у него есть и другие, довольно опасные.

Юдифь бросила на мужа встревоженный взгляд, а у Купера внезапно пересохло во рту, и летний полдень вдруг показался очень холодным.

– Может, нам пора войти в дом и осмотреть нашу квартиру? – сказал он.

Когда Купер подходил к ступеням крыльца, идя рядом с женой, он улыбался, но вдруг поймал себя на том, что внимательно оглядывает улицу.

Глава 13

В тот же день в Вашингтоне, под проливным дождем, прошли похороны Старквезера. Похоронили его на маленьком частном кладбище, вдали от любопытных глаз и политического сброда.

С полей шляпы Елканы Бента капала вода, стекая на темно-синее пальто с короткой пелеринной. Обычно Бент очень любил надевать это пальто – они вошли в моду в 1851 году с легкой руки французов. Бент считал, что такой покррой молодит его и хорошо скрывает полноту. Но в этот темный унылый день мысли о собственной внешности волновали его меньше всего.

Брезентовый навес защищал открытую могилу и окружавшую ее лужайку. На похороны собралось около пятидесяти человек. Бент стоял слишком далеко, чтобы узнать многих из них, – свою лошадь он привязал примерно в миле отсюда и дошел пешком до этого места за большим мраморным распятием, – но даже тех, кого он узнал, было достаточно, чтобы понять, насколько важным человеком был его отец. Сенатор от штата Огайо и влиятельный республиканец Бен Уэйд тоже пришел. Скотт прислал старшего офицера из штаба, а любитель черномазых Чейз – свою хорошенькую дочь. Президента представлял длинноволосый усач Леймон, близкий друг хозяина Белого дома.

Бент испытывал не столько горе, сколько негодование. Даже после смерти отец не подпускал его к себе. Ему хотелось стоять рядом со всеми, но он не осмелился.

С двух концов богато украшенного гроба стояли могильщики, замерев в ожидании, пока им велют поднять и опустить его в землю. Министр произносил речь, но Бент не слышал его из-за стука дождя по летней листве. На этом кладбище, густо заросшем деревьями, было темно, как в пещере. Темно, как у Бента на душе.

Утром, как сообщили газеты, над телом отца отслужили заупокойную службу в какой-то церкви в центре Вашингтона. Туда Бент тоже не мог пойти. Разумеется, все организовал адвокат Диллс, этот старый коротышка, который сейчас стоял возле самой могилы в окружении трех толстомордых типов, по виду явно не бедных.

Бент прятался за распятием, чтобы его не заметили. Он презирал Диллса, но совсем не хотел настраивать его против себя, по неосторожности показавшись адвокату на глаза. Именно через Диллса Хейворд Старквезер связывался со своим незаконнорожденным сыном и снабжал его деньгами. Именно к Диллсу Бент обращался в моменты крайней необходимости. Но виделись они только один раз, во всех остальных случаях все общение происходило письменно.

Министр торжественно поднял руку, и гроб медленно опустили в землю на длинных веревках. За всю свою взрослую жизнь Бент встречался с отцом лишь дважды. И на каждой встрече их разговор был неловким и перемежался длинными паузами. В памяти Бента отец остался красивым, сдержанным человеком, явно очень умным. Улыбки на его лице он не видел ни разу.

Когда гроб исчез из виду, дождь, похоже, добрался и до глаз Бента. Собравшиеся начали расходиться. Но почему Старквезер не захотел как следует узнать сына? Незаконные дети в нынешние времена уже не были таким уж большим грехом. Тогда почему? Бент ненавидел отца, которого теперь оплакивал, ненавидел за то, что слишком много вопросов осталось без ответа.

И первый из них: кто была его мать? Точно не давно умершая жена Старквезера – хотя бы это ему сообщил Диллс, не забыв строго предупредить, чтобы он больше никогда не задавал такого вопроса. Да как смеет этот адвокатишка так обращаться с ним? Как смел Старквезер скрывать от него правду?

На самом деле во время того единственного разговора с Диллсом адвокат объяснил ему, почему у Бента никогда не будет близких отношений с отцом. По его словам, те, кто платил

Старквезеру, хотели, чтобы он жил в соответствии с высочайшими нравственными требованиями и никогда – ни словом, ни поступком – не привлекал к себе публичного внимания. Бент не поверил в это обтекаемое объяснение, подозревая, что у Старквезера имелись какие-то более простые и грубые причины для того, чтобы бросить сына. Законных детей у Старквезера не было. Возможно, он просто относился к категории тех самовлюбленных карьеристов, которым отцовство было только в тягость.

Бент судорожно вздохнул. Диллс, похоже, наблюдал за каменным крестом, разговаривая с тремя денежными мешками. Бент в испуге попятился, стараясь, чтобы монументальное сооружение оставалось между ним и могилой, и не заметил пьедестала, на котором стоял гранитный ангел с распростертыми крыльями. Споткнувшись о подножие пьедестала, Бент вскрикнул, но не упал, успев удержаться за мокрую каменную драпировку.

Заметил ли кто-нибудь? Может, Диллс?

Но никто не пошел в его сторону; он слышал лишь стук колес отъезжавших экипажей. Выровняв дыхание, Бент побрел к дереву, к которому привязал свою лошадь. Когда он опустился на нее всем своим весом, она нервно шагнула в сторону.

Вскоре, отъехав на безопасное расстояние, он пустил лошадь легким галопом по грязной дороге, проезжая мимо дозорных постов, выставленных вдоль территории Джорджтаунского университета, где стояли палатки Шестьдесят девятого Нью-Йоркского добровольческого полка. Бент продолжал страдать от своей потери, хотя страдание быстро вымещалось душившим его гневом. Черт бы побрал этого человека, и угораздило же его умереть именно сейчас! Но ведь кто-то все равно должен помешать его ссылке в Кентукки?

Хотя Бент плотно позавтракал, отчаяние привело его в бар отеля «Уиллард», где можно было перекусить в середине дня. Он подцепил вилкой остатки картофельного пюре, а потом аккуратно подобрал с тарелки куриную подливку корочкой хлеба, которую тоже отправил в рот. С самого детства еда была для него чем-то вроде наркотика.

Но сегодня она его не успокоила. Он продолжал обижаться на Старквезера. Ведь отец даже не дал ему свою фамилию, настояв, чтобы мальчик носил фамилию той семьи, которая его воспитывала.

Бенты были простыми, измученными тяжелой работой, почти неграмотными людьми и жили на небольшой ферме рядом с Богом забытой деревушкой Фелисити в округе Клермонт, штат Огайо. Фулмеру Бенту было сорок семь лет, когда ему привезли сына Старквезера. Сам Бент был в то время слишком мал и ничего этого не помнил. А может быть, просто изгнал из памяти – лишь немногие, самые неприятные картины тех лет напоминали ему о приемных родителях.

Миссис Бент, весьма специфическая женщина с бельмом на глазу, имела многочисленных родственников на другом берегу реки. Когда она не таскала Бента по своим родичам, то заставляла слушать Библию, которую читала вслух, или зловещим шепотом изводила его долгими нотациями о непристойности человеческого тела, грязных человеческих помыслах, отвратительных поступках и низких желаниях. Когда Бенту исполнилось тринадцать, она поймала его за обычным занятием взрослеющих подростков и избивала веревкой так, что он кричал во все горло, а потом испачкал кровью все белье на кровати. Неудивительно, что Фулмер Бент старался как можно больше времени проводить вне дома. Это был молчаливый, замкнутый человек, единственным развлечением которого, похоже, было спаривание скота на его ферме.

Годы в Фелисити стали самыми мрачными за всю жизнь Бента, и не только потому, что он ненавидел приемных родителей, но еще и потому, что в пятнадцать лет узнал, что его родной отец живет в Вашингтоне и не желает его знать. До этого Бент считал, что его отцом был какой-нибудь из умерших родственников Бентов, который, возможно, опозорил семью; обычно супруги всегда уклонялись от расспросов мальчика.

Правду он узнал от Диллса, когда тот счел его уже достаточно взрослым для такого открытия, и, совершив долгий путь в экипаже, а потом на речном пароходе, приехал в Огайо. В тот солнечный летний день на ферме Диллс рассказал ему о Старквезере, предварительно позаботясь о том, чтобы никто не услышал их разговор. Адвокат говорил деликатно, даже ласково, но ему и в голову не пришло, как глубоко он ранил своего слушателя.

И потом, как бы ни помогал Старквезер Бенту, деньгами или влиянием, любовь того к отцу всегда была отравлена яростью.

На шестнадцатом году жизни Бента, как раз перед тем, как Старквезер выхлопотал сыну назначение в Военную академию, Фулмер Бент повез свиней на рынок в Цинциннати и там погиб в случайной перестрелке в одном доме с дурной репутацией. Той же осенью один сладкоголосый молодой служащий в магазине в Фелисити посвятил Бента в тайны плотской любви. Первая женщина у него появилась лишь два года спустя.

О военной карьере юный Бент начал мечтать задолго до того, как Старквезер устроил его в Вест-Пойнт. Эта мечта родилась в загроможденной книжной лавке в Цинциннати, куда мальчик забрел однажды днем, пока Фулмер Бент занимался где-то своими делами. За пять центов он купил сильно потрепанную, покрытую пятнами книжку о жизни Бонапарта. И это стало началом.

На часть тех денег, которые регулярно, дважды в год, присылал ему Диллс, он покупал книги о великих полководцах. Он читал и перечитывал биографии Александра Великого, Цезаря, Сципиона Африканского. Но прежде всего в его воображении расцветал образ Бонапарта, чьим наследником и американским двойником он уже мысленно считал себя.

И что теперь? Кентукки? Вот уж где он точно не станет Бонапартом. Скорее, трупом. Кентукки был спорным пограничным штатом, половина его населения присоединилась к Союзу, половина – к Конфедерации. Рабовладельцев Линкольн не трогал, поэтому к сецессии они не призывали. Бент просто не мог отправиться в подобное место.

– Принесите мне еще порцию пирога, – обливаясь потом, махнул он официанту.

Жадно проглотив пирог, Бент откинулся на спинку стула; на его нижней губе повисла капля от сладкой начинки, похожая на крошечную сосульку. Насытившись, Бент почувствовал себя немного лучше, теперь он снова мог думать и строить планы. Чего он никогда не стал бы отрицать, вспоминая жену Фулмера Бента, так это того, что она была отменной кухаркой.

Он учился в деревенской школе вместе с фермерскими сыновьями, которые дразнили его и постоянно выбирали жертвой для своих проказ. Однажды они набили его судок для завтрака свежим коровьим навозом. Он прибежал домой и увидел, что его приемная мать достает из железной печи шесть буханок хлеба с хрустящей золотистой корочкой. Давясь от жадности, он быстро умял одну и попросил еще. С того дня миссис Бент кормила его до отвала. Когда он просил вторую и третью порцию или хотел перекусить между обедом и ужином, она всегда чувствовала себя польщенной и не отказывала мальчику.

Все это привело к тому, что он начал сильно полнеть. И совсем не нравился девочкам. Зато научился использовать свой вес, чтобы не только давать отпор своим обидчикам, но и наказывать их. Он был труслив и неуклюж, но когда мальчишкам казалось, что они загнали его в угол, он просто толкал их и падал на них сверху. После того как он проделал этот трюк пару раз, его оставили в покое.

Ему очень хотелось заказать третью порцию пирога, но живот уже и так болел, поэтому он решил сосредоточиться на главной проблеме. Он по-прежнему верил в свое великое военное будущее, но оно могло и не наступить, если он погибнет в Кентукки.

Оставался только один человек, который мог бы похлопотать за него. И хотя Бента предупреждали не искать с ним личных встреч, отчаянное положение требовало отчаянных мер.

Контора Джаспера Диллса, эсквайра, выходила на Седьмую улицу в деловом центре города. Комната, уставленная книжными стеллажами, была очень скромной и не содержала никаких намеков на богатство или влиятельное положение ее хозяина, говоря скорее о его весьма неудачной практике.

Бент, изрядно нервничая, опустил зад в кресло для посетителей, на которое указал ему служащий. Кресло оказалось узковато, поэтому пришлось втискиваться с трудом. Для этого визита Бент специально надел парадный мундир, но по выражению лица Диллса понял, что старался напрасно.

– Мне казалось, полковник, вы поняли, что не должны сюда приходить.

– Возникли особые обстоятельства.

Диллс приподнял одну бровь, добив тем самым своего и без того расстроенного посетителя.

– Мне срочно нужна ваша помощь, – сказал Бент.

На письменном столе были только чернильный прибор и маленькая стопка бумаги. Диллс обмакнул перо в чернила и начал сосредоточенно рисовать звезды.

– Полагаю, вы понимаете, что ваш отец больше не может вам помогать. – (Скрип пера, еще одна звезда.) – Я видел, как вы вчера прятались на кладбище... Только не вздумайте отрицать. Что ж, это простительная ошибка. – Скрип-скрип... Закончив со звездами, адвокат изобразил угловатую букву «Б», потом бросил короткий взгляд на визитера. – А вот эта – нет.

Бент покраснел, напуганный и разъяренный одновременно. Да как он смеет говорить таким тоном? – подумал он. Джасперу Диллсу было не меньше семидесяти, но ни его солидный возраст, ни тщедушная фигура с детскими руками и ногами не уменьшали той силы, которую он умел вкладывать в свой голос или взгляд. Именно таким взглядом он сейчас буравил Бента.

– Но я прошу... – он нервно сглотнул, – прошу сделать исключение. Я в отчаянии.

Запинаясь, Бент в нескольких словах изложил причины своего прихода. Все это время Диллс продолжал рисовать на листе – сначала появились новые буквы «Б», потом превосходно изображенные эполеты, один меньше другого. Его лицо в мутном желтоватом свете, пробивавшемся через грязные стекла окна, казалось нездоровым. Когда Бент замолчал, Диллс секунд десять просто молча смотрел на него.

– Но я все равно не могу понять, почему вы пришли ко мне, полковник, – наконец заговорил он. – У меня нет ни возможности помочь вам, ни причин делать это. Мое единственное обязательство как душеприказчика вашего отца – следовать его устному распоряжению о том, чтобы вы продолжали ежегодно получать щедрое денежное довольствие.

– Зачем мне деньги, если меня отправят в Кентукки и там убьют! – почти выкрикнул Бент.

– Но что я-то могу сделать?

– Изменить мое назначение! Вы же делали это раньше... вы или мой отец. Или это были те люди, которые его наняли? – Бент попал в цель – Диллс заметно напрягся, и он понял, что настал момент для рискованного блефа. – Кстати, мне кое-что о них известно. Я слышал несколько имен. Не забывайте, я ведь встречался с отцом дважды, и каждый раз мы подолгу разговаривали. Так что имена я слышал, – повторил он.

– Вы лжете, полковник.

– Вот как? А вы проверьте. Откажитесь помочь. А я не откладывая поговорю кое с какими людьми, которым очень захочется узнать имена нанимателей моего отца. А также занятную историю моего происхождения.

В наступившей тишине было слышно только его шумное дыхание. Он должен победить, и чуть подсказывало ему, что так и будет.

– Полковник Бент, – тихо вздохнул Диллс, – вы совершили ошибку. Собственно говоря, даже две ошибки. Первой, как я уже отмечал, было ваше решение прийти сюда. Второй – ваш

ультиматум. – Он положил перо на лист со звездами. – Позвольте мне не ударяться в мелодраматический тон, а лишь прояснить вам суть вещей, насколько мне это удастся. Как только до меня дойдет слух, что вы пытались обнаружить вашу связь с моим покойным клиентом или каким-то иным способом навредить его репутации, в том числе публично упомянув те самые имена, которые вам вряд ли известны, вы умрете в течение двадцати четырех часов. – Диллс улыбнулся. – Всего доброго, сэр. – С этими словами он встал и отошел к книжным полкам.

Бент вырвался из кресла и шагнул в его сторону.

– Черт побери, да как вы смеете разговаривать так с сыном Старквезера! – воскликнул он.

Диллс стремительно развернулся и закрыл книгу с хлопком револьверного выстрела.

– Я сказал – всего доброго!

«А ведь он не шутил, – с ужасом думал Бент, неловко спускаясь по длинной лестнице к выходу. – Это не пустые угрозы. И что же мне теперь делать?»

Оставшись один, Диллс вернул книгу на прежнее место и прошел к столу. Когда он сел на стул, то вдруг обратил внимание на свои веснушчатые руки – они дрожали. Такая реакция рассердила и смутила его. Тем более что бояться ему было совершенно нечего.

Конечно, наниматели его покойного клиента желали бы сохранить свои имена в тайне. Но Диллс был уверен, что Бент ничего о них не знает и, как явный трус, просто блефовал. Разумеется, благодаря некоторым связям Старквезера Диллс мог с легкостью устроить так, чтобы Бент поймал смертельную мушкетную пулю. А в Кентукки это вообще выглядело бы так, будто его убил кто-то из бунтовщиков. Правда, такой план привел бы к определенным финансовым потерям для адвоката, но этого Бент знать не мог.

То, что родители, обладавшие массой достоинств, произвели на свет такого слабого и ничемного отпрыска, как Елкана Бент, обескураживало Диллса, в корне нарушая его представления о порядке вещей. Будучи рожденным в ужасной нищете где-то в глуши на Западе, Старквезер был одарен хитростью и честолюбием. Мать Бента от своей семьи получила не только прекрасное воспитание, но также богатство и высокое положение в обществе. А что же их сын? Какой жалкий итог! Возможно, некоторые незаконные связи и их плоды Господь проклинает еще в тот момент, когда падает семя.

Так и не сумев успокоиться и выбросить из головы своего недавнего посетителя, Диллс вынул из жилетного кармана маленький бронзовый ключ, отпер нижний ящик письменного стола и достал оттуда связку из девяти ключей побольше. Потом выбрал один из них и открыл стенной шкаф, после чего снова сменил ключ, чтобы отомкнуть стоящий в пыльной темноте железный сейф, в котором лежала одна тонкая папка.

Он всмотрелся в старое письмо, которое впервые прочел четырнадцать лет назад. Старквезер отдал это письмо ему на хранение в прошлом декабре, когда почувствовал себя по-настоящему плохо. Листок был исписан с обеих сторон. Взгляд адвоката остановился на подписи, и снова, как и всякий раз, когда Диллс видел это знаменитое имя, он был потрясен, изумлен и ошарашен.

В письме, в частности, говорилось:

Ты мной попользовался, Хейворд, а потом бросил меня. Впрочем, вынуждена признать, что тоже получила определенное удовольствие и не могу заставить себя полностью отказаться от последствий своей ошибки. Зная, что ты за человек и что для тебя важнее всего в этой жизни, я готова выплачивать тебе солидное ежегодное содержание, при условии, что ты примешь на себя ответственность за ребенка, будешь заботиться о нем (не обязательно слишком нежно), поможешь ему так, как сочтешь разумным, но самое главное – будешь тщательно следить за ним, чтобы предотвратить любые обстоятельства или действия с его стороны или со стороны других людей, которые могли бы привести к раскрытию тайны его

настоящих родителей. Думаю, нет нужды добавлять, что он никогда не должен узнать от тебя, кто я. Если это произойдет, не важно, по какой причине, выплаты немедленно прекратятся.

Диллс облизнул пересохшие губы. Как бы ему хотелось встретиться с этой женщиной, хоть на час! Незаконнорожденный ребенок мог запятнать ее имя и загубить ее будущее, и она даже в восемнадцать лет была достаточно умна и опытна, чтобы понимать это. Она сделала блестящую партию... Диллс перевернул листок, чтобы еще раз посмотреть на подпись. Одержимый мстью бедняга Бент, пожалуй, вообще помешался бы, увидев это имя.

Абзац над подписью касался лично Диллса.

И наконец, в случае твоей смерти те же выплаты будет получать лицо, которое ты назначишь, до тех пор пока мальчик жив и при тех же условиях, о которых было сказано выше.

Вернувшись к столу, Диллс снова взялся за перо и задумался. Живой сын Старквезера приносил ему неплохие деньги, мертвый же не стоил ничего. Возможно – разумеется, действуя окольными путями, – ему все-таки стоит устроить так, чтобы Бент избежал отправки в опасный регион.

Да, мысль определенно неплохая. Диллс решил, что на следующий день поговорит со своими знакомыми в военном министерстве, и, сделав пометку в маленьком блокноте, вырвал лист и спрятал его в карман жилета. Ну и довольно с него Бента. Пора заняться другими делами.

Теперь наниматели Старквезера стали его клиентами, и их интересовала возможность отделения Нью-Йорка от Союза. Идея была захватывающей: самостоятельный город-штат, свободно торгующий с обеими сторонами во время войны, чью продолжительность джентльмены могли бы до определенной степени контролировать. Влиятельные политики, включая мэра Фернандо Вуда, уже публично высказались за сепессию. Диллс сейчас как раз изучал юридические прецеденты и готовил подробный доклад о возможных последствиях. Он вернул письмо в сейф и после трех поворотов ключей в трех замках вернулся к работе.

Глава 14

– В чем же мы все-таки ошиблись?! – воскликнул Джордж, отшвыривая в сторону окурки сигары, который упал на землю перед небольшим зданием конторы, стоящим в самом центре огромной заводской территории.

– Я правда не знаю, Джордж, – с мрачным видом ответил Кристофер Уотерспун.

По грязной улице в обоих направлениях шли сотни людей – первая смена уходила с завода, вторая заступала на работу. Все они, конечно, заметили гнев на его лице, но Джорджу было все равно. Большинство рабочих наверняка слышали взрыв, когда пробный образец колумбиады, испытания которого проводились на склоне горы в самом дальнем конце завода, разлетелся на куски. Эта гладкоствольная восьмидюймовая пушка, отлитая по методу Родмана в специальной литевой форме с охлаждаемым водой наконечником, разнесла свою грубо сколоченную деревянную опору и разорвалась на мелкие железные осколки, которые, как кинжалы, вонзились в толстый дощатый забор, защищавший испытателей.

– Просто ума не приложу, – повторил управляющий.

Это была уже вторая неудача на этой неделе.

– Ладно, изменим температуру и попробуем еще раз. Будем пробовать, пока ад не замерзнет. Как нас уверяют, для защиты восточного побережья срочно нужны пушки, а одно из старейших металлургических производств в Америке не может отлить одно-единственное орудие. Поверить не могу!

Уотерспун откашлялся.

– Нет, Джордж, вы не правы. Это же военная продукция, а, насколько я знаю, здесь никогда прежде не отливали пушки.

– Но это необходимо сделать!

– Мы сделаем, Джордж, – уверенно сказал Уотерспун. – И в сроки, указанные в контракте, уложимся, и пушки наши будут такие, как надо. – Он робко улыбнулся. – Я обещаю это, потому что мистер Стэнли помог нам выиграть торги, и мне совсем не хотелось бы его рассердить.

– Вот уж не понимаю, чего вам бояться, – проворчал Джордж, глядя на лица проходивших мимо людей. – Вы же его одним щелчком можете сбить с ног.

– Верно, но с годами приходится быть бережливым. Иначе получается какое-то мотовство.

Эта неуклюжая попытка пошутить ничуть не улучшила настроение Джорджа, но он оценил усилия молодого шотландца и был благодарен ему. Он знал, что Уотерспун понимает причины его нетерпения. Джордж не мог оставить завод или даже всерьез подумать о предложении Кэмерона, пока не будет уверен в том, что они выполнят контракт.

У него не было сомнений, что завод справится, если только проблема заключалась не в методе отливки. Они с Уотерспуном снова и снова садились за расчеты, и шотландец всегда подходил к делу более чем основательно. Именно поэтому Джордж так быстро повысил молодого холостяка.

Уотерспуну уже исполнилось тридцать; это был худощавый человек с грустными глазами и волнистыми каштановыми волосами, неспешной речью и безупречными манерами, за которыми скрывалось беспощадное честолюбие. Ремеслу он обучался на одном дышащем на ладан доменном производстве, которым владели потомки знаменитого рода Дарби в Коулбрукдейле, деревне в долине реки Северн, то есть в тех же местах, откуда вел свое происхождение основатель рода Хазардов, сбежавший в Америку в конце XVII века. Когда торговля железом в долине Северна начала медленно, но верно сокращаться, Уотерспун предпочел не уезжать на вновь созданные заводы в Уэльсе, а эмигрировать в Америку. В Лихай-Стейшн он приехал четыре года назад в поисках работы, жены и удачи. Первое он нашел, остальное продолжал

искать. Если бы шотландцу удалось разгадать причину трещин в литье, Джордж смог бы оставить на него завод и ни о чем не беспокоиться.

В том, что он должен уехать из Лихай-Стейшн и поступить на службу, Джордж не сомневался. Сомнение вызывал только один вопрос: куда? Потянув за несколько ниточек, он наверняка мог бы стать строевым командиром, возглавить какой-нибудь полк. Но хотя он ненавидел войну, вовсе не страх делал эту идею столь непривлекательной, а убежденность, что его опыт принес бы гораздо больше пользы в артиллерийском управлении, что означало Кэмерона, Стэнли и Изабель. Черт бы побрал такой выбор...

Уотерспун нарушил его унылые размышления:

– Может, пойдете домой, Джордж? – Всего год назад он обращался к нему не иначе как «сэр», но постепенно дружба и доверие крепились, и по предложению Джорджа они стали называть друг друга просто по именам. – А я еще немного посижу над заметками Родмана. Мне все-таки кажется, что это мы где-то ошиблись. Ведь изобретатель метода тоже выпускник вашей Академии?

– Да, выпуск сорок первого года.

– Тогда он едва ли мог ошибиться, верно?

На этот раз Джордж рассмеялся. Закурив очередную сигару, он сказал сквозь стиснутые зубы:

– Только не вздумайте сказать так в Вашингтоне. Половина политиков обвиняет Вест-Пойнт в этой войне. В последнем письме Стэнли говорил, что Кэмерон намерен разнести Академию в пух и прах в своем очередном докладе, который он сейчас как раз готовит. А я еще собираюсь на него работать, – похоже, я совсем свихнулся.

Уотерспун сжал губы – так он улыбался.

– Нет-нет... просто мы живем в несовершенном мире, вот и все. И, как мне кажется, вы могли бы больше помочь Вест-Пойнту, находясь там, а не здесь.

– Это-то и не дает мне покоя. Ладно, доброй ночи, Кристофер.

– Доброй ночи, друг мой.

Устало идя по пыльной дороге в потоке людей, шагавших в обе стороны, Джордж услышал, как кто-то отпустил язвительное замечание насчет неудачных испытаний. Расправив плечи, он вскинул голову и стал искать глазами шутника, но, конечно, никого не увидел. Впрочем, насмешка недолго беспокоила его – он прекрасно знал, что нет таких работодателей, которые нравились бы всем своим подчиненным без исключения. Кроме того, уважение значило гораздо больше, чем популярность. Уважение и мир с собственной совестью. Платили на заводе Хазардов честно, никаких лавок для продажи товаров в кредит он на своем производстве не открывал и всегда отказывался нанимать детей.

У него вдруг сильно заболела голова. Как много проблем навалилось в последнее время... С пушкой никак не ладится, у Бретт большие неприятности, а теперь еще военное ведомство собирается нанести удар по Вест-Пойнту.

Своим письмом Стэнли, как бы сообщая новости, на самом деле хотел досадить ему, и Джордж прекрасно понимал это. Называя Академию не иначе как рассадником предателей, брат писал, что причиной столь массового перехода кадровых офицеров в лагерь противника министр считает слабую дисциплину, а также наклон в южную сторону, что звучало несколько туманно, хотя и зловеще.

Разумеется, так о Вест-Пойнте думали не все. Уотерспун назвал лишь одну причину для существования противоположного мнения, сказав о блестящем образовании выпускников Академии. Вашингтонский юрист Джорджа упомянул и другую. В двух последних письмах он говорил о срочной необходимости появления умных и порядочных людей в противовес засилью бездарей, которых их политические покровители уже устроили на теплые места. Слава Небесам, что ему не нужно принимать решение прямо сегодня.

В душном, влажном воздухе позднего вечера подниматься на холм к Бельведеру было тяжело. Джордж снял черное пальто из шерсти альпаки, ослабил галстук и несколько раз глубоко затянулся сигарой на ходу. Иногда горячий дым обжигал ему горло, но он привык.

На пыльной тропинке он остановился, чтобы посмотреть на холм, где на ветру качались горные лавры, и еще раз вспомнить мудрые слова матери. Мод Хазард испытывала особые, почти мистические чувства к этому дереву и смогла передать их своему сыну. Она считала, что их семья очень похожа на лавр, который стойко переносит любую непогоду. Свою силу лавр черпает в любви, говорила она. Ничто, кроме любви, не может поднять человека над его слабостями и помочь одолеть жизненные невзгоды.

Когда Джордж думал о том, как привезти Констанцию в Лихай-Стейшн, где к католикам относились с презрением, мать тоже говорила ему о лавре. Сам Джордж повторил ее слова младшему брату, когда Билли отчаялся получить согласие Орри Мэйна на его брак с Бретт.

Терпение и любовь. Наверное, этого было бы достаточно.

На длинной и широкой веранде Бельведера он перевел дыхание. Пот заливал шею, насквозь промочив рубашку. Джордж вернулся домой раньше обычного; это был редкий шанс расслабиться в прохладной ванне с сигарой. Может быть, он даже поймет, почему пушка взрывается. Нахмурившись, Джордж тихо вошел в дом и направился в библиотеку, чтобы взять тетрадь, в которую он записывал свои соображения о методе Родмана.

– Джордж? Ты рано сегодня. Вот так сюрприз! – (Он повернулся к двери.) – А мне еще показалось, я слышала, как ты вошел, – сказала Констанция, подходя к мужу, чтобы поцеловать его, и вдруг замерла. – Милый, что случилось?

– Это все жара. Там просто адское пекло.

– Нет, это что-то еще. А-а, понимаю... испытания. В них все дело, да?

Джордж набросил пальто на плечо, усиленно изображая беспечность:

– Да, снова не удалось.

– О Джордж, мне так жаль!

Она крепко прижалась к нему, ласково провела прохладной ладонью по его влажной щеке и поцеловала в губы. Удивительно, но это помогло. Констанция была его лавром.

– А у меня хорошие новости, – сказала она через какое-то время. – Пришла наконец весточка от отца.

– Письмо?

– Да, сегодня.

– Это хорошо. Ты ведь так переживала. У него все в порядке?

– Не знаю, как и ответить. Идем, я налью тебе холодного сидра и все расскажу. Сидр немного забродил, так что поднимет тебе настроение лучше лимонада нашей поварихи. – Она взяла его за руку и повела к двери.

– Это ты поднимаешь мне настроение, – улыбнулся Джордж, с удовольствием идя вслед за женой.

Прочитав письмо, он понял, почему Констанция ответила так уклончиво.

– Я могу понять его отвращение к Техасу, – сказал он. – Патрику очень многое нравится на Юге, но только не рабство. Но почему Калифорния? Разве это решение?

– На мой взгляд, нет. Только представь – начинать все заново, в его-то возрасте?

– Думаю, как раз с этим у него проблем не будет, – возразил Джордж, вспоминая рыжего адвоката, который переехал на побережье залива из графства Лимерик.

Он сидел на широченной колоде для рубки мяса в их просторной кухне, ноги висели дюймах в шести над полом. Повариха с помощницами оживленно болтали, продолжая работать как ни в чем не бывало, словно хозяев не было рядом. Констанция старалась сохранять непринужденные отношения со слугами, и, кроме денежных вопросов, у Хазардов почти не было от них тайн.

Джордж с удовольствием потягивал холодный сидр, который был ничуть не хуже тех, что подавали в барах. Заметив, что его последние слова жену не успокоили, он добавил:

– Твой отец очень упорный и легко привыкает к новой обстановке.

– Но ему в этом году исполнится шестьдесят, а в Калифорнии небезопасно. Сегодня в утренней газете я прочитала, что южане хотят создать нечто вроде второй Конфедерации на Тихоокеанском побережье.

– Обычные слухи для этого времени. Сегодня говорят о Калифорнии, через неделю – о Чикаго.

– И все же я считаю, что такое путешествие будет слишком долгим, трудным и опасным. Отец немолод, и он совершенно один.

– Не совсем так, – улыбнулся Джордж. – Он всегда путешествует с очень надежным защитником и компаньоном. Я имею в виду кольт Патерсон со стволом в двенадцать дюймов. Никогда не видел твоего отца без него. Ты разве не помнишь, что он его даже на наше венчание прихватил? К тому же Патрик управляется с ним мастерски.

Но Констанция не успокоилась:

– Я просто не знаю, что мне делать.

Джордж допил сидр и серьезно посмотрел в синие глаза, которые так любил:

– Простите мне мою дерзость, миссис Хазард, но я не думаю, что вы можете что-либо сделать. К тому же я как-то не заметил в письме, чтобы он спрашивал твоего разрешения. Он просто сообщил, что едет, а написано письмо тридцатого апреля. Полагаю, сейчас он уже на полпути через Сьерру.

– О Боже мой... дата! Я так разволновалась, что даже не заметила ее. – Констанция схватила письмо, лежавшее рядом с Джорджем, взглянула на первую страницу и снова вздохнула. – О Боже...

Джордж вскочил и обнял жену, чтобы утешить, как она утешила его. Они вышли из кухни и поднялись наверх; Джордж начал раздеваться, чтобы принять ванну.

– Прости, если там, внизу, я показалась тебе раздраженной, – сказала Констанция, пока он стягивал пропотевшее белье.

– Ничуть, – ответил он, снова обнимая ее. – Просто ты тревожишься, вот и все. Скорее это я был чересчур саркастичен. Прости меня.

– В общем, счет равный.

Констанция обхватила ладонями его затылок и нежно поцеловала в губы. Секунд десять они стояли неподвижно, и волны поддержки и утешения передавались от одного к другому. В такие минуты Джордж как никогда понимал природу человеческой любви.

– Если мы еще так немного постоим, я уже не пойду принимать ванну, – весело произнес он, чувствуя, что тело откликается на объятия.

– А она тебе явно необходима, – усмехнулась Констанция.

С шутливым рычанием Джордж опрокинул ее на кровать и начал щекотать, пока она не взмолилась о пощаде. Наконец он все-таки направился в ванную и уже в дверях оглянулся:

– У нас есть и другие проблемы, о которых стоит подумать. И прежде всего приглашение Кэмерона.

– Это тебе решать, Джордж. Я не хочу сближаться со Стэнли и Изабель больше, чем это необходимо. Но ты, разумеется, учтешь другие, более важные обстоятельства.

– И рад бы не учитывать. Конгрессмен Тад Стивенс говорил, что Кэмерон из тех, кто может украсть даже раскаленную докрасна печку.

– Я так и думала. Почему бы тебе не поехать в Вашингтон и самому не поговорить с людьми в артиллерийском управлении? Может, так ты быстрее примешь решение?

– Прекрасная идея. Только я не могу никуда уехать, пока не дождусь успешных испытаний пушки. – Он немного помолчал. – Как ты думаешь, мы со Стэнли сработаемся? Ведь я

отстранил его от управления заводом, выгнал его жену из нашего дома и один раз даже ударил. Он ничего этого наверняка не забыл. А Изабель очень мстительна.

– Да, я тоже все это понимаю, и ты всегда должен об этом помнить. Но если ты все-таки примешь предложение, мы с детьми приедем к тебе как можно скорее.

Заходя в ванную, Джордж рассеянно кивнул, но было видно, что тревога по-прежнему не оставляет его. Констанция сидела на кровати; ветер утих, и шторы на окнах совсем не шевелились. Она понимала неуверенность мужа, потому что сама чувствовала то же самое. Прожитые взгляды и отношения между людьми были разрушены этой трагедией, которую пресса уже окрестила братоубийственной войной, хотя пока сражений было еще немного. Точно так же, как она беспокоилась об отце, Джордж беспокоился о своем лучшем друге Орри и его возлюбленной Мадлен. Какими же незаметными и беспомощными штрихами они все казались на этом огромном полотне истории, и никто не знал, что же в конце концов будет на нем изображено.

За ужином они снова обсуждали письмо Кэмерона. Отдохнувший после ванны, Джордж с воодушевлением рассказал Бретт о весьма разумном предложении Констанции: он должен съездить в Вашингтон, прежде чем принять окончательное решение.

– Возьми меня с собой! – воскликнула Бретт. – Я могла бы повидать Билли!

– Я не могу поехать прямо сейчас... – сказал он и тут же увидел, как надежда, вспыхнувшая было в глазах девушки, угасла.

Чувствуя себя виноватым, Джордж стал судорожно думать, что еще можно сделать, и не прошло и десяти секунд, как он радостно объявил:

– Но есть и другая возможность. Мне нужно срочно переправить пару контрактов своему юристу. Думаю, я мог бы найти надежного человека у себя в конторе, который их отвезет. И ты сможешь поехать вместе с ним.

– По-прежнему не хочешь отпустить меня одну?

– Бретт, мы уже давно обсудили этот вопрос.

– Да, только твои доводы меня не убедили.

– Не сердись. Ты умная и одаренная молодая женщина. Но Вашингтон сейчас – настоящая выгребная яма. Тебе нельзя находиться там одной, твой узнаваемый южный акцент сразу сделает тебя мишенью для каких-нибудь грубиянов. Нет, лучше уж так, как я предлагаю. Я найду подходящего человека и попрошу его собраться через день-другой. Так что уложи свой саквояж и будь готова.

– О, спасибо! – воскликнула Бретт и подбежала к Джорджу, чтобы обнять его. – Ты уж прости меня за дурной характер! Вы оба так добры, но ведь я не видела Билли с тех пор, как мы поженились.

– Я понимаю. – Джордж похлопал ее по руке. – Тебе не за что извиняться.

Бретт продолжала благодарить его со слезами на глазах, и это был один из тех редких моментов, когда Констанция видела, что ее муж смущен.

Позже, когда они уже лежали в постели, она спросила:

– У тебя действительно есть бумаги, которые нужно отправить в Вашингтон?

– Найду что-нибудь.

Засмеявшись, Констанция поцеловала его, а потом нежно прижала к груди.

Глава 15

– Да этот саквояж весит больше, чем наша «Старая Пташка»! – простонал Билли, опуская сумку на землю.

– Я привезла разные мелочи, подумала, они тебе пригодятся: книги, три чехла на фуражку, которые сама сшила, носки, новую кастрюльку, маленький набор для починки, специально для солдат, ну там иголки и все такое...

– В армии это называют несессером.

Билли одной рукой снял фуражку, одновременно протягивая другую руку, чтобы закрыть дверь.

Оба говорили очень тихо, словно боялись чужих ушей. После полудня прошло три часа, и в пансионе, кроме них, почти никого не было. Хотя они были женаты, Бретт чувствовала себя восхитительно безнравственной.

В тесной комнате со скошенным потолком было душно, а единственное крошечное окно пропускало только шум с невидимой улицы. Однако Билли просто повезло, что он сумел найти хотя бы такое жильё после получения телеграммы.

– Я так хотел тебя увидеть, Бретт! Смотреть на тебя, любить тебя... – Голос Билли звучал немного странно – застенчиво и почти испуганно. – Я так мечтал об этом, до боли...

– О, я знаю, милый. Я чувствую то же самое. Но мы никогда...

– Что?

Покраснев, Бретт смущенно отвернулась. Билли осторожно коснулся ее подбородка:

– Что, Бретт?

Она не смела посмотреть ему в глаза. И покраснела еще гуще.

– Ведь раньше мы всегда... занимались любовью только в темноте...

– Ну нет, я не хочу ждать так долго.

– Нет-нет... я тоже не хочу...

Билли помог ей раздеться – торопливо, но без грубости. Один за другим предметы туалета летели в разные стороны, пока наконец в жаркой полутьме она не осталась совершенно обнаженной, со страхом думая, что Билли оттолкнет вид ее тела.

Но страх тут же растаял, когда он протянул к ней руки. Сначала его ладони коснулись ее плеч, потом медленно скользнули вниз по рукам, нежно лаская каждый дюйм ее кожи и наполняя сердце радостью узнавания. Лицо Бретт озарилось улыбкой, и к ее счастливому смеху присоединились такие же счастливые слезы. И уже совсем скоро они слились в восторженном наслаждении, которое стало во много раз слаще оттого, что они так остро нуждались друг в друге.

Капитан Фармер дал Билли увольнительную на всю ночь. Ближе к вечеру Билли повел жену на прогулку к Президентскому парку. Толпы солдат на улицах поразили Бретт. Перед глазами то и дело мелькали их темно-синие и серые мундиры, а некоторые были одеты настолько пестро, что больше напоминали стражу какого-нибудь арабского шейха. А еще Бретт заметила, что вокруг гуляет очень много чернокожих.

Примерно за час до заката они перешли через дурнопахнущий канал в недостроенный парк рядом с живописными красными башнями Смитсоновского института. Десятки шикарных экипажей привезли хорошо одетых людей, желающих посмотреть на ежевечернее построение, проводимое Первым Род-Айлендским добровольческим полком. Билли показал жене их командира полковника Бернсайда – обладателя роскошных бакенбардов. Играл полковой оркестр, развевались флаги, зрелище выглядело праздничным и совсем не угрожающим, тем

более что после часа, проведенного в пансионе, Бретт все еще пребывала в приподнятом настроении.

Билли объяснил, что построения, парады и смотры, а также прочие публичные представления являются неотъемлемой частью военного присутствия в городе и вокруг него.

– Но настоящие сражения тоже наверняка скоро начнутся, – добавил он. – Говорят, Линкольн к этому стремится, и Дэвис, судя по всему, тоже. Он поставил в Александрии своего самого популярного командующего.

– Ты о генерале Борегаре?

Билли взял ее руку и просунул себе под локоть.

– Да. Когда-то эта армия превозносила старину Бори, теперь же все называют его маленьким напуганным павлином. А он еще подливает масла в огонь, твердя, что нашей стороне от Юга нужны только две вещи – трофеи и красотки. Это серьезное оскорбление.

«Наша сторона». «Своей» для Бретт она стала благодаря замужеству, но до сих пор при мысли об этом ее охватывало чувство неловкости и стыда, будто тем самым она невольно предавала свою настоящую родину. Так было и на этот раз.

– А капитан Фармер знает, когда начнутся сражения? – спросила она.

– Нет. Иногда я сомневаюсь, знает ли вообще кто-нибудь. Включая наших старших командиров.

– Ты осуждаешь их?

– Большинство знает свое дело, и это, конечно, выпускники Академии. Но есть и такие генералы, которые получили свои эполеты только благодаря политическим связям. Эти просто никуда не годятся. И пусть я покажусь тебе высокомерным, но я рад, что учился в Вест-Пойнте и стал инженером. Это самые лучшие войска.

– А еще первые на линии огня.

– Иногда.

– Я так боюсь за тебя, дорогой.

Билли очень хотелось признаться, что он тоже боится, но это напугало бы жену еще больше.

Очарование блеском города для Бретт начало угасать, когда они шли в сторону отеля, где собирались поужинать. Навстречу им попались два неопрятных сержанта, больше похожие на разбойников. Когда супруги проходили мимо, Бретт услышала, как один из них хихикнул и развязно сказал, что все офицеры – просто поганые задницы.

Она почувствовала, как Билли напрягся, но не остановился.

– Не обращай внимания, – сказал он. – Если я начну вмешиваться каждый раз, когда слышу нечто подобное, у меня на службу и минуты не останется. Дисциплина в армии отвратительная, но только не в роте Лайджа Фармера. Мне бы хотелось вас познакомить.

– Когда?

– Завтра. Я отвезу тебя в наш гарнизон, покажу укрепления, которые мы строим. По плану их должно быть пятьдесят или шестьдесят – кольцом вокруг всего города.

– Тебе нравится твой капитан?

– Даже очень. Правда, он чересчур религиозен, очень часто молится. Но офицеры и сержанты молятся вместе с ним.

– Ты – молишься? Билли, неужели ты... – Бретт не знала, как бы помягче закончить вопрос, но это оказалось не нужно.

– Нет, я все тот же безбожник, за которого ты вышла замуж. Но молюсь вместе со всеми – по самой простой причине. Элайджу Фармера просто нельзя слушаться. А вообще я должен сказать, что столь глубоко верующие люди в армии не редкость.

Внезапно он потянул к себе Бретт, отводя ее с края тротуара, где двое белых мужчин избивали одетого в лохмотья негра. На саму эту сцену Билли не обратил никакого внимания, а вот его жена не могла остаться равнодушной.

– Вижу, издевательства над рабами не ограничены только южными штатами, – заметила она.

– Скорее всего, он из вольноотпущенных. Но так или иначе, негров здесь не очень жалуют.

– Тогда ради чего вы собираетесь за них воевать?

– Бретт, мы уже обсуждали это раньше. Мы воюем, потому что горстка безумцев в твоём родном штате расколола страну надвое. Никто и не собирался воевать за ниггеров. Конечно, рабство несправедливо, в этом я убежден. Хотя с практической стороны его, возможно, не следует устранять слишком быстро. Говорят, президент тоже так думает. Как и большинство военных.

Билли чувствовал неловкость, пытаясь объяснить свое мнение. Но он говорил правду: никто в армии, кроме самых ярых аболиционистов, не верил, что эта война началась ради отмены рабовладельческой системы. Просто они хотели наказать дураков и предателей, которые решили, что смогут разрушить Союз.

Задумчиво сдвинутые брови Бретт ясно говорили о том, что ей хочется поспорить, и Билли вздохнул с облегчением, увидев наконец в нескольких шагах ярко освещенный газовыми фонарями вход в отель «Уиллард».

– Ну же, довольно... – сказал он уже в светлом шумном холле отеля, заметив, что жена все еще хмурится. – Хватит политики и уныния. Ты здесь всего на два дня, и я хочу, чтобы мы как можно лучше провели это время.

– А нам обязательно идти к Стэнли и его жене?

– Нет, если только ты пистолет к моей голове приставишь. Стыдно признаться, но я не видел их с тех пор, как получил назначение. Да я лучше с целой армией Борегара встречусь, чем с ними!

Бретт засмеялась, и от прежнего напряжения не осталось и следа. У входа в зал ресторана Билли заявил:

– Я проголодался. А ты?

– Ужасно! Но мы не должны тратить слишком много времени на ужин.

Она взглянула на мужа с многозначительной улыбкой и последовала за безукоризненно вежливым метрдотелем к столику. Стараясь сохранять непроницаемое выражение лица, Билли решительно шагал за ней, чувствуя, как душа поет от счастья.

– Да уж, лучше не задерживаться... – весело пробормотал он.

Ночью Бретт разбудил какой-то далекий зловеющий грохот. Словно почувствовав ее испуг, Билли тоже проснулся и повернулся к ней в темноте:

– Что случилось?

– Ты слышишь шум?

– Военные повозки.

– Я их раньше не слышала.

– Ты просто не обращала внимания. Если бы у этого города или у этой войны был основной звук, он исходил бы от повозок. Они катят день и ночь напролет. Ну-ка, дай я тебя обниму. Может, так ты быстрее снова заснешь?

Но это не помогло. Больше часа Бретт еще лежала без сна, с тревогой прислушиваясь к стуку копыт, скрипу осей, скрежету колес по мостовой, слитых в единый шум, похожий на звук далекого грома, предупреждающего о скорой грозе.

Утром Бретт чувствовала себя разбитой. Обильный завтрак ее немного взбодрил. Билли нанял прекрасное ландо, чтобы съездить на другой берег Потомака. Они ехали под хмурым предгрозовым небом, и вскоре действительно началась настоящая гроза, вторившая грохоту повозок, который Бретт теперь слышала постоянно.

Когда они пересекли Лонг-Бридж, Билли еще кое-что рассказал жене о Фармере. Капитан был родом из Индианы, до сих пор оставался холостяком, а Военную академию окончил тридцать пять лет назад.

– Он учился как раз в то время, когда там началось бурное религиозное оживление. Капитан и его однокурсник Леонидас Полк возглавили это движение среди кадетов. Через три года после выпуска Фармер уволился из армии, чтобы стать разъездным священником методистской церкви. Когда я однажды спросил его, как он жил все эти годы, он ответил: в седле. А вообще-то, его родной дом в Гринкаселе, это маленький городок в Индиане.

– Мне кажется, я что-то слышала о Полке из епископальной церкви.

– Это он.

– Но почему Фармер снова вернулся в армию? Разве он не староват для службы?

– Возраст не помеха, если у тебя такой опыт за плечами. К тому же Старина Моше ненавидит рабство.

– Как ты его назвал?

– Моше – то же, что Моисей. Капитана поставили во главе этой роты добровольцев, до тех пор пока из Флориды не вернутся регулярные инженерные части. Его считают хорошим командиром, вот и прозвали Старина Моше. И знаешь, ему подходит. Он будто сошел прямо со страниц Ветхого Завета. А я по-прежнему зову его Лайдж... Ну вот мы и приехали. – Билли показал жене цель их поездки. – Это один из замечательных проектов, за который я отвечаю.

– Горы грязи?

– Земляные работы, – весело поправил ее Билли. – Вон там мы построим бревенчатый пороховой погреб.

– Это место как-то называется?

– Какой-то форт, не помню точно. Здесь полно таких. – И они поехали дальше.

Александрия, маленький городок, тесно застроенный жилыми домами из кирпича и многочисленными зданиями разного назначения, казался почти таким же людным, как Вашингтон. Билли показал Бретт отель «Маршалл-Хаус», рядом с которым был застрелен близкий друг Линкольна полковник Элсворт.

– Это случилось в тот день, когда армия вошла в город. Элсворт пытался снять флаг конфедератов с отеля.

Сразу за городом начинался огромный гарнизон, уставленный рядами белых палаток. Вокруг него по всему периметру шли строевые учения – солдаты маршировали по вытоптаным полям. Рядом, отдавая громкие приказы, разъезжали конные офицеры. Мужчины, обнаженные до пояса, копали траншеи и перетаскивали бревна. Бретт почти не слышала мужа из-за криков ругательств, сигналов горна и грохота вездесущих повозок.

Она присмотрелась к нескольким марширующим отделениям:

– Никогда не видела таких неуклюжих мужчин. Даже двоих не найти, кто бы в ногу шел.

– Это добровольцы. У них и офицеры немногим лучше. Они по вечерам сидят допоздна над «Тактикой» Харди, чтобы утром хоть что-то объяснить рядовым. И все равно у них мало что получается.

– Да уж, в тебе сразу чувствуется выпускник Вест-Пойнта, – поддразнила его Бретт.

Они поехали дальше, картины быстро сменяли одна другую – дым, вьющийся над палатками-столовыми; лошади, тащившие артиллерийские орудия; полковые и государственные флаги, развевавшиеся на ветру. Где-то слышались барабанная дробь и поющие голоса. Для

Бретт все это было новым, удивительным и праздничным, хотя и немного пугающим, потому что предвещало войну.

Вскоре они миновали недостроенный редут и остановились перед палаткой, которая ничем не отличалась от остальных. Билли провел жену внутрь и отдал честь:

– Сэр? Если у вас есть минутка, я бы хотел представить вам свою жену. Миссис Уильям Хазард. Капитан Фармер.

Из-за шаткого стола, заваленного планами укреплений, им навстречу поднялся седой офицер.

– Это честь для меня, миссис Хазард. Честь и особая привилегия. – Он взял руку Бретт и торжественно пожал ее; в его пальцах чувствовалась сила.

«А Билли прав, – с восхищением подумала Бретт, – он бы мог сыграть какого-нибудь древнего пророка на сцене».

– Я чрезвычайно рад знакомству с вами и безмерно счастлив, что ваш муж служит под моим началом. Надеюсь, это продлится как можно дольше, – сказал капитан. – О, простите, я так невнимателен... Прошу вас, садитесь, вот сюда – на мой табурет. – Он поставил табурет перед столом. – Весьма сожалею, что здешняя обстановка не соответствует случаю.

Опускаясь на табурет, Бретт мысленно согласилась с тем, что обстановка более чем скромная. В командирской палатке были только стол, походная кровать и пять деревянных ящиков, на каждом из которых виднелась надпись: «АМЕРИКАНСКОЕ БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО». На одном из ящиков лежала пачка буклетов, перевязанных бечевкой. В Чарльстоне Бретт часто видела такие же тонкие брошюры из четырех листов. Ей в глаза бросился заголовок «Почему ты богохульствуешь?».

Фармер заметил ее взгляд:

– У меня пока не хватает времени, чтобы организовать здесь воскресную школу или вечерние службы, но я непременно это сделаю. Мы должны строить мосты к Небесам, даже если нам приходится сражаться с безбожниками.

– К сожалению, – сказала Бретт, – я выросла среди безбожников.

– Да, понимаю. Поверьте, мои слова ни в коей мере не относились к вам лично. Но и обманывать вас я не могу. Я твердо убежден, что всемогущий Господь питает отвращение ко всем тем, кто держит в цепях наших черных братьев.

Бретт почувствовала раздражение, как, вероятно, и любой другой южнокаролинец на ее месте. Но, как ни странно, голос капитана и сама его манера говорить неожиданно тронули ее. Билли выглядел смущенным, как если бы думал: «Мне эти черные вовсе не братья».

– Я уважаю вашу прямоту, капитан, – сказала Бретт. – Просто мне очень жаль, что эта серьезная проблема должна решаться с помощью войны. Мы с Билли хотим прожить всю жизнь вместе, создать семью. Но нынешние тревожные времена пугают меня, и я не знаю, что нас ждет впереди.

Элайджа Фармер сложил руки за спиной:

– Вы правы, миссис Хазард. И мы встретим эти тревожные времена, потому что таков наш удел – такова Божья воля. Однако я убежден, что война будет короткой. И мы выйдем из нее победителями. Ибо сказано в Писании: «Промышления праведных честны, а советы нечестивых коварны... Нечестивца извергнут – и нет его, а дом праведных устоит».

Теперь уже Бретт не на шутку рассердилась. Билли заметил это и молча взмолился, чтобы капитан наконец закончил свою проповедь, но тот продолжал:

– «Нечестивый уловляется грехами уст своих, но праведник выйдет из беды».

Бретт уже собралась возразить, но капитан неожиданно обезоружил ее своим поступком, когда вдруг шагнул к Билли, широко улыбнулся и по-отечески положил руку ему на плечо:

– Если впереди нас и ждут опасные времена, то Господь обязательно позаботится о том, чтобы этот прекрасный молодой человек их избежал. Господь – наше светило и наша защита.

Но даже несмотря на это, я тоже буду присматривать за ним. Так что, когда вернетесь домой, сохраните в сердце это мое обещание. Я сделаю все, что смогу, чтобы Уильям вернулся к вам как можно скорее целым и невредимым.

В это мгновение Бретт тут же забыла все, что раздражало ее в словах капитана раньше, и просто влюбилась в Элайджу Фармера.

Глава 16

За много миль от этого места, в низовьях Южной Каролины, еще один человек, как и Елкана Бент, строил планы мести.

Джастин Ламотт, владелец плантации Резолют и обедневший потомок одного из старейших родов штата, горел желанием наказать свою жену Мадлен. Она посмела сбежать из дому, чтобы сообщить об опасности, грозящей этому ничтожному янки, который женился на сестре Орри Мэйна.

Однако гнев Джастина был вызван не только этим дерзким поступком жены, он имел более глубокие корни. Долгие годы Мадлен ставила его в неловкое положение перед родными и соседями, свободно высказывая свои мысли и отказываясь вести себя так, как подобает женщине. Впрочем, с некоторым удовлетворением вспоминал Джастин, она бывала и покорной, хоть и холодной, когда он предьявлял свои супружеские права. В конце концов, устав терпеть своеволие жены, он на время усмирил ее, тайно подливая ей в еду настойку опиума. И вот теперь Мадлен опозорила его еще больше, чем прежде, открыто поселившись у своего любовника. Вся округа знала, что она намерена выйти замуж за Орри Мэйна, как только получит развод. Вот только она его никогда не получит. Но одного этого для мести Джастину было мало. Каждый день он снова и снова часами придумывал, как он уничтожит Орри Мэйна или как будет истязать свою коварную жену ножом и огнем.

Он лежал в теплой воде, которую слуги налили в тяжелую цинковую ванну в его спальне. От намокших волос по воде расходились темно-коричневые круги краски. Отсутствие седины не скрывало возраст Джастина, а, напротив, еще больше привлекало внимание к его волосам, цвет которых был столь очевидно ненатуральным. Это делало его похожим на восковую мумию, но ему было все равно.

Все последние дни он не находил себе покоя, и не только из-за жены. С гвардией Эшли тоже шло не все гладко. Этот добровольческий полк они с братом Френсисом создали для местной обороны еще в те тревожные дни, когда продолжалась осада форта Самтер.

Левую половину его лица закрывал лоскут белого шелка, сложенный в несколько раз и повязанный вертикально. Когда он пытался удержать Мадлен, она схватила висевшую в холле фамильную саблю и довольно неуклюже замахнулась на него, но от одного удара старого зазубренного лезвия на лице Джастина остался красный след – от левой брови до середины подбородка, через верхнюю губу. Эта неровная, медленно заживающая рана мучила его не только физически, но и морально. Как же он ненавидел эту проклятую сучку!

Душный день был в самом разгаре. Тени от свисающих пряжей испанского мха на черных дубах за окнами рисовали причудливые узоры на полу из сосновой доски, пораженной плесенью. Внизу, под верандой второго этажа, его брат выкрикивал отрывистые команды. В этот день Джастин, который уже был сыт по горло безрезультатными попытками научить хоть чему-нибудь эту голь перекатную (все джентльмены их округа, кроме однорукого мерзавца Мэйна, записались в другие отряды), поручил Френсису проводить строевые занятия, а сам решил отдохнуть.

Его брат не пожалел денег на обмундирование для полка. На вешалке рядом с ванной красовались канареечно-желтые брюки и светло-зеленый мундир с галунами во французском охотничьем стиле. Довершали форму красивые высокие сапоги до колен, надевавшиеся поверх брюк – тоже на французский манер.

Однако, несмотря на немалые траты, к ним не особо стремились те, кто смог бы по достоинству оценить стоимость и оригинальность этой формы, а также редкую удачу оказаться под началом таких людей, как Ламотты. А этот Уэйд Хэмптон, чтобы ему провалиться, одел своих

кавалеристов в какие-то серые хламиды, отчего они стали похожи на пастухов, и все равно не знал отбоя от желающих.

Но Джастин ненавидел плантатора из Колумбии не только за это. Первый Хэмптон приехал в Каролину намного позже Ламоттов, но теперь это имя пользовалось гораздо большим уважением. Джастин прожил почти все свое состояние, достаток же Хэмптона только рос без всяких видимых усилий с его стороны, и все считали его самым богатым человеком штата.

Хэмптон отказался приехать на конвент, посвященный отделению от Союза, и даже публично высказался против сецессии, а теперь вдруг превратился в героя. Он уже был в Виргинии с целой армией пехотинцев, артиллерии и кавалеристов, слепо верящих ему, в то время как Джастин до сих пор торчал здесь, заработал славу рога носца и не смог набрать больше двух рот, да и те состояли из тупых мерзавцев, которые только и делали, что пьянствовали, дрались или использовали свои древние мушкеты и допотопные винтовки совсем не по назначению.

Боже, как же он измучился! Джастин еще на полдьюма погрузился в воду и вдруг понял, что не слышит больше хриплых приказов брата. Вместо этого снизу доносились чьи-то визгливые крики и непристойная брань.

– Черт бы их побрал!..

Похоже, эти неотесанные болваны опять подрались. Ладно, пусть Френсис сам с ними разбирается.

Джастин ожидал, что шум вот-вот прекратится. Однако смех и ободряющие выкрики стали громче, а вскоре послышались и удары. Вдруг дверь спальни приоткрылась, и в комнату заглянул Мем – юный раб, полное имя которого было Агамемнон.

– Мистер Джастин... ваш брат просит вас прийти. У них там что-то случилось.

Разъяренный Джастин выбрался из ванны. Вода с краской капала с его носа, пальцев, стекала с круглого живота, похожего на половинку дыни.

– Да как ты смел сюда войти без разрешения! – Он с силой ударил Мема кулаком.

Мальчик вскрикнул. В его широко открытых глазах Джастин на мгновение увидел такую ярость, что испугался, как бы раб не напал на него. Да, теперь, когда черные республиканцы действительно начали войну, чтобы отобрать у достойных людей их собственность, ниггеры заметно осмелели. В последнее время необъяснимо участились негритянские похороны. Ходили слухи, что на самом деле в гробах закапывают оружие для бунта. Старые страхи белых перед черной расой расползались по низовьям, как гнилостная зараза в летний сезон.

– Убирайся! – рявкнул на раба Джастин.

Мем с привычной покорностью выскочил из комнаты, закрыв за собой дверь; от его короткой мятежности не осталось и следа.

Джастин взял с кровати утягивающий корсет для живота. Снизу его звал Френсис, голос у брата был испуганный. Выругавшись, Джастин отшвырнул корсет и натянул тесные канаречные брюки. На ткани тут же выступили пятна влаги. На ходу застегивая гульфик, он поспешил вниз по лестнице, остановившись лишь для того, чтобы выдернуть из ножен висевшую на стене старую саблю.

Выскочив на улицу, он увидел, что в конце обветшавшего дома вовсю разгорается драка. Его гвардейцы – в шикарных, но безбожно перепачканных мундирах – окружили двоих мужчин, которые пытались отобрать друг у друга старую винтовку Холла. Этими двумя были кузены Лемке – вспыльчивые недоумки, владевшие процветающей фермой неподалеку.

Френсис, совсем исхудавший в последнее время, поспешил к брату:

– Оба пьяны в стельку! Может, лучше позвать ниггеров? Эти ребята уже вошли в раж настолько, что просто не позволят нам разнять их.

Да уж наверняка, подумал Джастин. Парочка гвардейцев захихикала, глядя на его мокрые брюки и заметно выпирающий живот.

– Черт, неужели ты не можешь призвать их к порядку? – прошипел он. – Почему это всегда должен делать я?

На самом деле ничего он делать не собирался. Вцепившись мускулистыми руками в спорное оружие, каждый из кузенов с силой тянул его в свою сторону. Вдруг один Лемке резко наклонил голову вперед и вцепился зубами в плечо второго; укус был настолько сильным, что на мундире выступила кровь. Ну нет, спасибо, подумал Джастин и пошел прочь; лучше найти четверых, а то и пятерых ниггеров покрепче, пусть они свои шкуры подставляют.

Один Лемке изменил положение рук, а другой в это время толкал ствол ружья вниз. Те, кто стоял ближе, попятнулись. Ружье оглушительно выстрелило, испустив клуб дыма.

Почувствовав сильный удар и жжение, Джастин качнулся вперед и уткнулся подбородком в землю, закричав от боли и бешенства. На желтой ткани, обтягивающей его зад, расплывался огромный красный цветок.

Глава 17

А на западном берегу Эшли, выше Чарльстона, нынешний глава семьи Мэйн и владелец большой рисовой плантации Монт-Роял, стоял перед тем же решением, что и его лучший друг Джордж Хазард.

С самого детства Орри Мэйн мечтал стать военным. Он окончил Вест-Пойнт в 1846 году и принимал участие в нескольких самых жарких сражениях Мексиканской войны. В битве при Чурубуско, близ Мехико, он потерял левую руку – отчасти из-за трусости и подлости Елканы Бента. Ранение вынудило Орри отказаться от давней мечты о военной карьере.

За его возвращением в Южную Каролину последовали тяжелые годы. Он всем сердцем полюбил жену Джастина Ламотта, и она отвечала ему взаимностью, но, будучи воспитанной в строгих традициях, не могла нарушить супружеской клятвы, поэтому долгое время влюбленные довольствовались лишь краткими свиданиями наедине и не позволяли себе физической близости, хотя оба страстно желали этого.

Когда черед тревожных событий привела Мадлен в его дом, она решила не возвращаться к мужу. Орри был счастлив, что они наконец вместе, хотя и не могут пожениться официально. Пользуясь неоднозначностью закона штата о разводе, Джастин делал все возможное, чтоб не дать жене свободу. Он продолжал упорствовать даже после того обстоятельства, которое заставило бы любого другого белого мужчину-южанина выгнать неверную жену из дома.

Мать Мадлен была красавицей-квартеронкой из Нового Орлеана. Хотя сам этот факт мог бы стать мощным оружием против мужа, у Мадлен не хватало жестокости использовать его, и все же она часто представляла себе, как вытянулось бы лицо Ламотта, узнай он правду о своей жене.

Орри сидел за старым выщербленным столом в небольшом здании конторы, из которого его отец и дед управляли плантацией. Бумаги, приготовленные на подпись, должны были подтвердить его преданность конфедеративному правительству, с обязательством отдавать часть прибыли новому государству, и это было еще одной головной болью, над которой он уже так долго размышлял. Стоял обычный для июля жаркий, душный день. В мирное время они с Мадлен, скорее всего, сбежали бы сейчас в летний дом в предгорьях, где было гораздо прохладнее.

В окна пробивался неяркий свет. Пахло фиалками и оливами. Орри всегда помнил эти запахи, как бы далеко от Монт-Роял он ни уезжал. Разбираться в документах совсем не хотелось, и он стал наблюдать за большим пальмовым жуком, который деловито спешил куда-то по расчерченному светом полу, оказываясь попеременно то в светлой полосе, то в темной. «Точно как и мы», – подумал Орри.

Он тряхнул головой, сердясь на себя. Но настроение не менялось. Грустные времена не располагали к веселью.

Из домика кухни неподалеку время от времени доносились смех или пение, но Орри был так поглощен своими мыслями, что почти ничего не слышал. Он снова думал о том предложении, которое ему поступило. Штабная служба в Ричмонде, у Боба Ли – кадрового офицера, чья преданность родной Виргинии заставила его бросить службу в федеральной армии; теперь он был особым военным советником при президенте Джефферсоне Дэвисе.

Кабинетная работа не слишком прельщала Орри, хотя он и понимал, что с таким увечьем его вряд ли отправят на передовую. Впрочем, как знать – вдруг в Ричмонде надумают последовать примеру противника? Орри слышал об одном офицере – Филе Кирни, хотя и ни разу не встречался с ним, который тоже потерял руку в Мексиканской войне, а теперь командовал дивизией добровольцев Союза.

Несмотря на обостренное чувство долга, Орри все еще колебался, и тому было немало причин. Ходили слухи, что работать с Дэвисом очень непросто. Да, он был храбрым офицером,

как и Орри, учился в Вест-Пойнте, но слишком любил власть и – правда это или нет – всегда старался поднять под себя всех и каждого.

Кроме того, в Ричмонде жили сестра Орри Эштон и ее муж Джеймс Хантун, тоже занимавший какую-то должность в правительстве. Когда Орри узнал, что Эштон сыграла не последнюю роль в том подлом заговоре, в результате которого едва не был убит Уильям Хазард, он выгнал сестру и ее мужа из дому и приказал им никогда больше не возвращаться в Монт-Роял. И теперь мысль о том, что он будет находиться где-то рядом с этой парочкой, вызывала у него отвращение.

К тому же на плантации не было надсмотрщика. Люди помоложе, которых он мог бы нанять, отправились служить. Человека постарше, достаточно умного и крепкого для такой работы, найти никак не удавалось. Орри уже помещал объявления в газетах Чарльстона и Колумбии и говорил с тремя претендентами, но все они не подошли.

Гораздо более важной причиной была болезнь матери. И еще страх оставить Мадлен одну. Дело было вовсе не в эгоизме: если он уедет, Джастин наверняка постарается отомстить жене за тот вред, который она нанесла его лицу и его репутации.

Да и рабы могли стать опасными. Орри не обсуждал этого с Мадлен, чтобы не тревожить ее без необходимости, но с недавних пор он начал замечать настораживающие перемены в поведении некоторых молодых рабов. Серьезные наказания никогда не применялись в Монт-Роял – в них просто не было необходимости; только однажды покойный отец Орри приказал жестоко высечь провинившегося раба.

В числе особо недовольных выделялся Каффи, детский приятель кузена Чарльза. За ним нужно было обязательно присматривать.

Орри неохотно вернулся к толстой пачке документов, написанных на плотной бумаге и скрепленных восковыми печатями. Подписав их, он соглашался отдавать существенную часть своих годовых доходов в обмен на государственные облигации той же стоимости. Этот так называемый заем должен был финансировать войну, по отношению к которой Орри, как и его друг Джордж, испытывал мало энтузиазма. Он понял, что эта безрассудная кампания будет непременно проиграна южанами, еще тогда, когда его брат Купер с горечью, но очень наглядно объяснил ему все с помощью нескольких простых цифр.

Население Севера перед войной насчитывало около двадцати двух миллионов человек. И там же находилось большинство заводов прежнего Союза, развитая сеть железных дорог, телеграфные линии, недра и капиталы. В одиннадцати же штатах Конфедерации проживало примерно девять миллионов, и треть из них составляли рабы, которые никак не могли пригодиться в этой войне, разве что в качестве слуг.

А меж тем настроения, витавшие в воздухе в эти дни, были весьма сомнительны, если не сказать опасны. Глупцы вроде братьев Ламотт только посмеивались, когда кто-нибудь намекал на возможную экспансию Юга. Даже если такое вдруг случится, считали они, то непременно закончится блистательной победой Конфедерации. Большинство южан – от аристократов до мелких фермеров – горделиво верили в собственные силы, что привело к далекому от реальности убеждению, будто бы один славный мальчик из Дикси⁶ с легкостью раскидает десяток этих лавочников-янки где угодно, когда угодно, ныне и присно и во веки веков, аминь.

В редкие моменты шовинизма Орри даже разделял некоторые из таких убеждений. Например, своего кузена Чарльза он считал в высшей степени достойным противником для любого офицера. Такую же храбрость он видел и в командире Чарльза Уэйде Хэмптоне. Еще с юности, полной восторженных надежд, он запомнил одну цитату, хотя и не был полностью согласен с ней. В войне, говорил Наполеон Бонапарт, люди – пешки, все решает отдельный человек.

⁶ Общее название южных штатов.

Но даже если это утверждение верно, глупо предполагать, что среди янки нет таких же храбрецов. И не просто глупо – губительно. Орри мог бы назвать десятки блестящих имен из Академии, в том числе тех, кого знал лично, и все они были с Севера. Вот хотя бы Сэм Грант, которым он всегда восхищался. Интересно, служит ли он еще?

Ответа на этот вопрос он не знал, как не знал и того, в какую сторону может повернуть эта странная, ненужная война. Глубоко вздохнув, он все-таки заставил себя вернуться к бумагам. Чем раньше он закончит дневные дела, тем скорее увидит Мадлен.

К четырем часам он обошел все поля и направился в сторону дома. На нем была простая, удобная одежда – брюки, белая рубашка свободного покроя, на ногах сапоги; пустой рукав был подколот у плеча блестящей булавкой. В свои тридцать пять Орри оставался по-юношески стройным и, несмотря на увечье, держался естественно и уверенно. У него было немного вытянутое лицо, темно-каштановые волосы и карие глаза. Мадлен считала, что с годами он становится только красивее, но сам он так не думал.

Договор он все-таки подписал и тут же перестал тревожиться о возмещении ущерба. Решение, принятое из чувства патриотизма, не предполагало условий.

Он миновал короткую аллею, ведущую к прибрежной дороге. Могучие замшелые дубы скрывали ее от солнечного света большую часть дня. Он обогнул угол дома, обращенного на регулярный сад и пристань на тихом берегу Эшли. На верхней веранде послышались легкие шаги, но тут же замерли, когда появился Орри. Он поднял голову и увидел маленькую пухлую женщину, которая безмятежно смотрела в безоблачное небо.

– Добрый день, матушка.

Кларисса Гоулт-Мэйн посмотрела вниз и вежливо, недоуменно улыбнулась:

– Добрый день. Как поживаете?

– Прекрасно. А вы?

На ее лице расцвела широкая благодушная улыбка.

– О, чудесно... большое спасибо! – Она повернулась и неторопливо ушла в дом.

Орри покачал головой. Много раз он пытался напомнить матери, что он ее сын, но все было напрасно. Она больше не узнавала его. К счастью, все их рабы, кроме разве что одного или двух, любили Клариссу. И все, с кем она встречалась, ненавязчиво опекали ее.

Но где же Мадлен? В саду? Он огляделся вокруг и вдруг услышал, как Мадлен зовет его из дома. Она была в гостиной – рассматривала какой-то плотно завернутый в бумагу цилиндрический сверток почти в пять футов длиной. Когда он вошел, Мадлен подбежала и обняла его.

– Осторожнее! – со смехом предупредил он. – Я пыльный и потный, как мул!

– Пыльный, потный – я люблю тебя в любом виде! – Мадлен нежно поцеловала его в сухие губы; ее поцелуй был свеж, как вода из горного источника.

Она крепко обняла его за шею, и он почувствовал, как ее гибкое, сильное тело прижимается к нему. Хотя законный брак был пока для них недоступен, они уже давно делили постель как супруги и любили друг друга с неостывающей страстью. Спали оба без ночных сорочек – благодаря мягкости и прямоту Мадлен Орри очень скоро перестал стесняться своего увечья.

Наконец Мадлен отодвинулась:

– Как прошел день?

– Хорошо. Знаешь, хоть сейчас и война, но эти последние несколько недель были самыми счастливыми в моей жизни.

Мадлен согласно вздохнула, держа его ладонь в своей, пока они стояли рядом, соприкасаясь лбами. Он с нежностью смотрел в ее чудесные темно-карие глаза, которые казались еще темнее на бледном лице, обрамленном роскошными темными волосами.

– Хотя, должна признаться, у Джастина есть одно средство, которое могло бы сделать меня еще чуточку счастливее, – сказала она.

– Я уверен, эту преграду мы преодолеем.

На самом деле Орри вовсе не был так уверен, но никогда не говорил об этом.

– Что это? – спросил он, кивнув на сверток.

– Не знаю, адресовано тебе. Принесли с пристани час назад.

– Ах да, сегодня ведь приходил почтовый пароход...

– Капитан Эснип прислал записку вместе с посылкой. Пишет, что она пришла с последним судном в Чарльстон перед самой блокадой. Тут штамп какой-то пересылочной фирмы в Нассау. Ты знаешь, что в ней?

– Возможно.

– Значит, это ты заказал.

– Разверни! – Он вдруг испугался: что, если содержимое посылки ее расстроит? – Потом, – сказал он, зажав сверток под мышкой. – Я покажу тебе за ужином. Хочу, чтобы все было торжественно.

– Все тайны, тайны... – засмеялась она, когда он пошел к лестнице.

К вечеру Орри сменил рабочую одежду на очень похожую, только чистую. Его темные волосы, на которые он вылил два кувшина воды, чтобы смыть пыль, высохнув, приобрели мягкий блеск. Когда они сели ужинать, уже наступили сумерки. На отполированном до блеска столе отражались размытые огоньки свечей. Темнокожий мальчик осторожно помахивал опахалом из страусиных перьев, отгоняя мух. Кларисса, как обычно, поужинала в своей комнате.

– Пахнет потрясающе! – заявил Орри, трогая вилкой золотистую корочку изысканного блюда. – Синий краб?

– Вчера поймали в океане. Я велела двух положить на лед. Как раз для гурманов, мистер Мэйн. Но ты обещал показать посылку.

Посылка лежала рядом с ним на полу, уже без верхней упаковки, под которой оказалась промасленная ткань. Но Орри, старательно ковыряясь в тарелке и нарочно поддразнивая ее, только повторял с каменным лицом:

– Удивительно вкусно!

– Орри Мэйн, вы просто невыносимы! Ты покажешь, если я сообщу кое-какие новости о Джастине?

Внезапно посерьезнев, он отложил вилку:

– Хорошие?

– Боюсь, это не насчет развода. Просто нечто забавное и немного грустное.

Она быстро пересказала то, что услышала от одной из служанок на кухне, которая днем ходила в Резолют с каким-то поручением.

– В зад... – задумчиво повторил Орри. – Прямой удар по опоре семейного престижа Ламоттов, а?

Мадлен засмеялась:

– Ну, теперь твоя очередь.

Орри сломал две красные восковые печати и развернул посылку. Когда Мадлен увидела, что пряталось под промасленной тканью, она ахнула от восторга:

– Какая красота! Откуда такое чудо?

– Из Германии. Я заказал ее для Чарльза и надеялся, что дойдет в целости.

Он протянул Мадлен саблю в ножнах. С величайшей осторожностью она взялась за кожаную рукоять, украшенную витой латунной проволокой, и вытянула изогнутый клинок. Глаза мальчика-раба, стоявшего рядом с опахалом, округлились от удивления, когда сталь сверкнула в свете свечей. Орри объяснил, что это легкая кавалерийская сабля по одобренному образцу 1856 года, длиной сорок один дюйм.

Мадлен чуть наклонила лезвие, чтобы прочесть выгравированную в верхней части надпись: «Любимому Чарльзу Мэйну от родных. 1861 год».

Мадлен с нежностью посмотрела на Орри, потом повернула лезвие другой стороной:

– Фамилию на клейме не могу прочитать. Клаберг?

– Клауберг. Из Золингена. Один из лучших мастеров в Европе.

– Здесь еще выгравированы цветы и завитки. И даже медальоны с буквами «К» и «Ш», – заметила Мадлен.

– В неизменных вариантах этой модели буквы другие – «С» и «Ш», – с невеселой улыбкой отозвался Орри.

Мадлен, все еще с опаской держа саблю, как будто та была из стекла, вернула ее в ножны из синеватого металла, украшенные золотой инкрустацией. Потом, избегая взгляда Орри, спросила:

– Может, тебе следовало и для себя такую же заказать?

– На случай, если меня мобилизуют?

– Да.

– Но это же кавалерийская сабля, я не смогу ее носить, даже если бы...

– Орри, – перебила его Мадлен, – не увливай. Не обманывай меня и себя, тебе все равно придется принять решение.

– Да, прости. Ты, конечно, права. – На его лице мелькнуло странное выражение, как будто он что-то скрывал от нее, но это было так не похоже на Орри. – Я пока не могу поехать в Ричмонд, – сказал он. – Этому есть множество причин, и прежде всего страх за тебя.

– Я прекрасно могу сама о себе позаботиться, и ты отлично это знаешь.

– Не злись, пожалуйста. Конечно я знаю. Но ведь есть еще и матушка...

– За ней я тоже могу присмотреть.

– Хорошо, но с плантацией-то ты точно не справишься без управляющего. Я снова подал объявление в «Меркури». Ты смотрела почту? Ответа не было?

– Боюсь, что нет.

– Тогда надо продолжать поиски. В этом году мы должны собрать хороший урожай, если придется делиться с правительством. Я сегодня подписал договор. Так что, пока я не найду надежного человека для работы в Монт-Роял, я не могу уехать в Ричмонд.

Позже они перешли в библиотеку. На полках, добротнo и с любовью сделанных еще Тиллетом Мэйном, выстроились ряды книг. Они выбрали прекрасное издание «Потерянного рая». В годы их тайных встреч они часто читали стихи вслух; волнующие рифмы иногда служили им слабой заменой физической близости, которую они себе запрещали. Теперь, живя вместе, они обнаружили, что совместное чтение по-прежнему доставляет им удовольствие.

Они устроились на кушетке, которую Орри специально для этого передвинул. Он всегда сидел слева от Мадлен, чтобы держать книгу перед ней. В полутемном углу комнаты стояла вешалка с его мундиром, который обрел здесь свое место после возвращения Орри с Мексиканской войны. У мундира было два рукава; Орри редко теперь смотрел на него, и Мадлен это радовало.

Он перелистывал страницы поэмы, пока не нашел обрывок бумаги, заложенный между ними:

– Вот здесь.

Он слегка откашлялся и начал читать с середины пятьсот девяносто четвертой строки:

– ... Так, едва
Взошедшее на утренней заре,
Проглядывает солнце сквозь туман

Иль, при затменье...

Мадлен подхватила, и ее голос мягко зазвучал в уже сгущавшейся темноте:

– ...скрытое Луной,
На пол-Земли зловещий полусвет
Бросает, заставляя трепетать
Монархов призраком переворотов...⁷

– И простой народ тоже, – сказал Орри.

Мадлен положила книгу на колени, а Орри, немного помолчав, продолжил:

– Купер считает, что мы ввязались в эту войну, потому что Юг отказался принять назревающие в стране перемены. Особенно я запомнил, как он говорил, что мы не в силах примириться ни с необходимостью перемен, ни с их неизбежностью. – Он похлопал по книге. – Похоже, Мильтон это понимал.

– Но изменит ли война хоть что-нибудь? Станет ли лучше, после того как она закончится?

– Некоторым нашим правителям нравится в это верить. Я не верю.

Орри не хотелось портить вечер такими грустными размышлениями. Он поцеловал Мадлен в щеку и предложил продолжить чтение, но она удивила его, когда, вдруг обхватив его лицо прохладными ладонями, воскликнула со слезами счастья на глазах:

– Вот этого ничто не изменит! Я люблю тебя больше самой жизни!

Слегка приоткрывшись, ее губы прижались к его губам; поцелуй был долгим и нежным. Орри протянул руку и ласково погладил ее по волосам, а Мадлен, склонив голову к его плечу, прошептала:

– Что-то мне надоели английские поэты. Погаси свет, и идем наверх.

На следующий день, когда Орри ушел проверять работу в полях, Мадлен решила заняться починкой шали. Они с Орри делили одну гардеробную на двоих, и она стала искать шаль там.

За рядом сюртуков, которые Орри никогда не надевал, она заметила знакомый пакет. Но ведь саблю она последний раз видела внизу, в библиотеке, зачем Орри принес ее сюда и спрятал?

Когда она протянула руку за сюртуки и достала сверток, у нее перехватило дыхание. Все красные печати были целыми. Что ж, теперь понятно, почему Орри так развеселился, когда она стала поддразнивать его насчет второй сабли.

Она положила сверток на место и аккуратно сдвинула сюртуки на прежнее место. О своей находке она решила умолчать – пусть Орри сам скажет, когда сочтет нужным. Но у нее больше не оставалось сомнений относительно его намерений.

«...заставляя трепетать монархов призраком переворотов...»

Вспоминая эти строки, Мадлен стояла возле единственного овального окна гардеробной, потирая руки, внезапно ставшие очень холодными.

⁷ Джон Мильтон. Потерянный рай. Перевод А. Штейнберга.

Глава 18

Следующим вечером Орри пришлось подольше задержаться в конторе. В окна лился красный свет заходящего солнца. Вспотевший и усталый, Орри сидел за столом и составлял список имущества для своего доверенного в Чарльстоне. Ему пришлось снова начать вести дела с компанией «Джон Фрейзер и Ко.», работавшей когда-то с его отцом, потому что Купер передал активы их семейной судоходной компании военно-морскому министерству. У Купера были все акции, поэтому он имел полное право распоряжаться ими. Однако это было крайне неудобно и потребовало от Орри лишних хлопот.

И, судя по недавнему письму от компании «Джон Фрейзер и Ко.», этих хлопот только прибавится. На письме стоял неказистый штамп с надписью: «УПЛАЧЕНО ПЯТЬ ЦЕНТОВ». Это был показательный пример тех раздражающих мелочей, которые неизбежно сопровождают рождение новой государственности, после того как стихают бравурные крики. Федеральное почтовое ведомство продолжало обслуживать южные штаты еще весь июнь, но теперь главный почтмейстер Конфедерации спешно пытался создать свое и, скорее всего, даже ввести в обращение новые марки. Пока же штаты и муниципалитеты обходились как могли, вернувшись к старой системе оплаты наличными.

Компания кое-что задолжала Орри при последней сделке и теперь прислала часть долга новыми банкнотами Конфедерации – довольно красивыми, с пасторальными гравюрами, изображающими богиню плодородия и счастливых негров на хлопковых полях. Внизу виднелась надпись, сделанная крошечными буквами: «American Bank Note Co.». В письме от компании «Джон Фрейзер и Ко.» было сказано: «Деньги напечатаны в Нью-Йорке, только не спрашивайте нас почему». Любого умного человека очень удивили бы банкноты в тысячу долларов с портретами Джона Кэлхуна и Эндрю Джексона. Очевидно, безмозглые янки, которые придумывали дизайн этих денег, совсем не знали истории или ничего не слышали о нуллификации.

Города тоже печатали бумажные деньги. К письму была приложена вычурная розовая банкнота достоинством в пятьдесят центов, с героическим портретом губернатора и надписью: «Муниципалитет Ричмонда».

– Орри! Ах, боже мой, Орри! Какие новости!

Подхватив юбки, Мадлен вбежала в контору и, весело приплясывая, закружилась по комнате. Орри с удивлением смотрел на нее, а она все продолжала выделявать танцевальные па, смеялась счастливым смехом, и по лицу ее текли слезы, вспыхивающие в красных лучах заката.

– Такому нельзя радоваться... Господь накажет меня, но я так рада. Рада!

– Мадлен, что случилось?

– Может, Господь простит меня на этот раз. – Она прижала к губам указательный палец, но все еще продолжала хихикать – и заливаться слезами. – Я попрошу Его... буду молить... только бы все было...

– Эй, да что с тобой? Ты потеряла рассудок?

– Да! – Она схватила Орри за руку, рывком поднимая его и улекая в свой безумный танец. – Он умер!

– Кто?

– Джастин! Я знаю, это ужасно стыдно – так радоваться... Он... – Она схватила Орри за талию, раскачиваясь на месте взад и вперед. – Он же все-таки был человеком...

«Только в самом общем смысле», – подумал Орри.

– Ты ничего не путаешь? – спросил он.

– Нет-нет... Один из слуг видел на речной дороге доктора Лонзо Саппа, тот ехал из Резолута. Мой муж... – Понемногу успокаиваясь, Мадлен смахнула слезы, судорожно вздохнула и

заговорила уже более связно: – Сегодня утром он испустил последний вздох. Та рана вызвала какую-то инфекцию, которая отравила весь организм. Я свободна от него! – Она обняла Орри за шею, откинув голову назад и сияя от счастья. – Мы свободны! Я так невыразимо счастлива, мне даже стыдно!

– Тебе нечего стыдиться. Единственный, кто будет его оплакивать, – это Френсис, и, пожалуй, больше никто. – Орри почувствовал, как в нем нарастает бурная радость, и едва сдержался, чтобы не расхохотаться. – Да простит Господь и меня тоже. Это так смешно, хотя и мрачно. Наш маленький павлин получил смертельную пулю в задницу от своего же подчиненного!

– Вот только в самом Джастине не было ничего забавного. – Мадлен стояла спиной к окну, и он не видел выражения ее лица, скрытого тенью, но без труда мог представить его. – Он был дурным человеком и очень злым. Пусть меня отправят напрямиком в ад, но я не пойду на его похороны!

– И я тоже. – Орри взглянул на список, который недавно составлял, – все это больше не казалось таким важным. – Когда же мы поженимся?

– Как можно скорее. Я не хочу медлить и изображать из себя безутешную вдову. А после свадьбы мы постараемся все устроить так, чтобы ты смог принять то назначение.

– Но я все равно должен найти надсмотрщика, прежде чем решу окончательно. – Она отвела взгляд, когда он продолжил: – Слишком уж все теперь неустойчиво вокруг. Днем приезжал Джеффри Булл, очень расстроенный. У него вчера сбежали двое негров, которых он всегда считал самыми преданными и достойными доверия.

– На Север?

– Он предполагает, что да. Почитай «Меркури», и увидишь, что это происходит чуть ли не каждый день. К счастью, у нас пока спокойно.

– Да, но это только видимость. Взять хотя бы того молодого человека, которого ты поставил старшим на плантации, после того как Рэмбо умер от инфлюэнцы в прошлом году.

– Каффи?

Мадлен кивнула:

– Я здесь совсем недавно, но уже заметила перемену. Он стал не просто дерзок, а агрессивен. И даже не пытается этого скрывать.

– Тем более нельзя уезжать, пока не найдем хорошего управляющего. – Орри снова прижал ее к себе. – Давай-ка лучше выпьем немного кларета и обсудим нашу свадьбу.

Позже в тот же вечер, когда Мадлен уже спала, Орри лежал в постели и все думал, что же можно сделать. Ему казалось, что он свел проблемы с рабами к минимуму и при таком гуманном отношении к неграм на плантации не должно возникать никаких особых сложностей. Конечно, Купер наверняка посмеялся бы над его наивностью, сказав, что ни один рабовладелец не может считать себя добрым и нравственно безупречным человеком, если он ограничивает свободу других людей.

Как бы то ни было, Орри чувствовал, как изменилась атмосфера на плантации. Это стало заметно уже через несколько дней после начала войны. Объезжая поля с ежедневной проверкой, Орри все чаще слышал, как рабы бормочут одно имя, и, как ему потом показалось, они хотели, чтобы он слышал. Это имя было: Линкум.

Серьезные неприятности грянули вскоре после того, как Мадлен осталась в Монт-Роял. На самом деле назревали они уже давно. В прошлом ноябре Каффи, которому тогда было лет двадцать пять и который еще не получил свою нынешнюю должность надсмотрщика, стал отцом двух девочек-двойняшек. Анна, жена Каффи, рожала очень тяжело, и одна из малышек прожила всего полчаса.

Вторую девочку – хрупкую, болезненную крошку, которую назвали Клариссой в честь матери Орри, – похоронили в этом году третьего мая. Орри узнал об этом, когда они с Мадлен вернулись из двухдневной поездки в Чарльстон, где всю процветала бойкая торговля, в ресторанах было полно народу и вообще в городе царил всеобщее ликование после сдачи форта Самтер.

Они возвращались в Монт-Роял в грозу, по прибрежной дороге, размокшей из-за дождя. Приехали уже в темноте, и когда вошли в дом, то увидели, что повсюду горят свечи и газовые лампы, а Кларисса бродит по комнатам с потерянным видом.

– Я уверена: кто-то умер, – заявила она.

Поговорив со слугами, Орри тут же отправился в поселок рабов, который был почти в миле от усадьбы. В беленых домишках горел свет, но вокруг стояла звенящая тишина. Промокнув насквозь, он подошел к дому Каффи и постучал.

Дверь открылась. Молодой раб встретил хозяина угрюмым молчанием, и Орри даже невольно отшатнулся от его мрачного взгляда. В глубине дома слышался женский плач.

– Каффи, я только что узнал о твоей дочери. Я очень сочувствую твоему горю. Можно мне войти?

В это невозможно было поверить, но Каффи отрицательно замотал головой:

– Анна сейчас плохо себя чувствует.

Уже закипая от гнева, Орри не знал, что и подумать: была причина ее недомогания связана с недавней утратой или дело совсем в другом. До него доходили слухи, что Каффи плохо обращается с женой. Сдерживаясь изо всех сил, он сказал:

– И в этом я тебе сочувствую. В любом случае мне хотелось бы выразить...

– Рисса умерла, потому что вас здесь не было, – перебил его раб.

– *Что?*

– Ни один из этих надутых домашних ниггеров не послал за доктором, а ваша мама не понимала, что мне от нее нужно. Чуть ли не целый час я умолял ее выписать мне пропуск, чтобы самому пойти за доктором, а она только головой качала как безумная. Тогда я на все наплевал и побежал за ним так, без пропуска. Но когда мы сюда пришли, уже было поздно, Рисса умерла. Док лишь посмотрел на нее и сказал – тифозная лихорадка, и сбежал сразу. Мне самому пришлось ее хоронить. Маленькая Рисса. Ушла, как и ее сестричка. Если бы вы были здесь, моя малышка осталась бы жива.

– Черт побери, Каффи, ты не можешь меня винить за...

Каффи захлопнул перед ним дверь. Дождевые капли стекали с крыши над крыльцом. Ночь придвинулась, липкая, полная наблюдающих глаз.

Где-то низкий женский голос едва слышно запел псалом. Орри было неприятно делать то, что он должен был сделать, тем более под прицелом невидимых глаз, но он снова постучал в дверь – на этот раз резко.

Никто не ответил. Орри с яростью ударил по двери:

– Каффи, открой!

Дверь поддавалась на дюйм. Орри пнул ее заляпанной грязью сапогом. Каффи пришлось отпрыгнуть назад, чтобы его не сбило с ног.

– Послушай меня, – заговорил Орри, – мне действительно очень жаль, что твоя дочь умерла, но я отказываюсь принимать твои обвинения. Да, если бы я был здесь, то выписал бы пропуск сразу же или сам съездил за доктором, но меня не было, и я никак не мог узнать о вашем несчастье. Так что, если не хочешь, чтобы я снял тебя с новой должности, придержи язык и не смей хлопать передо мной дверью!

И снова молчание заполнило комнату, слышался только стук дождя. Орри положил руку на дверной косяк:

– Ты меня понял?

– Да, сэр.

Два безжизненных слова. В слабом свете лампы Орри увидел полные ненависти глаза Каффи и понял: все его предостережения напрасны. Оставалось лишь надеяться, что раб скоро образумится. Если же нет, его дурной пример может стать толчком для других. Именно поэтому Орри нарочно говорил очень громко, хотя и ощущал неловкость при этом:

– Передай мои соболезнования жене. Спокойной ночи.

Он вышел на крыльцо, чувствуя горечь из-за смерти ребенка, гнев на несправедливые обвинения Каффи и злость на себя за этот спектакль, который он устроил перед невидимыми зрителями. Эта роль была ему неприятна, но он должен был поступить так, чтобы сохранить порядок на плантации. Купер как-то заметил, что хозяева и рабы в равной степени становятся жертвами рабства. В ту отвратительную ночь Орри это понял как никогда.

«И это было началом, – думал он, лежа рядом со спящей Мадлен. – Первая карта, которую выдернули из карточного домика. За ней рассыплется и остальные».

Через четыре дня после стычки в поселке рабов, уже под вечер, жена Каффи пришла в контору. Под одним глазом у нее была большая припухлость, коричневая кожа вокруг почернела. Она робко обратилась к Орри умоляющим голосом:

– Пожалуйста, сэр... продайте меня.

– Анна, ты же здесь родилась. И твои мать и отец тоже. Я понимаю, после смерти Риссы ты...

– Продайте меня, мистер Орри! – перебила она его, хватая за руку и заливаясь слезами. – Я так боюсь Каффи, что мне хочется умереть...

– Он тебя ударил? Уверен, он просто не в себе. Рисса...

– Рисса тут ни при чем. Он всегда меня бил. С тех пор, как мы поженились. Я от вас скрывала, но люди знают. Прошлой ночью он избил меня палкой и кулаками, а потом еще сковородой стукнул...

Он стоял перед этой маленькой хрупкой женщиной во весь свой шестифутовый рост и как будто даже стал выше от гнева.

– Я убежала и спряталась, – продолжала Анна сквозь рыдания. – Он мог мне голову проломить. Просто с ума сошел от злости. Я старалась терпеть, как подобает хорошей жене, но у меня больше нет сил. Я хочу уехать отсюда.

Рассказав свою грустную историю, Анна посмотрела на Орри умоляющими глазами. Она была хорошей работницей, но Орри не желал видеть, как она страдает.

– Если ты действительно этого хочешь, Анна, что ж, я согласен.

– Вы меня отвезете на рынок в Чарльстоне? – радостно воскликнула Анна.

– Чтобы продать? Нет, что ты... Но я знаю одну семью в городе. Это хорошие, добрые люди, и они потеряли домашнюю служанку прошлой осенью, а купить новую не могут себе позволить. Я просто отдам им тебя, тебе будет там хорошо, уверен. Скажем, через неделю или две.

– Завтра! Прошу вас!

Страх Анны ужаснул Орри.

– Хорошо-хорошо. Я прямо сейчас напишу им. Так что собери вещи и жди.

Анна вдруг прижалась к нему, уткнув лицо в его рубашку.

– Я не могу туда вернуться! – проговорила она, крепко держа его руками. – Он меня убьет. Мне ничего не нужно – только вот это платье, что на мне, и все. Не заставляйте меня туда возвращаться, мистер Орри, не надо!

Орри погладил ее по волосам, пытаясь хоть немного утешить:

– Хорошо. Если ты так боишься, иди в дом. Найди Аристотеля и скажи, что я велел устроить тебя на ночь.

Снова всхлипывая, на этот раз от радости, Анна порывисто обняла его и тут же в ужасе отшатнулась:

– О мистер Орри, да что это я... Я не хотела, правда...

– Я знаю. Ты ничего плохого и не сделала. А теперь ступай в дом.

Утром Орри видел Анну только каких-то пять минут, когда выписывал пропуск для раба, который должен был доставить ее в чарльстонскую семью вместе с сопроводительным письмом; больше они не виделись. Негритянка сердечно поблагодарила его и все благословляла за доброту, пока коляска отъезжала от дома.

На следующий день Орри поехал осматривать поля, которые готовили к июньским посадкам. Когда Каффи услышал стук копыт его лошади, он поднял голову и впился в хозяина долгим пронзительным взглядом. Потом снова отвернулся и начал ругать какого-то молодого парня, который, по его мнению, плохо работал. Когда слов ему показалось мало, он с силой ударил раба – тот покачнулся.

– Эй, довольно! – окликнул его Орри.

Каффи снова уставился на него. Орри спокойно выдержал взгляд, а секунд через десять тронул лошадь с места, так сильно дернув поводья, что та фыркнула. Обмен взглядами между рабом и хозяином был вполне откровенным. Каффи явно хотел кого-то убить, и все знали, кого именно.

Орри не стал рассказывать об этом случае Мадлен – по той же причине, по которой скрыл от нее подробности той ночной стычки в поселке рабов. О том, что Анну отослали в Чарльстон по ее же собственной просьбе, Мадлен, разумеется, знала. И она же стала главным свидетелем того, как упала следующая карта.

Это случилось в начале июня. Каффи повел группу рабов на летние посадки – рис высаживали во второй раз на тот случай, если птицы или соленая вода, поднявшаяся по реке, погубят ранний урожай.

Высокие насыпи разделяли квадраты вспаханной земли, защищая их от соседних. Деревянные дренажные лотки, их еще называли желобами, позволяли отводить воду от Эшли и от квадрата к квадрату, а потом снова уводить, когда при отливе заслонки желобов поднимались. Мадлен ехала вдоль насыпей, приближаясь к тому квадрату, где трудились рабы. День был ясный и приятный; дул легкий ветерок, а небо приобрело тот неповторимый ярко-синий оттенок, который, как она считала, бывает только в Каролине. Как обычно, для поездки верхом Мадлен надела брюки, чтобы сесть в седло по-мужски; пусть это было и не слишком прилично, но кому какое дело? Ее репутацию едва ли можно было испортить еще больше.

Впереди она увидела Каффи. Он ходил между согнувшимися рабами и грозно размахивал дубинкой, которую всегда носил с собой как символ власти. Когда Мадлен подъехала ближе, один пожилой негр, вероятно, сделал что-то такое, что вызвало недовольство надсмотрщика.

– Беспольный ниггер! – пожаловался Каффи.

Он ударил палкой седого раба, и тот упал. Жена старика, работавшая рядом с ним, вскрикнула и обругала надсмотрщика. Каффи в ярости бросился на нее, замахнувшись палкой. Резкое движение испугало лошадь Мадлен, с громким ржанием она шархнула вправо и наверняка упала бы с насыпи, но тут какой-то другой негр, примерно того же возраста, что и Каффи, быстро вспрыгнул наверх и, схватившись за уздечку, повис на ней.

Его вес и сила, с которой он держал лошадь, не дали ей упасть на следующий квадрат. Мадлен вскоре успокоила животное, но весь этот эпизод очень не понравился Каффи.

– Эй, ты! Возвращайся к работе!

Раб даже не повернул головы. Он смотрел на Мадлен скорее с тревогой, чем с подобострастием.

– Вы в порядке, мэм?

– Да, все хорошо. Я...

– Ты меня слышал, черномазый? – закричал Каффи.

Наполовину забравшись на насыпь, он ткнул дубинкой непокорного раба. Тот наконец повернулся и посмотрел на надсмотрщика большими, слегка раскосыми глазами. По их выражению было нетрудно понять, что он думает.

– А ну, помолчи, пока я как следует не поблагодарю этого человека, – сказала Мадлен. – Все это случилось по твоей вине.

Каффи ошеломленно уставился на нее, потом лицо его исказилось от ярости. Услышав за спиной чье-то хихиканье, он резко обернулся, но все негры внизу были серьезны, и весельчака вычислить не удалось. Каффи прыгнул с насыпи, крича громче обычного.

Рабы вернулись к работе, пока Мадлен разговаривала со своим спасителем.

– Я тебя уже видела раньше, но не знаю, как тебя зовут.

– Энди, мэм. Меня назвали в честь президента Джексона.

– Ты родился здесь, в Монт-Роял?

– Нет, мэм. Мистер Тиллет купил меня весной, перед самой своей смертью.

– Спасибо тебе, Энди. Ты подросел как раз вовремя. Все могло быть гораздо хуже.

– Рад, что этого не случилось. У Каффи нет никакого права издеваться... – Он вдруг умолк, словно осознав, что здесь неподходящее место для столь откровенных речей.

Мадлен еще раз поблагодарила его. Энди сдержанно кивнул и прыгнул с насыпи; улыбки и тихие слова одобрения других рабов явно показывали, что этот человек нравится им настолько же, насколько не нравится надсмотрщик. Каффи, кипя от злобы, нервно хлопал палкой по ладони и не отрываясь смотрел на Энди.

Энди спокойно выдержал взгляд. Наконец Каффи отвернулся, но, чтобы избежать унижения, одновременно прикрикнул на кого-то из рабов. Нехорошая ситуация, подумала Мадлен, отправляясь дальше. Именно так она и сказала Орри позже, тем же вечером, рассказывая о том, что произошло днем. Уже в темноте Орри послал мальчишку в поселок рабов, и вскоре в открытую дверь конторы постучали.

– Входи, Энди, – сказал он.

Босоногий раб перешагнул порог. На нем были полотняные штаны, которые стирали уже так много раз, что на них появился белый отлив, как и на его залатанной рубашке с короткими рукавами. Орри уже замечал этого красивого молодого человека с прекрасной фигурой и крепкими мускулами. Он умел держаться вежливо, но без угодливости, вот и сейчас раб стоял хоть и прямо, но не скованно, показывая свою уверенность даже перед хозяином.

– Садись, – кивнул Орри на старое кресло-качалку перед письменным столом. – Хочу, чтобы тебе было удобно, пока мы говорим.

Это неожиданное предложение обезоружило и смутило молодого человека. Он опустился в кресло с такой осторожностью, что оно даже ни на дюйм не шелохнулось.

– Ты спас мисс Мадлен, она могла сильно разбиться. Я это ценю. Хочу подробнее расспросить тебя о том, как это случилось и почему. Мне хотелось бы услышать честный ответ. Тебе не стоит бояться, что кто-нибудь вздумает отомстить тебе за твою прямоту.

– Вы о надсмотрщике? – Энди покачал головой. – Я его не боюсь и вообще никого из ниггеров не боюсь, кто пытается добиться своего криками и руганью.

Его тон и взгляд говорили о том, что и белых людей с такими качествами он также не боится. Этот раб нравился Орри все больше и больше.

– Кого там ударил Каффи? Мисс Мадлен сказала, что это был седой человек.

– Цицерона.

– Цицерона?! Да ему же почти шестьдесят!

– Да, сэр. Они с Каффи... Ну, они уже ссорились раньше. А как только мистрис уехала, Каффи поклялся, что заставит старика заплатить.

– Есть еще что-то, что мне следует знать? – (Энди отрицательно качнул головой.) – Хорошо. Я буду рад отблагодарить тебя более ощутимо за то, что ты сделал.

Энди моргнул; слово «ощутимо» было ему непонятно, хотя он и промолчал.

– У тебя есть свой огородик? Ты что-нибудь сажаешь для себя?

– Да, сэр. В этом году посадил окру и немного бобов. А еще у меня три курицы.

Открыв ящик письменного стола, Орри достал оттуда деньги:

– Вот три доллара, ты сможешь купить на них хорошие семена и новые инструменты, если они тебе нужны. Скажи, что ты хочешь, я закажу в Чарльстоне.

– Спасибо, сэр. Я подумаю, а потом вам скажу.

– Ты умеешь читать или писать, Энди?

– Ниггерам нельзя читать и писать, это незаконно. Меня бы высекли, если бы я умел.

– Только не здесь. Отвечай на вопрос.

– Нет, не умею.

– А стал бы учиться, если бы тебе дали такую возможность?

Энди оценил опасность, прежде чем ответить.

– Да, сэр, стал бы. Если умеешь читать и писать, быстрее чего-нибудь добьешься в жизни. – Он тяжело сглотнул, а потом вдруг выпалил: – Я ведь могу однажды стать свободным! И тогда мне это очень пригодится.

Прежде чем ответить, Орри одобряюще улыбнулся ему, показывая, что довольно смелые слова раба его не рассердили.

– Что ж, это очень мудро. Рад, что мы поговорили. До сих пор я о тебе ничего не знал, но, думаю, ты можешь быть очень полезным на этой плантации. И многого добиться.

– Спасибо, – сказал Энди, принимая деньги. – И за это тоже.

Орри кивнул, глядя, как этот сильный и отважный человек идет к двери. Кто-то другой на его месте, возможно, приказал бы выпороть Энди за его признание, но Орри хотелось бы иметь у себя в работниках еще с десятков таких же парней.

Пока они говорили, наступила ночь. Где-то вдалеке слышалось пение больших лягушек, похожее на звук лопнувших барабанов, – цикады пели гораздо приятнее. Глядя, как раб идет по тропинке, Орри вдруг заметил, что он не очень высокого роста, хотя при общении с ним создавалось совсем другое впечатление.

Утром Орри отправился на поле, чтобы узнать, как чувствует себя Цицерон, но не нашел его. Пока хозяин был рядом, Каффи помалкивал, но стоило Орри отъехать, как он начал кричать с удвоенным пылом. Орри направил лошадь к поселку и вскоре остановился возле хижины, где жили Цицерон с женой. Прямо возле крыльца писал какой-то голый веселый мальчонка лет пяти. Услышав, как подъехал Орри, жена Цицерона выбежала наружу и прогнала ребенка.

– Где твой муж, Мисси? – спросил Орри.

– В доме, мистер Орри. Он... э-э... не работает сегодня. Приболел малость.

– Я бы хотел его проведать.

Женщина начала что-то быстро несвязно бормотать, и Орри понял, что дело неладно. Он мягко отодвинул ее в сторону и вошел в опрятный пустой домик как раз в тот момент, когда Цицерон застонал.

Пожилой раб лежал на тиковом тюфяке, сложив руки на животе, лицо его было искажено болью, на закрытых бледных веках темнела запекшаяся кровь. На лбу тоже виднелись отметины. Орри тихо выругался. Можно было не сомневаться, что Каффи пустил в ход свою палку.

– Мисси, я пошлю за доктором, пусть его осмотрит, – сказал Орри, выходя на крыльцо. – И еще позабочусь о том, чтобы наказать виновного сегодня же.

Женщина схватила руку Орри и сжала ее. Рыдания душили ее, и она не могла говорить.

К полудню стало невыносимо жарко, но Орри все равно разжег огонь в железной печи, стоявшей в конторе, прежде чем послал за Каффи. Когда надсмотрщик вошел – с дубинкой в руке, как и ожидал Орри, – долгих предисловий не последовало.

– Надо было продать тебя, а не Анну. Дай мне это. – Он вырвал палку из руки Каффи, открыл дверцу печи и сунул ее в огонь. – Ты больше не старший. С сегодняшнего дня снова работаешь в поле, как все остальные. Я видел, что ты сделал с Цицероном из-за какого-то пустяка. Убирайся отсюда!

На следующее утро, через час после восхода солнца, Орри снова говорил с Энди в конторе.

– Я хочу, чтобы ты стал надсмотрщиком на плантации. – (Раб чуть кивнул, что, вероятно, означало согласие.) – Это знак моего доверия, Энди. Времена сейчас трудные, а я не слишком хорошо тебя знаю. Мне известно, что кое-кому из наших людей очень хочется убежать к янки. Если он или она попытается это сделать и будет пойман, а будет пойман пойти наверняка, пусть не ждет от меня пощады. Я не стану расправляться с ними жестоко, но и не прощу. Ты меня понял? – (Энди снова кивнул.) – И вот еще что... – немного помолчав, продолжил Орри. – Наш прежний управляющий Салем Джонс, которого я поймал на воровстве и с позором выгнал, всегда ходил с палкой. Видимо, Каффи был впечатлен его поведением и решил перенять его опыт. Мне следовало отобрать у него дубинку в ту же минуту, когда я впервые ее увидел в его руках. – (Веки Энди чуть дрогнули, словно он опять запоминал новое для себя слово.) – Палка в руках, – закончил Орри, – означает слабость человека, а не его силу. Я бы не хотел видеть такую же у тебя.

– Мне она не нужна, – ответил Энди, глядя ему прямо в глаза.

Вот так и разрушился хрупкий карточный домик. И Орри начал строить новый, поставив Энди на место Каффи.

Очень скоро он узнал, что большинству рабов понравилась перемена. Сам он тоже не пожалел о своем решении, и не только потому, что Энди быстро соображал и был достаточно вынослив, чтобы работать долгие часы, но и потому, что этот негр обладал даром вести за собой людей, а не подгонять их. Он никого не запугивал, никогда не проявлял грубости или агрессии, но обладал какой-то невероятной внутренней силой, которая придавала его словам абсолютную уверенность. Ему не нужно было кричать или каким-то другим способом убеждать себя в собственной значимости.

Доверие, возложенное на него Орри – в основном под влиянием интуиции и минутного порыва, – создало между двумя мужчинами невысказанную, но подлинную привязанность. Орри помнил, как отец раз или два говорил, что любит некоторых из своих людей (он никогда не называл негров рабами) так, словно они его родные дети. И теперь Орри впервые начал понимать, почему Тиллет Мэйн мог так сказать.

Обо всем этом думал он, лежа без сна рядом с Мадлен, но одно тревожило его больше всего. Каффи. Его злобная ярость стала совсем необузданной, после того как закончился короткий период его власти. За Каффи теперь следовало присматривать – он мог посеять недовольство. Орри уже сейчас мог бы назвать с полдюжины человек, которые наверняка поддались бы его влиянию.

Но в целом положение на плантации пусть и не было идеальным, но все же стало лучше, чем неделю назад. Орри надеялся, что, если он примет пост в Ричмонде, Энди сможет защитить Мадлен в случае неприятностей. Наконец успокоившись при мысли об этом, он вскоре заснул.

Через неделю он получил неожиданное письмо.

Дарагой сэр!

Мой кузэн который жьвет в Чарльстоне, Ю. К., наказал мне ваше объявление нащот места насмотрщика. Разришите представить сибя вашему вниманию: Филемон Мик, мне шесдисят читьре года но на здаровье не жалуюсь и имею бальшой опыт...

– Ну, пару слов-то он все-таки написал без ошибок, – со смехом сказал Орри, когда они с Мадлен уже в сумерках шли через сад к реке. – Но вот все остальные...

– И ты мог бы взять такого необразованного человека?

– Мог бы, будь у него нужный мне опыт. В целом из письма как раз следует, что такой опыт есть. Он пишет, что я могу запросить рекомендации у его прежнего нанимателя – пожилого бездетного вдовца, который владеет табачной плантацией недалеко от Роли, но больше не хочет заниматься делами. Мик хотел бы купить у него плантацию, но у него нет на это средств. Ее разделят на две небольшие фермы.

Они дошли до пирса, выступавшего в спокойное течение Эшли. На другом берегу на отмели стояли три белые цапли, неподвижные как статуи. Орри хлопнул себя по шее, сгоняя комара. Звук шлепка напугал птиц, они взлетели и плавно скрылись вдали.

– Только вот с мистером Миком есть одна сложность, – продолжал Орри, садясь на старое бревно. – Он не освободится до осени. Говорит, что не может уехать, пока его наниматель не устроится как следует у сестры, которая забирает его к себе.

– Это уже рекомендует его с лучшей стороны.

– Определенно, – согласился Орри. – Так что сомневаюсь, что найду кого-нибудь лучше. Наверное, мне следует написать ему и начать переговоры о жалованье.

– Да, конечно. А у него есть жена, семья?

– Никого.

– Я все хотела спросить тебя... – глядя на спокойную гладь воды, тихо сказала Мадлен, – что ты сам думаешь об этом?

– Я хочу детей, Мадлен.

– Даже зная правду о моей матери?

– То, что я знаю о тебе, гораздо важнее. – Он поцеловал ее в губы. – Да, я хочу детей.

– Я очень рада, что ты это сказал. Джастин считал меня бесплодной, а я всегда подозревала, что это его вина. Но мы ведь скоро это выясним, правда? Вряд ли кто-нибудь трудится над этим так же прилежно, как мы с тобой. – Она сжала его ладонь, и они оба расхохотались. – Хорошо, что появился этот мистер Мик, – добавила Мадлен. – Даже если ты не сможешь уехать до осени, то, по крайней мере, напишешь в Ричмонд о своем согласии.

– Да, пожалуй, это я могу сделать уже сейчас.

– Так ты решил!

– Ну... – Ему не нужно было продолжать, она и без слов все поняла.

– Что-то здесь уж очень злые комары, – сказала Мадлен. – Давай-ка лучше вернемся в дом и выпьем по бокалу кларета. А может, найдем и другой способ отпраздновать твое решение.

– В постели?

– О нет, я не это имела в виду... – Мадлен покраснела и добавила: – Не прямо сейчас.

– Тогда что?

Она уже больше не могла сдерживать улыбку:

– Думаю, пора уже наконец развернуть ту саблю, которую ты так старательно прячешь наверху.

Глава 19

«Наш Рим», – называли его коренные жители.

В юности миссис Джеймс Хантун больше предпочитала изучать молодых людей, чем историю старых городов, и все-таки даже небольшого количества с таким трудом втиснутых в нее знаний хватало, чтобы относиться к подобному сравнению просто как к очередному подтверждению виргинской надменности. Эта надменность насквозь пропитывала Ричмонд и воздвигала барьер между коренными жителями и теми, кто приезжал из других штатов. На первом же частном приеме, куда Эштон и ее мужа пригласили, как она сама считала, только для того, чтобы проверить их персоны и родословные, одна седовласая дама, по виду явно очень важная особа, услышала, как она с раздражением заметила, что совершенно не понимает характера виргинцев.

– Это потому, – сказала ей дама, одарив Эштон ледяной улыбкой, – что мы и не янки, и не южане – Югом мы обычно называем те штаты, где живет слишком много этих вульгарных хлопковых плантаторов. Мы – виргинцы, и это слово говорит само за себя. – Выставив напоказ ее невежество, важная особа уплыла прочь.

Кипя от ярости, Эштон подумала, что ничего более отвратительного на этом вечере с ней уже не произойдет, но она ошибалась. Супруга Джеймса Честната Мэри, южнокаролинка с весьма ядовитым языком и теплым местом в ближайшем окружении миссис Дэвис, поприветствовала ее по имени, но даже не остановилась, чтобы поговорить. Эштон испугалась, что сплетня о ее связи с Форбсом Ламоттом и покушении на Билли Хазарда последовала за Хантунами в Виргинию.

Таким образом, в тот вечер она провалила сразу два испытания. Но наверняка впереди ждали и другие, и Эштон была полна решимости одержать победу. Несмотря на то что ничего, кроме презрения к этим высокородным джентльменам из правительства и их надутым женам, заправлявшим в местном обществе, она не испытывала, эти люди обладали властью, а ничто так не притягивало Эштон, как власть.

Как и Вечный город, «наш Рим» тоже стоял на холмах, только вот размерами, конечно, сильно уступал итальянскому. Даже притом, что в последнее время сюда хлынули толпы желающих найти место при новом правительстве, чиновники всех мастей и просто всякий сброд, население Ричмонда лишь немногим превышало сорок тысяч человек. Был здесь и свой Тибр – река Джеймс, которая текла сначала на юг, а потом сворачивала на восток, к Атлантике; только вот воздух на Капитолийском холме наверняка наполняли более приятные запахи, чем запах табака. Ричмонд же был буквально пропитан им, и во всем городе пахло как на табачном складе.

Первоначально столицей Конфедерации был объявлен Монтгомери, однако пробыл он в этой роли всего полтора месяца, после чего конгресс проголосовал за переезд в Виргинию, хотя и не единогласно. Противники перевода столицы в Ричмонд утверждали, что он расположен слишком близко к артиллерийским батареям янки, но большинство настояло на своем, главным образом напоирая на то, что город представляет собой важный транспортный и оборонный узел, поэтому его необходимо защищать в любом случае – переедет туда правительство или нет.

Те, кто давно жил в Ричмонде, с гордостью говорили о красивых старинных домах и соборах, но никогда не упоминали о районах, битком набитых салунами. Они хвастались семьями с благородными предками, но словно не замечали, что по темным улочкам вокруг площади Капитолия бродит множество падших существ обоих полов, предлагая себя за гроши. Женщины – все сплошь с тяжелой судьбой и уже немолодые – приехали в Ричмонд, как уверяла молва, из Балтимора или даже из Нью-Йорка в поисках тех возможностей, которые могла

предоставить столица во время войны. А уж из каких канав вылезали мужчины, промышлявшие тем же ремеслом, один Бог ведал.

Всё как в Риме – с готами из Каролины и алабамскими гуннами, проникшими за древние стены. Даже на президента, пока еще только условного, не утвержденного на свой единственный шестилетний срок, здесь смотрели как на деревенщину с берегов Миссисипи. Вдобавок ему еще не повезло родиться в Кентукки – том же самом штате, что подарил миру Эйба Линкольна, это крайнее воплощение вульгарности и убожества.

Хотя Эштон и радовалась, что оказалась там, где теперь была сосредоточена вся власть нового государства, она не чувствовала себя счастливой. Ее муж, прекрасный юрист и ярый сторонник сецессии, не смог найти себе более престижной должности, чем место какого-то ничтожного служащего при одном из заместителей министра финансов. Это лишний раз показывало, с каким презрением правительство относилось к южнокаролинцам. Только очень немногим выходцам из пальмового штата удалось получить высокие посты, остальные же оказались чересчур радикальными. Даже министр финансов Меммингер, который был единственным исключением, и тот родился не в Каролине. Он появился на свет в герцогстве Вюртемберг, в семье простого немецкого солдата, который погиб вскоре после рождения сына. Мать увезла его к родственникам в Чарльстон и там тоже через несколько лет умерла; мальчик стал полным сиротой и был отдан в приют. Так вот Меммингера никогда не относили к числу так называемых пожирателей огня, и он был единственным каролинцем, которого Джефф Дэвис не считал опасным. Это было оскорбительно.

Раздражало Эштон и то, что им приходилось ютиться в единственной, хоть и большой комнате в одном из пансионатов в районе Мэйн-стрит, которые теперь появлялись как грибы после дождя. Разумеется, Эштон не сомневалась, что это жилье временное и когда-нибудь они найдут более подходящую квартиру, но само ожидание бесило ее, тем более что она была вынуждена спать в одной кровати с мужем. Редкие моменты их близости, которые она допускала, только когда хотела что-нибудь заполучить от мужа, всегда оставляли ее неудовлетворенной, и она с отвращением позволяла Джеймсу терзать ее тело, презирая его за неуклюжесть и мужское бессилие.

Ричмонд, возможно, и был старой потертой монетой, но монетой редкой и ценной во многих отношениях. Здесь можно было завести полезные знакомства с важными людьми, самому добиться влияния и расширить свои финансовые возможности. А еще здесь было немало привлекательных мужчин – в военных мундирах или в светских сюртуках. И все эти преимущества она должна непременно обернуть в свою пользу – возможно, даже начиная с сегодняшнего вечера. Сегодня они с Джеймсом должны были присутствовать на первом официальном приеме. Закончив одеваться, Эштон даже почувствовала слабость от волнения.

Сестра Орри Мэйна была очень красивой молодой женщиной с роскошной фигурой и врожденным умением извлекать пользу из того, чем ее наградила природа. По ее настоянию муж нанял карету, чтобы они могли произвести впечатление уже в момент прибытия. Когда Джеймс начал ныть, что такая роскошь им не по карману, она позволила ему трехминутные супружеские ласки, и он передумал. И как же она была счастлива, когда, выходя из кареты возле отеля «Спотсвуд» на углу Восьмой и Мэйн-стрит, услышала негромкие одобрительные возгласы из толпы мужчин, прогуливающих перед входом.

Хотя июльский вечер выдался жарким, Эштон надела все, что диктовала мода для создания элегантного женского образа, начиная с обязательного кринолина под нижними юбками, состоящего из четырех обручей, обшитых тканью и скрепленных между собой паутиной из вертикальных рядов широкой тесьмы. Спереди на кринолине были оставлены разрезы для облегчения ходьбы.

Поверх всей этой сложной скрытой конструкции Эштон надела свое лучшее шелковое платье насыщенного персикового цвета, к которому она подобрала украшенную блестками

изящную шелковую сеточку для волос и черные бархатные ленточки на запястья. Женщины, следовавшие моде, всегда носили много драгоценностей, но доход мужа пока вынуждал Эштон ограничиться скромными черными серьгами с каплями оникса, свисающими на крошечных золотых нитях. Поэтому и весь наряд она продумала так, чтобы его простота еще больше подчеркивала ее природную красоту.

– Послушай меня, дорогой, – сказала она мужу, когда они пересекали холл в поисках зала номер восемьдесят три. – Дай мне сегодня немного свободы, хорошо? И сам времени не теряй. Чем больше знакомств мы заведем, тем лучше, а их количество точно удвоится, если ты не будешь постоянно ходить за мной хвостом.

– О, в этом можешь не сомневаться, не буду, – ответил Хантун с той машинальной прямоотой, которая часто стоила ему друзей и вредила карьере, хотя это и не мешало ему оставаться таким же высокомерным индюком. – А, вот... По этому коридору, – сказал он. – Только я бы очень хотел, чтобы ты перестала обращаться со мной как с неразумным ребенком.

Сердце Эштон учащенно забилося при виде открытых дверей зала номер восемьдесят три, где президент Дэвис регулярно устраивал свои приемы, потому что пока не имел официальной резиденции. Входя внутрь, Эштон увидела множество нарядно одетых женщин, которые весело болтали с джентльменами в парадных мундирах или превосходно сшитых костюмах. Нацепив на лицо обворожительную улыбку, она прошептала мужу:

– Веди себя как мужчина, тогда я, возможно, и перестану... Но если сегодня ты затеешь какой-нибудь скандал, я тебя просто убью... Миссис Джонстон!

Женщина, которая вошла в зал следом за ними и как раз собиралась пройти вперед, обернулась с вежливым, хотя и слегка озадаченным выражением на лице:

– Да?

– Эштон Хантун... Вы позволите представить вам моего мужа Джеймса? Джеймс, миссис Джонстон – супруга нашего славного генерала, который возглавляет армию в Александрии. Джеймс служит в министерстве финансов, миссис Джонстон.

– Весьма важная должность. Было очень приятно познакомиться. – Дама наконец прошла в зал.

Эштон была рада, что ей удалось обменяться с миссис Джонстон парой слов именно здесь, не на виду у всех. Джозеф Джонстон был весьма известной личностью и славился своим умением очаровать любого, а вот его жена не входила в ближний круг миссис Дэвис.

– Не думаю, что она тебя помнит, – прошептал Джеймс.

– А с чего бы ей меня помнить? Мы никогда не встречались.

– Бог мой, да ты просто идешь напролом! – Он восхищенно хихикнул, хотя в его голосе чувствовалось неодобрение.

– Просто с таким рохлей, как ты, иначе нельзя, милый, – нежно проворковала Эштон, – О Боже, ты только взгляни! Они оба здесь – Джонстон и Бори.

Охваченная неожиданным весельем, она быстро прошла вперед, вливаясь в толпу, кивая знакомым и незнакомым и одаривая каждого ослепительной улыбкой. В дальнем конце набитой людьми гостиной она заметила президента и Варину Дэвис. Но к сожалению, к ним было не подступиться.

Подошел Меммингер. Он принес Эштон шампанского, а потом по ее просьбе познакомил с военным, с которым мечтали познакомиться буквально все, – жилистым невысоким человеком с желтоватой кожей, грустными глазами и явно выраженными галльскими чертами лица. Бригадный генерал Борегар склонился над затянутой в перчатку рукой Эштон и поцеловал ее.

– Ваш супруг нашел настоящее сокровище, мадам. *Vous êtes plus belle que le jour!* Это честь для меня.

Эштон изобразила на лице смущение, но в то же время не могла не признать правоту генерала – кокетства каролинским женщинам было не занимать.

– Ну что вы, генерал. На самом деле это для меня большая честь быть представленной нашему новому Наполеону, первому, кто нанес удар противнику... Для меня знакомство с вами – главное событие этого вечера.

– *Près de vous, j'ai passé les moments les plus exquis de ma vie!* – ответил польщенный генерал.

Учтиво поклонившись, он вальяжно прошел вперед – его ожидало еще множество почитателей.

Хантун тем временем с беспокойством оглядывался по сторонам. Он боялся, что кто-нибудь слышал слова Эштон. Как она только могла ляпнуть такую глупость: будто бы встреча с генералом – главное событие вечера? Ведь ей еще предстоит знакомство с самим президентом и миссис Дэвис! Вот в таком состоянии тихой паники из-за разных пустяков Джеймс Хантун и проводил большую часть своей жизни.

Вскоре после того, как Хантун повнимательнее оглядел гостей в зале, его испуг сменился раздражением.

– Да тут одни вест-пойнтовские павлины и иностранцы! О нет... тот маленький еврей нас заметил, сейчас привяжется. Идем сюда, Эштон...

Он взял ее под локоть и потянул за собой, но Эштон вырвала руку и, ослепительно улыбаясь, одним движением головы привела его в чувство. Он отпустил ее, чтобы поздороваться с идущим к ним маленьким пухлым человечком, который с открытой улыбкой уже протягивал ему ладонь для приветствия.

– Миссис Хантун, если не ошибаюсь? Я Джуда Бенджамин. Я вас видел раз или два возле здания министерства финансов. Наверняка ваш муж там служит.

– Да, это действительно так, мистер Бенджамин. Но я искренне удивлена, что вы запомнили мою скромную персону.

– Полагаю, это не будет изменой моей жене, которая сейчас в Париже, если я скажу: однажды увидев вас, забыть уже невозможно.

– Какие прекрасные слова! Но ведь всем известно, что генеральный прокурор – великий оратор.

Бенджамин засмеялся, и Эштон поняла, что ей нравится этот человек – отчасти потому, что он не нравился Джеймсу. В последнее время политика президента Дэвиса вызывала все больше недовольства. И прежде всего его ругали за якобы покровительственное отношение к иностранцам и евреям, которых он охотно брал в свою администрацию. Генеральный прокурор, возглавлявший несуществующую пока судебную систему, был и тем и другим.

Родился Бенджамин на острове Санта-Крус в Датской Вест-Индии, но позже семья переехала в Америку, поэтому вырос он уже в Чарльстоне. По неизвестным причинам – якобы скандальным – его выгнали из Йеля, где учился и Купер, брат Эштон. Позже, все-таки став юристом, Бенджамин с легкостью покинул сенат Соединенных Штатов, где представлял Луизиану, чтобы перейти к конфедератам. Недоброжелатели называли его продажным политиканом, дешевой, оппортунистом и еще многими нелестными титулами.

Бенджамин проводил Эштон к фуршетному столу и набрал для нее тарелку разных маленьких лакомств. Она заметила, как Джеймс, подбираясь все ближе к президенту, бросил на нее бешеный взгляд. Восхитительно!

– Угощение сегодня обильное, – заметил Бенджамин. – Но не первого сорта. Вы с супругом непременно должны прийти ко мне в гости, чтобы попробовать мои любимые канапе: белый хлеб из превосходной ричмондской муки, намазанный анчоусной пастой. Я люблю подавать их с андалузским шерри. Заказываю его бочонками.

– И как вам удастся доставлять испанский шерри во время блокады?

– О, есть масса способов, – улыбнулся он с невинным видом. – Так как – придете?

– Разумеется! – солгала Эштон, зная, что Джеймс никогда не согласится.

Бенджамин спросил, где они живут. Она неохотно назвала адрес. Прокурор наверняка знал, что это район дешевых пансионатов, но, казалось, дружелюбие его ничуть не уменьшилось. Он пообещал в скором времени прислать карточку с приглашением, после чего откланялся, чтобы поприветствовать чету Джонстон. Генерал с женой стояли в сторонке совершенно одни, явно задетые невниманием публики, которая вилась вокруг Борегара.

Эштон хотела было пойти следом за Бенджамином, но остановилась, увидев, что к Джонстонам направляется и миссис Дэвис. Все-таки у нее не хватило храбрости присоединиться к столь внушительной компании – пока не хватило.

Она принялась рассматривать первую леди. Варина Дэвис, вторая жена президента, была красивой женщиной лет тридцати пяти; как раз сейчас она носила под сердцем еще одного ребенка, который уже вскоре должен был появиться на свет. Ее считали бесхитростной и прямодушной; говорили, что она всегда откровенно высказывает свое мнение по любым государственным вопросам. Для южанки такое поведение выглядело нетипичным. Эштон знала, что миссис Джонстон за глаза называла ее западной красоткой, и это вовсе не было комплиментом. И все-таки Эштон отдала бы что угодно за то, чтобы познакомиться с миссис Дэвис.

Неожиданно она с восторгом обнаружила, что у нее намного больше шансов познакомиться с самим Дэвисом. Джеймс каким-то чудом все-таки умудрился протолкаться к президенту и уже разговаривал с ним. Эштон начала пробираться сквозь плотное кольцо надушенных женских и украшенных эполетами мужских плеч.

Трое офицеров, когда она проходила мимо, как раз приветствовали четвертого – бравого удалыца с роскошными усами и вьющимися напомаженными волосами, от которых исходил почти такой же сильный запах, как от духов самой Эштон.

– Из Калифорнии путь сюда неблизкий, полковник Пикетт! – воскликнул один из офицеров. – Мы рады, что вам удалось добраться без приключений. Добро пожаловать в Ричмонд, на сторону справедливости.

Офицер, к которому были обращены эти слова, вдруг тоже заметил Эштон и приветствовал ее галантной и слегка игривой улыбкой. Потом он нахмурился, словно пытаясь вспомнить, откуда ему знакомо ее лицо. На одном курсе с Орри учился юноша с фамилией Пикетт. Неужели это он? Неужели он заметил сходство? Эштон прибавила шагу, совсем не желая говорить о брате, который выгнал ее из родительского дома.

Джеймс, увидев, что она приближается, повернулся спиной. Мерзавец... Не хочет представлять ее президенту в отместку за ее разговор с этим маленьким евреем. Ну что ж, он еще за это заплатит.

Эштон искала глазами знакомые лица и наконец нашла одно. Подходить к Мэри Честнат ей совсем не хотелось, но она заставила себя. В этот вечер, однако, миссис Честнат была настроена более дружелюбно и даже захотела немного посплетничать.

– Все удивлены, что без каких-либо объяснений на приеме нет генерала Ли с супругой, – сказала она. – Как вы думаете, не может ли это быть вызвано некоей семейной размолвкой? Я знаю, они образцовая пара... Говорят, они никогда не ругаются и даже не повышают друг на друга голос. Но ведь даже мужчина столь высоких моральных устоев время от времени совершает ошибки. Будь он здесь, мы наверняка увидели бы импровизированную встречу бывших вест-пойнтовцев. Бедняга Боб... Янки в своих газетенках просто заклевали его за то, что он ушел в отставку и присоединился к нам.

– Да, я знаю...

О миссис Честнат поговаривали, что она все записывает в свой дневник, поэтому с ней следует говорить весьма осторожно.

– Можно подумать... – Мэри Честнат с усмешкой похлопала ее веером по запястью, – что благодаря этому его популярность в армии возрастет.

– А это не так?

– Едва ли. Рядовые и сержанты из хороших семей называют его Королем Лопат, потому что он вечно заставляет их рыть окопы и потеть, как каких-нибудь рабов на плантации.

Слушая ее с притворным интересом, Эштон заметила, что какой-то высокий стройный джентльмен в синем бархатном костюме внимательно рассматривает ее, стоя у стола с напитками. Он даже позволил себе довольно дерзкий, хоть и короткий взгляд на ее декольте. Дождавшись, когда он снова посмотрит ей в глаза, Эштон отвернулась. А потом, оставив миссис Честнат, подошла поближе к мужу, который по-прежнему беседовал с президентом.

Джефферсону Дэвису был пятьдесят один год, но выглядел он гораздо моложе. Его молодости во многом способствовали военная выправка и подтянутая фигура, а также пышная шевелюра. Одевался он почти всегда в черное.

– Но, мистер Хантун, – говорил он, – я все же настаиваю, что центральное правительство должно принимать некоторые серьезные меры в военное время. Например, объявить призыв на военную службу.

Все трое – Хантун, президент, с его тихим вкрадчивым голосом, и государственный секретарь Томбс – вели вполне доброжелательную философскую дискуссию. О Томбсе говорили как о настоящем оппозиционере, который восстановил против себя уже всю администрацию президента. Больше всего он критиковал Вест-Пойнт, потому что Дэвис, сам окончивший Академию в двадцать восьмом году, слишком уж доверял некоторым из ее выпускников.

– Вы хотите сказать, что собираетесь принять такой закон? – с сомнением спросил Хантун; он имел свои твердые убеждения и не преминул воспользоваться случаем, чтобы заявить о них.

– Если в этом возникнет необходимость, я, безусловно, буду настаивать.

– И вы готовы призывать людей из разных штатов, как это сделал этот павиан, большой любитель ниггеров?

Дэвис вздохнул, изображая раздражение:

– Мистер Линкольн объявил набор добровольцев, и только. Мы поступили так же. А призыв обе стороны пока рассматривают лишь с теоретической точки зрения.

– Но при всем уважении к вам и вашему кабинету, сэр, я утверждаю, что эту теорию ни в коем случае нельзя проверять на практике. Это идет вразрез с самой доктриной суверенитета штатов. Только сами штаты вправе объявлять призыв на своей территории, а если они будут вынуждены подчиняться диктату центральной власти, у нас начнется такой же балаган, как в Вашингтоне.

При этих словах серые глаза президента вспыхнули, и левый глаз, который почти ничего не видел, наполнился такой же яростью, как и правый. Хантуну уже доводилось слышать о крутом нраве Дэвиса, – в конце концов, он ведь работал с ним в одном здании. Молва утверждала, что любое несогласие президент воспринимал как личный вызов и вел себя соответственно.

– Так или иначе, мистер Хантун, но я вполне сознаю свою ответственность. Я должен сделать все, чтобы это новое государство стало сильным и процветающим.

– И как далеко вы готовы зайти? – так же раздраженно спросил Хантун. – Я слышал, кое-кто из вест-пойнтовой братии предлагал вербовать черных, согласных сражаться за нас. Вы пойдете на такой шаг?

Дэвис рассмеялся над такой идеей, а Томбс воскликнул:

– Никогда! В тот день, когда Конфедерация позволит хоть одному негру вступить в ряды своей армии, с ней будет покончено, и этого позорного пятна она не смоеет вовеки.

– Согласен! – рявкнул Хантун. – А как насчет всеобщего призыва?

– Только в теории! – резко повторил Дэвис. – Я очень надеюсь добиться признания этого правительства без чрезмерного кровопролития. Своими действиями мы никак не нарушили конституцию и не собираемся нарушать ее впредь. И тем не менее я считаю, что центральное правительство должно быть сильнее, чем власть на местах, или же...

– Нет, сэр, – перебил его Хантун. – Штаты этого никогда не допустят. – Дэвис вдруг показался ему бледным и каким-то размытым, пока он не понял, что у него просто запотели очки.

– В таком случае, мистер Хантун, Конфедерация не протянет и года. Или вы печетесь о соблюдении прав штатов в их первоначальной чистоте, или получаете совершенно новое государство. Но и то и другое невозможно без определенных уступок. Так что делайте свой выбор.

Хантун, у которого от гнева уже закружилась голова, брякнул:

– Мой выбор – не вставать на сторону самодержавных правителей, мистер президент. Более того...

– Прошу меня извинить.

На щеках президента выступили красные пятна, когда он резко развернулся и ушел. Томбс последовал за ним.

Хантун просто кипел от злости. Если президент совершенно не выносит, когда кто-то не соглашается с его основными принципами, то и черт с ним! Этот человек определенно никуда не годится. Он лишь оскорбляет идеалы Кэлхуна и других великих государственных деятелей, которые на протяжении целого поколения терпели клевету и издевательства Севера, отдали все свое здоровье, сражаясь за право человека владеть тем, чем он хочет владеть. И правильно он сделал, что высказал Дэвису все, что...

– Ах ты, безмозглый болтливый осел!..

– Эштон!

– Поверить не могу в то, что я слышала! Ты должен был льстить ему, а ты начал нести эту политическую ахинею!

Покраснев, Хантун схватил жену за запястье, смяв бархатную ленту потными пальцами:

– Люди утверждают, что он ведет себя как диктатор. Я хотел в этом убедиться и убедился. И высказал ему свои твердые принципы о...

Она наклонилась к нему, улыбаясь сладчайшей из улыбок, и прошептала, обдавая его нежным ароматом своего дыхания:

– К свиньям твои твердые принципы! Вместо того чтобы представить ему меня, чтобы я могла помочь тебе и сгладить эту опасную ситуацию, ты просто молот языком и спорил, похоронив тем самым свою и без того никудышную карьеру!

Эштон рванулась прочь от мужа, налетая на гостей и привлекая к себе изумленные взгляды, пока неслась к столу с напитками. Едва сдерживая слезы, она сжала в руках бокал с охлажденным пуншем; перчатки пришлось снять, потому что они насквозь промокли от пота. «Идиот! – думала она. – Теперь все пропало».

Гнев быстро уступил место подавленности. Сколько прекрасных возможностей упущено; многие гости уже начинали расходиться. Эштон потягивала пунш, и ей хотелось провалиться сквозь землю и умереть. Она приехала в Ричмонд в поисках власти, которой всегда жаждала, а ее муж несколькими безрассудными фразами навсегда погубил ее мечты.

Отлично... она найдет кого-нибудь другого. Того, кто поможет ей занять достойное место. Некогого единомышленника, а еще лучше человека, с которым она сможет наконец проявить свои способности, которыми безусловно обладает. Более умного и деликатного, чем Джеймс, всегда нацеленного на успех и обладающего всеми качествами, чтобы достичь его.

Так, примерно за одну минуту или даже меньше, в зале номер восемьдесят три отеля «Спотсвуд» Эштон приняла решение. Хантун всегда был не ахти каким мужем, и ее тайная шкатулочка с сувенирами только подтверждала это. С этого дня он останется ее мужем только на словах. А может, и вовсе уйдет в прошлое, если ей удастся найти ему достойную замену.

Она подняла пустой бокал:

– Можно мне просто шампанского? – И, снова расцветая беспечной улыбкой, протянула бокал негру, стоявшему по другую сторону стола. – Терпеть не могу пунш: в нем нет пузырьков.

Джентльмен в синем бархатном сюртуке погасил сигару в вазе с песком. До этого он уже навел кое-какие справки, чтобы окончательно убедиться, что это именно тот человек, который ему нужен, поэтому сразу направился сквозь редеющую толпу к своей цели – потному очкастому увальню, только что яростно спорившему с женой. Еще когда эта женщина только вошла в зал, он сразу заметил ее и мгновенно ощутил прилив желания. Очень немногим женщинам удавалось добиться от него этого столь быстро.

Это был высокий мужчина лет тридцати пяти, с крепким мускулистым телом и утонченными пальцами. Движения его были плавны и элегантны, костюм идеально сидел на его стройной фигуре; вот только кожа выглядела не слишком гладкой из-за следов, оставленных перенесенной в детстве оспой. Слегка напояженные темно-каштановые с проседью гладкие волосы падали на модный воротник. Он неслышно подошел к Хантуну, пока смущенный и расстроенный адвокат снова и снова протирал очки влажным носовым платком.

– Добрый вечер, мистер Хантун.

Звучный голос напугал Джеймса, он обернулся, но незнакомый ему человек уже шагнул вперед и теперь стоял прямо перед ним.

– Добрый вечер, – ответил он. – Но боюсь, вы находитесь в более выгодном положении, чем я...

– Да, верно. Мне вас показали. Ваша семья, должен заметить, одна из самых старинных и известных в этой части света.

Что нужно этому типу? – недоумевал Хантун. Может, ищет инвестора? Но тут ему не повезло: все их деньги находились в руках Эштон, сорок тысяч долларов ее приданого.

– Вы из Южной Каролины, мистер?..

– Пауэлл. Ламар Хью Август Пауэлл. Для друзей – просто Ламар. Нет, сэр, я не из вашего штата, хотя мой дом не так далеко. Семья моей матери живет в Джорджии. Они занимаются хлопком, неподалеку от Валдосты. Мой отец был англичанином. Женился на моей матери и увез ее в Нассау, где я и вырос, а он был практикующим юристом до самой своей смерти несколько лет назад.

– Багамы... Это все объясняет.

Жалкая улыбка Хантуна и его заискивающий вид сразу сказали Пауэллу, что этот болван никаких хлопот ему не доставит. Но где же его... А-а, вот и она. Даже не оборачиваясь, он уже заметил яркое пятно поблизости.

– Объясняет что, сэр?

– Вашу речь. Сначала мне показалось, что я слышу чарльстонское произношение, но не совсем... – Мгновение-другое Хантун пытался придумать, что бы еще сказать, но так и не придумал. – Великолепный прием! – в отчаянии воскликнул он.

– Я хотел познакомиться с вами вовсе не для того, чтобы обсуждать прием. – (Хантун обиженно скривился.) – Откровенно говоря, я сейчас создаю небольшую группу для финансирования одного конфиденциального предприятия, которое может стать весьма прибыльным.

Хантун моргнул:

– Вы говорите о каких-то вложениях?

– Да, в судоходное дело. Эта чертова блокада создает фантастические возможности для людей, имеющих волю и средства, чтобы поймать фортуна за хвост. – Он наклонился чуть ближе к Хантуну.

После всех разочарований этого почти завершенного вечера Эштон все-таки получила некоторое вознаграждение, увидев, что ее муж разговаривает с тем привлекательным мужчиной, которого она заметила еще раньше. Каким жалким выглядел рядом с ним Джеймс! Инте-

ресно, действительно ли этот джентльмен так состоятелен, каким кажется? И так мужественен, каким выглядит?

Эштон подошла к ним. Джеймс, решив, что он уже достаточно наказал жену, теперь был сама учтивость.

– Дорогая, позволь представить тебе мистера Ламара Пауэлла из Валдосты и с Багам. Мистер Пауэлл, моя жена Эштон.

Представив их друг другу, Хантун совершил одну из самых больших ошибок в своей жизни.

Глава 20

Чарльз привязал гнедую Амбруаза Пелла к одной из жердей изгороди. Шел мелкий дождь, сыпля брызгами на него, на лысого фермера и на не оправдавшего ожиданий коня, ради которого Чарльз проскакал двенадцать миль. Вдали виднелся Блу-Ридж, почти теряясь в тумане, таком же мрачном, как настроение Чарльза.

– Серый? – сказал Чарльз. – Только музыканты ездят на серых.

– Наверное, он потому и остался у меня, – ответил фермер. – Всех остальных-то я уже давно продал, хотя, если хотите знать, не люблю иметь дело с вашим братом кавалеристом. Вот на прошлой неделе два таких же красавца заявили сюда, потрясли какими-то бумажками и сказали, что они из интендантского департамента.

– И сколько кур они у вас украли?

– О, так вы их знаете?

– Лично не знаком, но такие случаи мне известны.

Воровство, официально именовавшееся фуражировкой, еще больше ухудшало и без того дурную репутацию кавалеристов, о которых уже и так говорили, что лошади им нужны, только чтобы сбежать с поля боя. Вполне вероятно, что люди, приехавшие к этому фермеру, могли предъявить ему документы, которые сами же и состряпали.

– Так вот насчет коня...

– Цену вы знаете.

– Слишком дорого. Но я заплачу, если серый хорош.

В этом Чарльз как раз сомневался. В двухлетнем мерине не было ничего примечательного: некрупный – ростом около четырнадцати ладоней и точно не тяжелее тысячи фунтов. Хорошо развитые плечи и длинные наклонные путовые кости выдавали в нем хорошего бегуна. Но верховые лошади такой масти встречались довольно редко. Что же не так с этим?

– Вас ведь не допускают в строй, пока не найдете себе лошадь, да? – спросил фермер.

– Да. Я свою потерял и уже две недели ищу замену. Так что временно в запасе.

– А довольствие какое-нибудь на жеребца полагается?

– Сорок центов в день, фураж, подковы и услуги кузнеца, если найдешь достаточно трезвого.

Это была глупая система, придуманная, без сомнения, каким-нибудь правительственным чиновником, который и в седле-то сидел разве что в детстве – на пони. Чем дольше Чарльз наблюдал за армейской жизнью, обустройством лагерей и новыми рекрутами, тем меньше мог понять, чего же все-таки больше в армии конфедератов – грустного или смешного. Наверное, хватало и того и другого.

– А от чего умерла ваша прежняя лошадь?

Вот ведь любопытный старикашка...

– Мыт.

Чертовка умерла через одиннадцать дней после того, как Чарльз впервые заметил симптомы болезни. До сих пор он видел перед собой печальные глаза лошади, лежавшей в изоляторе, как того требовали правила. Он укрывал ее всеми попонами, какие только мог купить или одолжить, но, хотя они и скрывали уродливые нарывы, они не могли спрятать распухшие ноги животного или замаскировать ужасный запах гноя, вытекавшего из язв. Чарльзу следовало пристрелить ее, но он не смог. Он просто ждал, когда она умрет, а потом плакал от горя и облегчения.

– Хм... – пробормотал фермер, передернув плечами. – Мыт – тяжкий конец для хорошего животного.

– Да, тяжкий, и хватит об этом.

Чарльзу не нравился фермер, а фермеру явно не нравился Чарльз. Обоим хотелось поскорее покончить с делом и никогда больше друг друга не видеть.

– Почему вы все-таки не продали серого? – спросил он. – Слишком много запрашивали?

– Да нет, не поэтому. Как вы и говорили, серых хотят только оркестранты. Я слышал, вы там стараетесь подбирать лошадей по масти, чтобы один отряд отличался от другого.

– Это было раньше, и то не всегда. – Поиски Чарльза доказывали его слова. – Послушайте, в этой части Виргинии не так уж много хороших лошадей продается. Так что с ним не так? Он обьезжен?

– Ну конечно. Мой кузен отлично его обьездил. Я его и взял у кузена... Буду с тобой откровенен, солдат...

– Капитан.

Фермеру это уточнение явно не понравилось.

– Это хороший, быстрый конь, просто кое-что в нем не всем по вкусу. Вот до вас тоже два парня смотрели, сказали: простоват... ну и характер дурной. Может, все дело во флоридской крови?

Чарльз мгновенно насторожился:

– Он происходит от лошадей индейцев-чикасо?

– Ну, доказать не могу, но мой кузен говорит, что это так.

Тогда этот конь может оказаться настоящей находкой. Ведь лучшие скаковые лошади Каролины были выведены от скрещивания английских чистокровок и мустангов, привезенных в Новый Свет еще испанцами. Как же он сразу не узнал, что этот серый из породы квартерхорс, еще когда тот резвился на поле?

– Трудно на нем ездить?

– Некоторым кажется, что да, сэр.

Фермер уже начинал уставать от расспросов. Почувствовав раздражение в его голосе, Чарльз понял, что пора принимать решение.

– Имя у него есть?

– Кузен назвал его Бедовым.

– Это может означать и живость, а может и дурной характер.

– Слушайте, я не выяснял. – Фермер наклонился в сторону и смачно сплюнул в заросли сорняков. – Так нужен он вам или нет?

– Наденьте на него недоуздок и приведите сюда, – ответил Чарльз, отстегивая шпоры.

Фермер ушел в загон, и Чарльз наблюдал за тем, как Бедовый дважды попытался укусить хозяина, пока недоуздок не оказался на месте, после чего серый послушно пошел за фермером к изгороди.

Чарльз подошел к гнедой Амбруаза Пелла и достал из седельной сумки ружье.

– Эй, вы что это задумали? – спросил встревоженный фермер.

– Хочу прокатиться на нем немножко.

– Без седла? Без попоны? Это где ж вы такому научились?

– В Техасе. – Старик уже надоел Чарльзу до смерти, и он не удержался от зловещей ухмылки. – В те свободные часы, когда не убивал команчей.

– Убивал... А, понимаю. Ладно. Но дробовик...

– Если он не испугается шума, он мне подходит. Подведите его ближе к изгороди! – рявкнул он так, словно отдавал приказ своим солдатам, и фермер мгновенно стал более сговорчивым.

Чарльз забрался на изгородь и как можно мягче соскользнул с нее на мерина. Ремень недоуздки он обернул вокруг правой руки, уже чувствуя сопротивление серого. Потом поднял дробовик и выстрелил из обоих стволов. Грохот прокатился к невидимым горам. Серый не встал на дыбы, но помчался прямо к изгороди на дальней стороне выгона.

Чарльз судорожно сглотнул и почувствовал, как с него сдуло шляпу. Капли дождя разбивались о лицо. Ладно, подумал он, покажи мне, чего больше в твоём имени – хорошего или плохого.

Изгородь стремительно приближалась. «Если он не прыгнет, я сломаю себе шею...» Но конь прыгнул; его светлая грива взметнулась над длинной изящной линией шеи, когда он в безупречном плавном полете перемахнул через изгородь, даже не коснувшись верхних жердей.

Чарльз засмеялся и похлопал коня по шее. Серый понесся дальше во всю прыть; всего несколько раз в жизни Чарльзу доводилось скакать таким стремительным галопом. Не замедляя бега, конь промчался по травянистому полю, влетел в небольшую рощицу, и всаднику пришлось то и дело наклоняться, чтобы не наткнуться на низкие ветви деревьев, выскочил на склон пологого холма, к холодному ручью, где взметнувшаяся от его копыт вода окатила Чарльза с ног до головы, завершив то, что уже начал дождь. Чарльз неожиданно подумал, что это не он испытывает серого, а серый проверяет его на прочность.

Он снова засмеялся и вдруг подумал, что этот маленький неказистый конь с неправильной мастью вполне может оказаться совершенно незаменимым в настоящем бою.

– Я беру его, – сказал он, подъехав назад к изгороди, и потянулся за бумажником. – Вы сказали, сто...

– Ну, пока вы там с ним резвились, я решил, что меньше чем за полторы сотни не отдам.

– Вы запросили цену в сто долларов, столько и получите. – Чарльз положил руку на приклад ружья. – Спорить я не собираюсь. Вы ведь нас знаете, кавалеристов, – сплошь воры и убийцы.

Он усмехнулся. Сделка была завершена без дальнейших переговоров.

– Чарли, тебя надули! – заявил Амбруаз через пять минут после возвращения Чарльза в гарнизон. – Любой дурак сразу поймет, что в этой лошаденке нет ничего хорошего!

– Ну, внешность бывает обманчива, Амбруаз. – Чарльз провел рукой по слегка изогнутому носу Бедового; мерин решительно ткнул мордой в его ладонь. – Кроме того, мне кажется, я ему понравился.

– Да, но масть! Теперь все будут принимать тебя за какого-нибудь трубача, а не за джентльмена!

– А я и не джентльмен. С тех пор как мне исполнилось семь, я оставил попытки им стать. Спасибо, что одолжил мне лошадь. Пойду накормлю и напою своего.

– Пусть это сделает мой ниггер.

– Тоби твой слуга – не мой. И потом, еще со времен Академии у меня появилось это странное убеждение, что кавалерист должен сам заботиться о своей лошади. Это, как говорится, его второе «я».

– Чувствую неодобрение, – проворчал Амбруаз. – Что плохого в том, чтобы взять с собой в гарнизон раба?

– Ничего... пока не начнутся сражения. Никто не будет драться за тебя.

Амбруаз сердито засопел. Несколько секунд он молчал, потом буркнул:

– Кстати, тебя хотел видеть Хэмптон.

– Зачем это? – нахмурился Чарльз.

– Не знаю. Мне он не докладывал. Может, я для него недостаточно профессионален. Черт, так ведь я этого и не отрицаю! Я подписал контракт просто потому, что люблю ездить верхом и ненавижу янки... а еще потому, что не хочу, чтобы однажды вечером на мой порог подбросили узел с нижними юбками в знак того, что я уклоняюсь от службы. Записавшись в кавалерию, я надеялся завоевать уважение друзей, а вместо этого потерял его. – Амбруаз вздохнул. – Ты помнишь, что мы сегодня ужинаем с нашим дорогим князьком?

– Спасибо, что напомнил. Я и забыл.

– Скажи Хэмптону, чтобы не задерживал тебя, потому что его сиятельство ждет от нас пунктуальности.

Чарльз улыбнулся, уводя Бедового. «Истинная правда, – подумал он, – в этой армии вечеринки всегда важнее службы. Надо будет обязательно поговорить об этом с полковником».

Несмотря на то что гарнизон Хэмптона считался образцовым, его тоже не миновали все неприятные стороны походной жизни. Пока Чарльз сорок минут шел до штабной палатки, он то и дело натыкался на приметы человеческой жизнедеятельности, оставленные прямо на земле, хотя для этого вырывались специальные ямы. Запах стоял просто нестерпимый, тем более что к вечеру ветер совсем стих.

Видел он и парочку рядовых, накачавшихся до бесчувствия каким-то дешевым пойлом, которое, как и во всех других гарнизонах – образцовых и не очень, – продавал маркитант в своей палатке. Видел трех дамочек в кричащих нарядах, которые явно не были ни офицерскими женами, ни прачками. Чарльз месяцами не спал с женщиной, но иметь дело с красотками вроде этих был пока не готов – в лагере слишком часто слышались жалобы на подхваченную болезнь.

В отличие от бойкой торговли маркитанта, у седобородого книгоноши дела шли совсем плохо. Так и не дождавшись ни единого покупателя, он сиротливо сидел на земле, прислонившись к колесу своей повозки, и читал какую-то из своих книг. Одну из тех Библий, которые продавал? Нет. Чарльз пригляделся повнимательнее. Это была тонкая брошюрка вроде «Напутственного слова матери своему сыночку-солдату» – скучного восьмистраничного наравоучения в форме письма. Подобные сочинения отлично продавались в армии, хотя большинство хоть немного образованных легионеров насмехались над ними.

Он прошел мимо двух юных джентльменов, откозырявших ему с такой небрежностью, которую вполне можно было считать оскорбительной. Не успел Чарльз ответить на приветствие, как они уже вернулись к прерванному спору о том, сколько будет стоить подмениться в карауле, если стоять там совсем не хочется. Обычно цена составляла двадцать пять центов.

Еще одним неприятным зрелищем стала санитарная палатка. После дождя внутри было слишком душно и сыро, поэтому боковые стенки палатки подняли. Внутри лежали те, кого уже скосила эта война, на которой не прозвучало ни единого выстрела. Болезнь настигала везде; плохая вода выворачивала кишки, вызывая дикие боли; пилюли опия приносили мало облегчения. Хотя Чарльз переболел дизентерией в Техасе, это не помешало ему еще неделю проболеть ею в Виргинии. А теперь в армии началась новая эпидемия: корь.

Чарльз совсем не стремился в бой – более того, мысль об этом была ему даже отвратительна, – но когда через сорок минут он подходил к штабной палатке, он уже не мог отрицать, что его тошнит от гарнизонной жизни. К тому же очень скоро его невольное желание сменить бивуак на поле сражения могло исполниться. Наступление армии генерала Паттерсона вынудило Джо Джонстона, у которого было почти втрое меньше людей, отступить из Харперс-Ферри, а теперь прошел слух, что Макдауэлл должен вот-вот бросить по крайней мере тридцать тысяч человек к стратегически важному железнодорожному узлу Манассас.

Баркер, заместитель командира полка и начальник адъютантской службы, как раз заканчивал обсуждать какие-то дела с полковником, поэтому Чарльзу пришлось подождать. У него вдруг начался сильный зуд. Черт, неужели подхватил какую-нибудь заразу?

Около шести капитан наконец вышел, и Чарльз явился с докладом к человеку, которым искренне восхищался. Полковник Уэйд Хэмптон с берегов реки Конгари был сыном одного из известнейших плантаторов Юга, наследником огромного состояния, прекрасным командиром и превосходным наездником, несмотря на свой возраст.

– Вольно, капитан, – сказал Хэмптон после официального приветствия. – Садитесь, если хотите.

Чарльз сел на табурет перед небольшим походным столом, на углу которого стояла маленькая бархатная шкатулка с откинутой крышкой, а в ней – в изящной серебряной рамке – миниатюрный портрет второй жены Хэмптона Мэри.

Полковник встал и потянулся. Это был высокий, широкоплечий человек с властным лицом и очевидно недюжинной силой. Будучи прекрасным наездником, он тем не менее никогда не потакал разным кавалеристским шалостям, что было обычным делом в Первом Виргинском, где командовал Красавчик Джеймс Стюарт, которого Чарльз знал еще по Академии. Джеб славился своей молодецкой удалью, Хэмптон – осторожностью. Никто не усомнился бы в храбрости этих двоих, но стиль их командования различался так же, как и их возраст, и Чарльз слышал, что их редкие встречи всегда проходили довольно холодно.

– Извините, полковник, но меня не было в лагере, когда вы за мной посылали. Капитану Баркеру была известна причина. Я искал лошадь.

– Нашли?

– К счастью, да.

– Очень хорошо. У меня совсем нет желания держать вас в запасе долго. – Хэмптон взял из стопки на столе какую-то бумагу. – Я позвал вас, чтобы решить одну дисциплинарную проблему. Сегодня днем один из молодых людей покинул лагерь без разрешения. Он исчез еще перед завтраком, через полчаса после утренней поверки. Задержали его в десяти милях отсюда, по чистой случайности. Просто один офицер узнал форму своего отряда, догнал молодого человека и спросил, куда тот направляется. И этот молодой идиот ответил честно: на конские состязания.

– Наверное, с кем-нибудь из Первого Виргинского? – нахмурился Чарльз.

– Именно. – Хэмптон пригладил костяшками пальцев пышные бакенбарды, которые были такими же темными, как и его волнистые волосы, и доходили до роскошных усов, сливаясь с ними. – Скачки назначены на завтра, причем в непосредственной близости от вражеских пикетов... не иначе, чтобы приправить забаву опасностью. – Полковник не скрывал своего презрения. – Этого солдата вернули под конвоем. Когда первый сержант Рейнольдс спросил, почему он сбежал без разрешения, тот ответил... – Хэмптон сверился с листком у себя на столе, – «Я просто хотел немного развлечься. В Первом Виргинском отчаянные ребята, и командир у них боевой. Они знают, что главный долг солдата – стоять до конца и пасть смертью храбрых». – Холодные серо-голубые глаза остановились на Чарльзе. – Конец цитаты.

– Я, кажется, догадываюсь, о ком вы говорите, полковник. – (Несколько недель назад этот же человек пытался убить солдата союзной армии, которого они захватили в плен.) – Грэмм?

– Верно. Рядовой Докинз Грэмм Третий. Молодой человек из богатой и весьма влиятельной семьи.

– И к тому же аристократ, от которых один геморрой, вы уж простите меня, полковник.

– Да, с ними действительно непросто. Они, конечно, храбрецы, но для военной службы непригодны. Пока непригодны. – Это уточнение явно говорило о его намерении изменить ситуацию. – Но какая глупость! – Он хлопнул по листу ладонью. – «Пасть смертью храбрых»! Может быть, Стюарт действительно этого хочет, но я предпочитаю победить и остаться в живых. Что касается Грэмма, то я имею все полномочия созвать военный трибунал. Но поскольку это ваш подчиненный, решение я оставляю за вами.

– Созывайте трибунал, – без колебаний откликнулся Чарльз. – Готов помочь вам в этом и лично участвовать.

– Я назначу вас председателем.

– А где Грэмм сейчас, сэр?

– В своей палатке. Под охраной.

– Пожалуй, я сам сообщу ему новость.

– Да, пожалуйста, сделайте это, – кивнул Хэмптон; лицо его оставалось бесстрастным, и только в глазах сверкал гнев. – Этот человек слишком часто привлекает мое внимание. Наказание должно стать уроком для всех. Макдауэлл вот-вот начнет наступление, и мы не сможем объединить наши силы и одолеть врага, если каждый солдат будет делать то, что ему вздумается и когда вздумается.

– Вы совершенно правы, полковник.

Хэмптон не имел специального военного образования, но эту часть учебников понимал хорошо. Выйдя от командира, Чарльз сразу направился к палатке Грэмма. Снаружи дежурил какой-то капрал; неподалеку старый сутулый слуга Грэмма начищал бронзовые накладки дорожного сундука.

– Капрал! – сказал Чарльз. – В следующие две минуты вы ничего не будете слышать и видеть.

– Да, сэр.

Внутри рядовой Докинз Грэмм Третий в вальяжной позе полулежал в окружении множества книг, которые он привез с собой в лагерь. На нем была просторная белая рубашка из тончайшего шелка, неуставного покроя, и он не поднялся, когда вошел офицер, хотя и бросил на Чарльза недовольный взгляд.

– Встать! – приказал Чарльз.

Грэмм с яростью отшвырнул в сторону тисненый золотом томик Кольриджа.

– Черта с два! – запальчиво воскликнул он. – Я был джентльменом до того, как записался в этот ваш проклятый отряд, и остаюсь им. И будь я проклят, если позволю обращаться с собой как с каким-нибудь черномазым рабом!

Чарльз схватил его за дорогую рубаху, и она порвалась, когда он одним рывком поднял Грэмма на ноги.

– А теперь послушайте меня, Грэмм. Я намерен созвать особый трибунал, в который полковник Хэмптон назначил меня пять минут назад, а потом сделать все, чтобы вы получили максимальное наказание – тридцать один день тяжелых работ. И вы их отработаете до последней минуты, если только раньше нам не придется выступить против янки – в таком случае вас накажут они, когда какой-нибудь удалец снесет вам голову, потому что вы слишком глупы, чтобы быть солдатом. Зато вы падете смертью храбрых.

Он толкнул Грэмма с такой силой, что молодой человек рухнул на книжную этажерку, отлетел в сторону и ударился о задний шест палатки. Стоя на одном колене и держась рукой за шест, рядовой с бешенством уставился на Чарльза.

– Нам следовало выбрать в капитаны джентльмена, – сказал он. – В следующий раз мы так и сделаем.

Кипя от гнева, Чарльз вышел из палатки.

– Прошу, джентльмены. Отличные горячие устрицы по-креольски. Зажарены до хруста и только для вас.

Все это было произнесено с такой подчеркнутой вежливостью, что граничило с насмешкой. Наклонившись вперед, раб Амбруаза Пелла Тоби протянул гостям серебряный поднос, на котором стояли закуски в маленьких фарфоровых блюдцах. Его заставили помогать нанятым слугам – двум бельгийцам весьма жуликоватого вида. Негру было около сорока; и в противоположность услужливой позе взгляд его выражал сдержанное негодование. По крайней мере, так показалось Чарльзу.

Для себя Чарльз уже давно называл такое поведение «Ай да Старина Джон». По его теории, чем искуснее раб умел притворяться, тем больше была вероятность, что он ненавидит своих хозяев. Нельзя сказать, чтобы Чарльз винил негров за их чувства; четыре года Вест-Пойнта и влияние людей, идеи которых отличались от привычных взглядов южан, во многом

изменили его, и с тех пор его новые убеждения только укреплялись. Все рассуждения о защите рабства он теперь считал пустыми и к тому же вредными.

Большая полосатая палатка, принадлежавшая их гостеприимному хозяину, была наполнена светом свечей и звуками музыки – Амбруаз играл что-то из Моцарта на лучшей из своих двух флейт. Играл он хорошо. Одна сторона палатки была поднята и занавешена сеткой, которая служила хорошей защитой от ночных насекомых, но пропускала внутрь легкий прохладный ветерок. Чарльз, вымывшись и переодевшись в чистое, чувствовал себя лучше. Стычка с Грэммом изрядно подпортила ему настроение, поэтому неожиданная радость от пришедшей из Монт-Роял посылки была весьма кстати. Особенно тронула его надпись, выгравированная на лезвии сабли. Чарльз взглянул на изящные ножны с позолоченными ободками. Пусть этой сабле и недоставало практичности, которой так отличался клинок Хэмптона, сделанный в Колумбии, но для него это был самый лучший подарок.

Он разломил крошечной серебряной вилкой слегка приправленную специями панировку на устрице. Потом, проглотив изысканное лакомство, пригубил хорошего виски из уотерфордского бокала, тоже привезенного с собой их новым другом Пьером Сербаковским. С этим утонченным молодым человеком они с Амбруазом познакомились во время экскурсии по лучшим ричмондским салунам.

Сербаковский имел звание капитана, но предпочитал, чтобы его называли князем. Он был одним из тех европейских офицеров, которые встали на сторону Конфедерации. Князь был адъютантом майора Роба Уита, который командовал полком луизианских зуавов, получивших прозвище Тигры. Этот полк собрал все отребье с улиц Нового Орлеана; и ни одно другое подразделение в Виргинии не прославилось таким количеством грабежей и разбоев.

– Думаю, виски уже достаточно, – сказал князь, обращаясь к Тоби. – Спроси Жюля, охладили ли уже шампанское, и если да, немедленно подавай.

Сербаковский любил командовать, но его манеры были слишком надменными даже для раба. Чарльз заметил, как, выходя, Тоби дважды сглотнул и поджал губы.

Он выпил еще виски, пытаясь приглушить чувство вины. Им бы с Амбруазом сейчас следовало не расслабляться за ужином, а проводить занятия со своими рядовыми, чтобы те потом хотя бы попытались применить худо-бедно усвоенные уроки на плацу. Ну да черт с ним, с этим чувством вины, подумал Чарльз. Вот сейчас еще выпью, и оно от меня отстанет. А завтра пусть снова возвращается.

Внезапно Амбруаз перестал играть и яростно почесал под правой подмышкой:

– Черт, я их опять подцепил! – Его лицо стало красным, как его кудри. Он был весьма щепетильным человеком и чувствовал себя униженным.

Князь откинулся на спинку складного стула, явно забавляясь.

– Позвольте дать вам маленький совет, *mon frère*, – произнес он по-английски с ужасным акцентом. – Ванна. Так часто, как только можно, и не важно, есть ли только плохое мыло и холодная вода, или вам противно стоять голым перед каким-нибудь низшим чином.

– Да моюсь я, князь! Но эти проклятые вши опять появляются!

– По правде говоря, они никуда и не исчезали, – сказал Чарльз, когда Тоби и бельгиец, что помоложе, внесли поднос с рифлеными бокалами и темной бутылкой в серебряном ведерке со льдом – предмете, столь редким на Юге, что стоять он мог, пожалуй, раз в десять дороже шампанского. – Они живут в твоей форме. Нужно выписать этим паразитам увольнительную.

– Что, выбросить мундир?

– И вообще все, что ты носишь.

– Чтобы покупать новый за свой счет? Да будь я проклят, если это сделаю, Чарли! За мундиры отвечает командир, а не джентльмены, которые у него служат.

– Или раскошеливайся, или чешишь, – пожал плечами Чарльз. – Дело твое.

Князь засмеялся, потом щелкнул пальцами. Молодой бельгиец сразу шагнул вперед, Тоби явно не торопился. Неужели только Чарльз замечал недовольство раба?

– Восхитительный вкус, – сказал он, сделав первый глоток шампанского. – Интересно, все европейские офицеры так принимают гостей?

– Только те, чьи предки копили богатства способами, о которых лучше не упоминать.

Чарльзу нравился Сербаковский, а его история просто завораживала. Дед князя по отцовской линии был французом, служил в звании полковника в армии Наполеона и участвовал в походе на Москву. Тогда же он встретил молодую русскую аристократку; физическое влечение временно преодолело политические разногласия, девушка понесла, и ребенок родился тогда, когда полковник погиб во время бесславного зимнего отступления. В знак семейной и национальной гордости бабушка Сербаковского дала незаконнорожденному сыну свою фамилию и так больше никогда и не вышла замуж. Сербаковский стал военным, когда ему исполнилось восемнадцать, сначала в родной стране своей матери, потом за границей.

Пока Амбруаз тщетно пытался одновременно пить и чесаться, подали первую перемену – запеченную местную рыбу. За ней должно было последовать блюдо, приготовленное старшим бельгийцем, – цыплята, тушеные с чесноком по-провански.

– Как бы мне хотелось поскорее вырваться из этого лагеря и попасть в настоящее сражение, – заявил Амбруаз, принимаясь за рыбу.

– Не желайте того, о чем не имеете ни малейшего представления, мой дорогой друг, – сказал князь, внезапно став серьезным; он был ранен в Крыму и кое-что рассказал Чарльзу об ужасах, виденных там. – А впрочем, такое желание ведь все равно не осуществится. Эта ваша Конфедерация... она сейчас в таком же удачном положении, что и моя родина в тысяча восемьсот двенадцатом году.

– Поясните, князь, – попросил Чарльз.

– Все просто. Страна сама выиграет за вас эту войну. Она такая огромная и такая разбросанная, что неприятель скоро впадет в отчаяние, пытаясь ее захватить, и оставит усилия. Для победы понадобится совсем немного сражений, а то и вовсе ни одного. Вот таков мой профессиональный прогноз.

– Надеюсь, вы ошибаетесь, – сказал Чарльз. – Мне бы все-таки хотелось пройти через это, чтобы лично принять капитуляцию кое-кого из янки. – Он коснулся сабли; все, что он знал о природе войны, улетучилось под влиянием изрядного количества спиртного, осталось только приятное чувство неуязвимости.

– Вы говорили, что эта сабля – подарок вашего кузена? – спросил князь. – Могу я взглянуть?

Чарльз извлек саблю из ножен, и огоньки свечей, отразившись на лезвии, сверкнули, словно маленькие молнии, когда он передавал ее Сербаковскому. Тот взял оружие в руки и стал внимательно его изучать.

– Золинген. Прекрасный клинок! – Он вернул саблю Чарльзу. – Очень красивая. Я бы на вашем месте повнимательней за ней присматривал. Служа с этим луизианским отребьем, я понял, что американские солдаты ничем не отличаются от солдат всего мира. Все, что можно украсть, они украдут.

Чарльз, уже основательно опьянев, сразу же забыл об этом предостережении. Не слышал он и того, как кто-то, или даже не один человек, отошел от палатки, перед этим немного постояв в темноте за сеткой.

Глава 21

Стэнли доставал образцы из саквояжа, стоявшего на грязном полу, и ставил их на стол – совершенно пустой, даже без единого листка бумаги. Фабрика давно не работала, и производство было остановлено. Агент по недвижимости направил чету Хазард сюда вскоре после их прибытия в Линн.

Человек, который сидел за столом, служил здесь кем-то вроде временного сторожа. Это был высокий краснощекий мужчина с седыми волосами и солидным брюшком. Стэнли дал бы ему лет пятьдесят пять. Живость, с которой он разглядывал образцы, говорила о том, что праздность ему порядком поднадоела.

– В стиле Джефферсона, – сказал он, постукивая пальцем по невысокому голенищу. – Годится как для кавалерии, так и для пехоты.

– Вы знаете свое дело, мистер Пеннифорд, – со лстивой улыбкой откликнулся Стэнли.

Он не доверял уроженцам Новой Англии – люди, говорившие с таким подозрительным акцентом, не могли быть нормальными, – но этот человек был ему нужен. – Такие ботинки наверняка будут пользоваться большим спросом и принесут хорошую прибыль.

– Ради всего святого, Стэнли, называй их правильно. Это же сапоги! – раздраженно сказала Изабель, стоявшая у окна.

Свет пасмурного дня, сочившийся сквозь замызганные стекла, не красил ее; снаружи июньский ливень поливал крыши Линна.

– Правительство это слово не использует, – с тайным удовольствием возразил жене Стэнли.

Пеннифорд поддержал его:

– В военных кругах, миссис Хазард, словом «сапоги» обычно называют обувь для дам. Лично я считаю, что это довольно странно. Меня вообще поражает, как много странного сейчас в Вашингтоне...

– Нельзя ли ближе к делу, мистер Пеннифорд? – перебил его Стэнли. – Скажите, способна ли эта ржавая машинерия внизу произвести большое количество таких же пар, только чтобы это было быстро и дешево?

– Быстро? О-хо-хо... Ну, если только произвести кое-какой ремонт, который нынешние владельцы не могут себе позволить. Дешево? – Он потер один из образцов пальцем. – Дешевле этого уже ничего быть не может. Две дырки для шнурка, а верх к подошве так просто гвоздями прибит. – Одним сильным движением он разделил правый ботинок надвое. – Это просто позор для всего сапожного ремесла. Не хотелось бы мне оказаться на месте бедного солдата, который в такой обуви попадет в дождь или снег. Если Вашингтон считает нормальным снабжать такой дрянью наших славных парней, то Вашингтон не просто странный – он заслуживает презрения.

– Прошу вас, избавьте меня от нравоучений, – отмахнулся Стэнли, начиная закипать. – Может компания «Обувь Лэшбрука» шить такие башмаки или нет?

– О-хо-хо... – снова вздохнул Пеннифорд, а потом вдруг наклонился вперед, напугав Стэнли. – Мы можем сделать намного лучше. Есть один парень, Лайман Блейк его зовут, он придумал такую чудо-машинку, какой я в нашем ремесле никогда не видел, а я, слава Богу, в сапожном деле с девяти лет. Так вот, эта машинка сшивает подошву с заготовкой – быстро, аккуратно и надежно. Скоро такие машины начнет производить другой человек – у Блейка нет капитала, и он продал свою идею. Держу пари, что уже через год это изобретение вернет к жизни не только обувное производство, но и весь штат.

– Не совсем так, мистер Пеннифорд. – Холодная улыбка Изабель слегка остудила его пыл. – Что действительно может вернуть процветание и вашему любимому делу, и Массачу-

сетсу, так это продолжительная война и контракты, которые можно получить только с помощью влиятельных людей – таких, как мой муж.

Щеки Пеннифорда налились краской, как спелые яблоки. Встревожившись, Стэнли быстро сказал:

– Мистер Пеннифорд просто хочет быть полезным, Изабель. Вы ведь здесь останетесь, Дик? Будете управлять фабрикой, как делали до ее закрытия?

Некоторое время Пеннифорд молчал. Наконец он заговорил:

– Мне бы не хотелось делать такую работу, мистер Хазард. Но, скажу вам честно, у меня девять детей, которых нужно кормить и одевать, а разорившихся фабрик в Линне хватает, и работы мало. Я останусь, но при одном условии. Вы должны разрешить мне вести дела по-своему и не вмешиваться, пока я произвожу оговоренный товар в оговоренном количестве и в оговоренные сроки.

Стэнли хлопнул ладонью по столу:

– Договорились!

– Думаю, всю фабрику вы сможете получить за двести тысяч, – добавил Пеннифорд. – Вдова Лэшбрука очень нуждается в деньгах.

– Мы немедленно навестим собственников.

Сделка была завершена к полудню следующего дня без каких-либо споров. Стэнли чувствовал настоящую эйфорию, когда помогал Изабель войти в поезд на закопченном вокзале. Позже, когда они уже сидели в душном вагоне-ресторане и Стэнли с аппетитом уплетал яичницу с беконом, несмотря на то что Изабель считала его вкусы плебейскими, он с восторгом сказал жене:

– Этот Дик Пеннифорд для нас настоящая находка! А что ты думаешь о покупке этих новых машин, о которых он говорил?

– Нужно как следует все взвесить. – Разумеется, имелось в виду, что взвешивать будет она. – Нас не должна волновать прочность этих ботинок, нужно просто производить их столько, чтобы получать прибыль. Если новые машины ускорят производство – ну, тогда, возможно, их стоит приобрести.

– Мы получим прибыль! – воскликнул Стэнли, когда поезд покачнулся на повороте под протяжный гудок паровоза; летний ливень все еще продолжался, крупные капли разбивались о стекло окна рядом с их столиком. – Я уверен в этом. Нет, ты только представь! – Он ткнул вилкой в яичницу и отправил в рот солидный кусок, не переставая говорить. – Мы с тобой совсем скоро станем образцовыми примерами тех, кого босс называет патриотами!

– И кого же он так называет?

– Людей, которые вселяют уважение к старому флагу и ассигнованиям.

Он продолжал энергично жевать, а Изабель задумалась. Так и не притронувшись к своей жареной рыбе и даже не сняв перчаток, она сидела, сложив руки под подбородком, и не отрывала взгляда от проплывавшего мимо унылого пейзажа за окном.

– Мы должны мыслить шире, Стэнли, – наконец сказала она.

– О чем ты?

– Перед отъездом из Вашингтона я слышала одну интересную сплетню. Говорят, некоторые промышленники ищут пути, чтобы наладить торговлю с Конфедерацией в случае затяжной войны.

От изумления Стэнли даже выронил вилку, и она с громким стуком ударилась о фарфор.

– Ты ведь не хочешь сказать... – потрясенно проговорил он.

– Как тебе такой план? – как ни в чем не бывало перебила его Изабель, понизив голос. – Представь, что военная обувь частным образом обменивается на хлопок. Сколько обувных фабрик на Юге? Всего ничего, я уверена. А теперь представь спрос и цену, которую ты сможешь

получить за тук хлопка, если перепродашь его здесь. Умножь эту цену на несколько тысяч и вот тогда подумай о прибыли. Она огромна.

– Но такая торговля может быть... – Стэнли почувствовал, как кто-то подошел к столику, и поднял голову. – Мы еще не закончили, юноша. – Он бросил на чернокожего официанта яростный взгляд, и тот сразу ушел. – Она может быть опасна, Изабель, – прошептал он, наклонившись к жене, отчего край столешницы врезался ему в живот. – Хуже того – это предательство.

– А еще прекрасный способ не просто получить прибыль, а заработать целое состояние. – Она легонько похлопала его по пухлой руке, словно заботливая мать, объясняющая что-то своему непонятливому ребенку. – Не отказывайся от такой возможности вот так, сгоряча, милый.

Он и не отказывался.

– Доедай яичницу, пока не остыла.

Он послушно доел.

Глава 22

Он проснулся от какого-то слабого звука и в первую секунду подумал, что это где-то далеко. Напротив посапывал Амбруаз, выводя свои характерные рулады, представляющие собой отвратительную смесь из жужжания и посвистываний.

Чарльз лежал на правом боку. Белье промокло от пота. Духота была ужасающей. Он уже хотел протянуть руку, чтобы толкнуть Амбруаза и прекратить концерт, как вдруг тот же звук, что разбудил его, повторился. Это был гул ночных насекомых и что-то еще... Чарльз задержал дыхание и замер.

Даже вжавшись щекой в подушку, он видел вход в палатку. Полог был откинут. Чей-то силуэт на мгновение перекрыл свет фонаря караульни. Чарльз услышал дыхание незваного гостя.

«Он пришел за саблей».

Обернутая промасленной бумагой сабля лежала на маленьком сундучке в изножье его походной кровати.

«Надо было найти место понадежнее...»

Чарльз собрался с духом, хотя где-то внутри все-таки шевельнулся страх. Из его положения трудно было подняться внезапно, но он сделал это, резко согнувшись в талии. Уже стоя на ногах, он издал громкий рык, надеясь тем самым напугать вора, но вместо этого разбудил Амбруаза. Тот громко завизжал, когда Чарльз прыгнул на скрытого темнотой человека, который уже протягивал руку к сабле.

– А ну, отдай, мерзавец!

Грабитель двинул его локтем по лицу. Из левой ноздри хлынула кровь. Чарльз пошатнулся, а вор выскочил на дорожку с аккуратно расставленными палатками и побежал налево, в сторону от освещенного фонарем караульного поста. Чувствуя, как по лицу течет пот, смешиваясь с кровью, Чарльз погнался за ним.

Ему удалось немного разглядеть злоумышленника. Это был плотный мужчина в белых гетрах. Один из луизианских Тигров Роба Уита! Чарльз вспомнил о предостережении Сербакковского. Но накануне, ужиная с князем, он был слишком расслаблен, чтобы заметить слежку; у него даже мысли не возникло, что кто-то мог видеть саблю, когда подслушивал их разговор, прячась в темноте за москитной сеткой.

Он бежал что было сил. Из носа на верхнюю губу стекала кровь, и он сплевывал ее, не замедляя шага. Бежать по неровной каменистой дороге босыми ступнями было больно, но он не останавливался. Вор оглянулся; его лицо в темноте было похоже на размытое пятно. Чарльз услышал пронзительный крик Амбруаза как раз в тот момент, когда рывком бросился вперед, и его ноги оторвались от земли за мгновение до того, как руки вцепились в пояс бело-синих шаровар.

Крепко выругавшись, грабитель упал лицом вниз; Чарльз рухнул на него сверху, с силой припечатав его ноги к земле. Мужчина выронил саблю и попытался высвободиться, яростно дергая ногами. Наконец ему удалось пнуть Чарльза сапогом по голове, и, пока тот приходил в себя, грабитель вскочил.

Еще не отойдя от удара, Чарльз все-таки схватил зуава за левую ногу и сильным рывком снова подсек его, но, падая, луизианец успел выхватить из-за пояса огромный боуи. Чарльз чудом увернулся от лезвия, которое могло срезать ему полщеки.

Тигр толкнул его, и Чарльз упал, ударившись головой о камень.

– Караульный! – вопил Амбруаз. – Караульный!

Чарльз вполне мог и не дожидаться помощи – он слишком хорошо разглядел грабителя, и тому было выгоднее не оставлять его в живых.

Зуав встал двумя коленями ему на грудь. У него было круглое курносое лицо с загнутыми усами. Пахло от него луком и грязью.

– Ах ты, хлыщ каролинский! – прорычал он, сжимая нож двумя ладонями и направляя острие на горло Чарльза.

Чарльз в отчаянии сцепил руки под его запястьями и попытался отвести удар. Черт, до чего же силен этот мерзавец! Зуав передвинул одно колено на пах Чарльзу и надавил изо всей силы. Почти ослепнув от пота и боли, Чарльз едва видел нож, который был уже в трех дюймах от его подбородка.

В двух дюймах... В одном...

– Боже... – застонал Чарльз, и на глазах его выступили слезы – колено давило все сильнее.

Еще мгновение – и ему перережут горло. Чарльз снова попытался оттолкнуть руку с ножом – теперь уже одной рукой, потому что если поднять вторую...

Он чуть шевельнул левой рукой. Нож продолжал опускаться. И тогда Чарльз нащупал волосы зуава и с силой дернул за них. От неожиданности грабитель громко вскрикнул и ослабил хватку. Вспотевшие пальцы выпустили нож, и, падая, он слегка оцарапал Чарльзу ребра слева. Когда вор попытался встать, Чарльз схватил нож и вонзил лезвие ему в бедро на три дюйма.

Зуав закричал еще громче. Потом быстро перевернулся, вскочил и кинулся в заросли бурьяна за последней палаткой; нож так и торчал из его нарядных полосатых шаровар.

– Капитан Мэйн, вы как, в порядке?

Вставая, Чарльз кивнул рядовому, который первым добежал до него; остальные уже высыпали из палаток и тоже спешили к ним. Из бурьяна доносились громкие стоны и чертыхания.

– Отведите его в лазарет, пусть врачи заштопают ему ногу. Да, и на вторую пусть наденут цепь, а то сбежит до того, как пойдет под трибунал.

– А что он сделал, сэр? – спросил рядовой.

Чарльз запястьем отер с лица кровь.

– Пытался украсть мою саблю.

«Никакого кодекса чести у этих новобранцев, – с горечью подумал Чарльз. – Может, я просто дурак, что надеюсь на войну по правилам?» Он подобрал с земли саблю в ножнах там, где она упала, и, прихрамывая, пошел к своей палатке.

Амбруаз уже окончательно проснулся, был очень возбужден и явно хотел поговорить о том, что случилось. Однако Чарльзу было не до разговоров. Продолжая прижимать к носу обрывок тряпки, он дождался, когда остановится кровь, а потом сказал, что очень устал и ляжет спать. Но не успел он уснуть, как снова вскочил от какого-то шума.

– Да что же это такое, в самом деле? – возмутился он.

Причина шума проявилась быстро. Снаружи нестройный хор мужских голосов распевал «Скачки в Кэмптоне», да так громко, что их можно было услышать в Ричмонде.

– Это серенада в твою честь, Чарли, – прошептал Амбруаз. – Твои ребята. Если не выйдешь и не послушаешь, они обидятся.

Не ожидая ничего хорошего и едва живой от усталости, Чарльз неохотно вышел из палатки и сам поразился, насколько потрясла его та дань уважения, которую пришли выразить его солдаты. Ветер с побережья развеял туман, на небе показалась луна, и он отчетливо видел лица людей, стоявших перед ним. Должно быть, они услышали о происшествии и теперь чувствовали своего командира традиционным способом.

Некоторые из них, мысленно уточнил Чарльз; он насчитал одиннадцать человек.

Амбруаз приплясывал, как мальчишка, аккомпанируя певцам на флейте. Чарльз сказал ему, обернувшись через плечо:

– За серенаду обычно положена награда. Достанешь наш личный запас виски?

– С радостью, Чарли! Конечно достану.

Его подчиненные наконец-то признали его. Что ж, пока это продолжается, он может хотя бы получить удовольствие.

Глава 23

Джордж приехал в Вашингтон в понедельник, первого июля. Поселившись в отеле, он нанял экипаж и отправился в район огромных домов, стоявших далеко друг от друга на больших участках земли. Кучер показал ему резиденцию Маленького Гиганта, где тот жил так недолго. Стивен Дуглас умер в июне, до последних дней поддерживая президента, соперником которого он был всего год назад, когда тоже выставял свою кандидатуру.

Свободного жилья в Вашингтоне почти не осталось. Стэнли и Изабель просто повезло, когда они случайно услышали об одной вдове со слабым здоровьем, которая больше не могла жить одна. Она переехала к родственнице, а Стэнли подписал договор о годовой аренде ее дома. Об этом он сообщил в своем недавнем письме, чопорный тон которого заставил Джорджа предположить, что оно написано по настоянию Кэмерона – вероятно, чтобы сохранить в его ведомстве благоприятную атмосферу. «С какой стати этот старый бандит вмешивается?» – с раздражением подумал Джордж. И все же письмо, где был указан адрес, требовало какого-то отклика, то есть обязательного визита, столь же привлекательного, как осуждение на казнь.

– Неплохой домик, – сказал кучер, когда они подъехали.

«Неплохой домик» Стэнли оказался шикарным особняком, как и все дома поблизости.

Дворецкий сообщил Джорджу, что мистер и миссис Хазард уехали в Новую Англию. Держался он высокомерно и даже чуть снисходительно. Наверное, берет пример с Изабель, подумал Джордж с веселым раздражением.

В холле он заметил нераспакованные ящики. Очевидно, семья Стэнли переехала сюда совсем недавно. Джордж оставил слуге свою карточку и снова сел в карету. Приезжать во второй раз не было необходимости – во всяком случае, в ближайшее время.

Обедая в ресторане отеля, Джордж случайно услышал разговор о старом генерале Паттерсоне, который, по слухам, собирался выступить из Харперс-Ферри в долину Шенандоа. В своем номере Джордж попытался прочитать последний номер «Сайнтифик Америкэн», но не смог сосредоточиться. Он нервничал из-за встречи, назначенной на завтрашнее утро.

В половине десятого он подъехал к пятиэтажному зданию Уиндер-билдинг на углу Семнадцатой улицы, напротив Президентского парка. Кирпичные стены были покрыты новой штукатуркой, на втором этаже появился балкон с кованой решеткой. Разглядывая новшества, Джордж решил, что им недостает стиля. Он не мог производить все железные изделия в Америке, но ему часто этого хотелось.

Он прошел мимо караульных, охранявших кабинеты важных правительственных чиновников; генерал Скотт был одним из них. Войти в это здание было все равно что нырнуть в море в солнечный день. Поднимаясь по темной железной лестнице, Джордж отметил дурное состояние деревянных панелей на стенах и облупившуюся краску.

Все скамейки второго этажа были заняты людьми в штатском, которые держали в руках пухлые папки или рулоны чертежей. С некими загадочными поручениями от двери к двери сновали служащие в форме или в гражданской одежде. Джордж остановил какого-то капитана, и тот указал ему нужную дверь, за которой оказалось просторное помещение с каменным полом, где царил ужасный беспорядок. За столами, выстроенными в длинные ряды, сидели люди; одни что-то вдохновенно писали, другие с серьезным видом перекладывали бумаги. Два лейтенанта спорили о глиняных моделях пушек.

Им с Уотерспуном все-таки удалось найти ошибку в процедуре отливки, да и создание банка продвигалось вполне гладко, поэтому Джордж приехал сюда с чистой совестью, хотя в какой-то момент испытал острое желание сбежать.

К нему подошел офицер средних лет, излучавший важность:

– Хазард? – (Джордж ответил утвердительно.) – Начальника артиллерийского управления пока нет. Я капитан Менадье. Вам придется немного подождать, можете присесть пока здесь, рядом со столом полковника Рипли. К сожалению, у меня нет времени, чтобы поговорить с вами. Я служу в этом управлении пятнадцать лет и ни разу не успевал вовремя подготовить все документы. Документы – проклятие Вашингтона.

Капитан отошел, переваливаясь с ноги на ногу, и начал что-то сосредоточенно искать в бумажных горах, украшавших его стол. Кто-то говорил Джорджу, что Менадье тоже выпускник Академии, но хотя и считалось, что вестпойнтовцы навсегда сохраняют верность кадетскому братству, для этого человека он был рад сделать исключение.

Через двадцать минут ожидания в коридоре послышались громкие голоса:

– Полковник Рипли!

– Уделите мне минуту, пожалуйста...

– Могу я показать вам это?..

– Нет времени!

Вслед за раздраженным голосом в комнате появился сам полковник Рипли, не менее раздраженный. Это был далеко не молодой человек с заостренными чертами лица. Родом он был из Коннектикута и окончил Академию в 1814 году. Начальник артиллерийского управления в свои шестьдесят шесть лет нес бремя службы с откровенным неудовольствием.

– Хазард, верно? – рявкнул он, когда Джордж встал. – Для вас у меня тоже мало времени. Хотите получить эту должность или нет? Пока побудете в чине капитана, потом выхлопочем вам внеочередное звание. Это нужно всем моим офицерам. Кэмерон хочет, чтобы вы служили здесь, так что, полагаю, ничего, кроме «да», вы сказать не можете.

Шляпа и перчатки за это время успели упасть на стол. Недовольный тон Рипли мог бы показаться забавным любому, кто не имел отношения к этому департаменту. Но здесь, в этой комнате с высоким потолком, при его появлении мгновенно повисла напряженная тишина – или это был страх?

– Садитесь, садитесь, – сказал полковник. – У завода Хазардов контракт с нашим управлением, не так ли?

– Да, сэр. И мы работаем по графику.

– Хорошо. Большинство наших поставщиков так бы не ответили. Что ж, спрашивайте. Поговорим, пока есть время. Мы с вами должны быть в парке через полчаса. Министр желает вас видеть, а поскольку именно он поставил меня на эту должность два месяца назад, мы пойдем туда вместе.

– У меня действительно есть один важный вопрос, полковник. Вы знаете, что я по профессии металлург. Как это может пригодиться мне здесь? Чем я буду заниматься?

– Прежде всего следить за выполнением контрактов по артиллерии. Кроме того, вы ведь руководите огромным производством, а значит, обладаете немалыми организаторскими способностями. Нам здесь такие качества очень пригодятся. Вы только взгляните на этот бедлам, который мне достался! – воскликнул он, красноречивым жестом обводя рукой комнату.

Менадье, чей стол стоял рядом, возобновил атаку на бумажные горы с торопливостью, близкой к иступлению.

– Я буду рад вашему присутствию здесь, Хазард, – продолжал Рипли, – если только вы не начнете докучать мне разными новомодными идеями. На них у меня нет времени. Самое лучшее оружие – это проверенное оружие.

Еще один Стэнли. Ярый противник перемен. Начало явно неутешительное. Джордж начал понимать, почему критики полковника называли его Рипли ван Винкль.

Они обсудили жалование и сроки, в которые он смог бы приступить к своим обязанностям, то есть те подробности, которые Джордж как раз считал несущественными. Когда пол-

ковник посмотрел на карманные часы и сообщил, что они на две минуты опоздали на встречу с Кэмероном, настроение Джорджа уже было безнадежно испорчено.

Пробиваясь сквозь толпу просителей, они быстро пошли по коридору. Несколько самых настырных поставщиков побежали за Рипли вниз по лестнице, галдя, как чайки над рыбацкой лодкой. Один из них, кричавший что-то о своем великолепном центробежном пулемете, который обладает просто невиданной скорострельностью, размахивая рулоном из чертежей, даже сбил с Джорджа шляпу.

– Изобретатели! – кипел Рипли, когда они пересекали дорогу. – Их бы всех отправить назад в тот сумасшедший дом, из которого они сбежали...

Еще одно новшество, без сомнения бесившее полковника, сейчас парило над деревьями Президентского парка. Его пустая корзина для наблюдений была прикреплена к земле длинными канатами. Это был аэростат «Энтерпрайз», о котором в прошлом месяце много писали газеты. Здесь он был выставлен всего несколько дней назад; и, как говорили, Линкольн очень интересовался возможностью использования его для наблюдения за вражескими войсками.

Джордж с восторгом разглядывал аэростат, он видел такой только однажды на ярмарке в Бетлехеме. «Энтерпрайз» был сшит из ярких клиньев плотного шелка и наполнен водородом. Газ вырабатывался тут же, недалеко: среди деревьев, за толпой из мамаш с детьми, государственных чиновников и нескольких чернокожих, Джордж заметил фургон с деревянными цистернами, в которых серная кислота смешивалась с железными опилками.

Рипли прошествовал через толпу с таким видом, который, безусловно, должен был показать всем важность его персоны. Саймона Кэмерона они застали за беседой с каким-то мужчиной лет тридцати, в длинном льняном плаще. Еще до того, как все официальные церемонии представления были закончены, молодой человек порывисто схватил руку Джорджа и с чувством пожал ее:

– Я профессор Тадеуш Собески Константин Лоу. Для меня огромная честь познакомиться с вами, сэр. Хотя я живу в Нью-Гэмпшире, мне хорошо известно ваше имя, а также то, какое высокое положение вы занимаете в промышленном мире. Вы позволите мне изложить свой план создания разведывательных аэростатов? Я надеюсь, заинтересованные граждане его поддержат и главнокомандующий согласится...

– Генерал Скотт рассмотрит ваше предложение, – перебил его Кэмерон. – Вам больше незачем устраивать подобные демонстрации. – Улыбку старого политика следовало расценивать как намек на то, что подобные демонстрации недопустимы на правительственной территории. – Прошу меня извинить, профессор, но мне нужно обсудить дела с нашим гостем.

И он увлек Джорджа в сторону с таким видом, словно они были давними политическими союзниками, а не оппонентами. Рипли поспешил за ними.

– Неплохо поболтали с полковником, Джордж?

– Да, господин министр.

– Саймон. Мы же старые друзья. Послушайте... я знаю, вы со Стэнли не всегда ладите. Но ведь сейчас война, и мы должны на время забыть о наших личных распрах. Возьмите меня – я вообще никогда не думаю о прошлом. Кто уж там голосовал против меня в моем родном штате, а кто нет... – Небрежно взмахнув рукой, Кэмерон перешел к делу. – Рипли очень нужен человек для работы с поставщиками. Такой, чтобы хорошо знал металлургию и говорил с промышленниками на одном языке... – Он повернулся к Джорджу лицом, прищурившись от яркого июльского солнца, и после короткой паузы продолжил: – Если мы не хотим увидеть, как погибнет эта страна, мы все должны подставить плечи под тяжкую ношу борьбы за ее сохранение.

«Вот только не надо читать мне проповеди, прохвост несчастный», – подумал Джордж.

Но в то же самое время душа его откликнулась на призыв. Слова-то были правильные, и не важно, что их произносил не тот человек.

Стоявший рядом Рипли громко хмыкнул:

– Ну, Хазард? Что решили?

– Вы были очень любезны, посвятив меня в практическую сторону этой работы. Но я бы все-таки предпочел обдумать все как следует до завтрашнего дня.

– Что ж, вполне разумно, – согласился Кэмерон. – С нетерпением буду ждать вашего решения, Джордж. Уверен, оно меня порадует. – Он снова хлопнул гостя по плечу, после чего удалился.

На самом деле Джордж уже все решил. Да, он примет предложение, но возьмет с собой груз сомнений. Как бы это ни было глупо, он чувствовал, что поступает неблагородно, и это угнетало его.

Рипли обернулся на шум – профессор Лоу отгонял каких-то сорванцов от раскачивающейся корзины аэростата.

– Нет у нас времени на такую чушь во время войны, – недовольно сказал полковник, когда они с Джорджем выходили из парка. Что он имел в виду – аэростаты или детей, – Джордж уточнять не стал.

Позже в тот же день Джордж нанял лошадь и поехал на другой берег Потомака, следуя указаниям, данным ему Бретт. Однако найти строительную роту капитана Фармера ему так и не удалось, а поскольку дела требовали, чтобы он успел на семичасовой вечерний поезд, он неохотно повернул обратно. Повсюду рядом с фортификационными сооружениями он видел палаточные гарнизоны и солдат, занятых строевой подготовкой. Это напомнило ему Мексику, с одной только разницей – люди, неуклюже выполняющие команды «налево-направо-кругом», были уж слишком молоды.

Глава 24

Несколько дней спустя в особняке на Первой улице Изабель пила чай в комнате, которую выбрала для себя при первом же осмотре дома. В течение часа, начиная с четырех, она запрещала кому бы то ни было тревожить ее, пока она наслаждалась чаем и читала газеты.

Это был ежедневный ритуал, который Изабель считала жизненно необходимым в этом огромном муравейнике. Уже довольно скоро она поняла основные правила выживания в Вашингтоне. Избегать прямолинейности в высказываниях. Никогда не предавать огласке чье-то настоящее мнение – это мог услышать не тот, кто надо. Также очень важно предугадывать смещение баланса сил. Стэнли в этом отношении был не чувствительнее корки сыра, а значит, его жене, отстраненной от повседневной деятельности правительства, приходилось полагаться на газеты. На балах и приемах, да и от самого Стэнли, можно было узнать куда меньше.

Сегодня, например, Изабель нашла напечатанный текст президентского послания к конгрессу в честь Дня независимости. В нем назойливо повторялись слова о причинах войны. Разумеется, Линкольн всю вину возлагал на Юг, в который раз утверждая, что на самом деле Конфедерации совсем не нужен был форт Самтер, не имевший никакого стратегического значения. Горячие головы просто придумали ложный повод для патриотической гордости, в результате чего Юг начал спешно проверять, «может или не может конституционная республика, или демократия, то есть власть народа, сохранять свою территориальную неприкосновенность перед лицом своих врагов».

Изабель всегда ненавидела этого обезьяноподобного выскочку, но теперь, читая его заявление о поиске законных средств для быстрого и окончательного решения конфликта, она просто задыхалась от ненависти.

О каких законных средствах он говорил, если сам еще недавно просил Смита приостановить действие закона о неприкосновенности личности на определенных военных территориях между Вашингтоном и Нью-Йорком? Все заявления этого человека были пустой болтовней. Он уже вел себя как император.

Два раздела послания, впрочем, даже порадовали Изабель. Хотя Линкольн выражал надежду на короткую войну, он все же просил конгресс выделить в его распоряжение четыреста тысяч солдат. За этой цифрой Изабель уже видела восемьсот тысяч ботинок Джефферсона.

Не пощадил президент и военные академии:

«Стоит отметить, что в это тяжелое для правительства время немалое количество обласканных им офицеров армии и флота оставили службу, доказав тем самым несостоятельность взрастивших их учебных заведений».

Великолепно. Когда приедет ее эгоистичный деверь, уж она-то придумает, как повыгоднее использовать эту важную информацию. Новость о том, что Джордж согласился переехать в Вашингтон, ждала их, когда они вернулись из Новой Англии. Узнала Изабель и о том, что он заезжал в их особняк с визитом фальшивой вежливости, и все из-за того примирительного письма, которое Кэмерон заставил написать Стэнли, и это несмотря на то, что родной брат выставил его из дома. Изабель до сих пор приходила в бешенство, думая об этом.

Джордж оставался верен Вест-Пойнту, хотя многие влиятельные люди настаивали на закрытии Академии. Большинство из них принадлежали к некоей новой группировке, представляющей собой союз сенаторов, конгрессменов и штабных офицеров из крайнего аболиционистского крыла Республиканской партии. Поговаривали, что к ним примкнул и отец Кейт Чейз, а также этот косолапый старый болван из их родного штата – конгрессмен Тад Стивенс.

Как именно все это можно использовать против Джорджа, Изабель пока еще точно не знала. Но использовать надо непременно.

Изабель наблюдала за тем, как новая радикальная группировка медленно набирает силу. Она уже знала некоторые факты, и одним из самых важных был тот, что хитрец Кэмерон не имел никаких рычагов давления на них.

Радикалы призывали к агрессивной войне и жестким условиям после победы. Линкольн же придерживался других взглядов и на войну, и на рабство. Он не выступал за свободу для всех негров, чтобы те начали грабить и насиловать или отнимать работу у белых. Изабель тоже этого не хотела. Однако это не мешало ей, находясь в кругу радикалов, рассуждать об определенных выгодах такого решения.

За ужином в тот вечер она заговорила о послании Линкольна:

– Он в точности повторяет то, что мы уже слышали от некоторых конгрессменов. Вест-Пойнт воспитывает предателей за государственный счет, поэтому его следует закрыть. Эту точку зрения можно использовать против твоего брата.

Необычная веселость Стэнли бесила Изабель – с тех пор как они вернулись домой, он постоянно улыбался и как будто не слышал ее.

– Да зачем же мне вредить Джорджу теперь? – спросил он.

– Ты разве забыл, как он вечно оскорблял тебя? И твою жену.

– Нет, конечно, но...

– Вот и представь, что он приедет сюда и начнет самоутверждаться за твой счет в своей обычной манере.

– А если и так? Артиллерийское управление подчиняется военному министерству. Я стою выше по положению, чем он. И я близок с Саймоном, не забывай об этом.

Неужели этот дурак думает, что находится в безопасности? Но прежде чем Изабель успела рыкнуть на него, Стэнли продолжил:

– И вообще, хватит о Джордже. Я сегодня получил две хорошие новости с дневной почтой. Адвокаты, которых мы наняли в Линне, конечно, те еще продувные бестии, но они все-таки сумели найти нужных людей и заплатить им. Передача собственности пройдет быстро. Пеннифорд говорил мне то же самое. Уже через месяц у нас будет фабрика, готовая работать в две смены. И никаких проблем с рабочей силой. На каждое место по два-три претендента. Мы даже можем нанимать детей, они дешевле.

– Прекрасно! – усмехнулась Изабель. – У нас есть все, что нам нужно. Кроме контракта. Стэнли сунул руку в карман:

– И он тоже есть.

Изабель редко изумлялась так, чтобы терять дар речи, но сейчас произошло именно это. Стэнли протянул ей перевязанный ленточкой документ с таким видом, словно добыл его в бою.

– Как же это... замечательно... – вяло проговорила она.

Никакой радости Изабель не испытывала – одно только удивление, смешанное с тревогой. Стэнли, которого она всю жизнь считала рохлей, получил контракт без чьей-либо помощи. Неужели этот город или его работа сделали ее мужа тем, кем он никогда не был? Настоящим мужчиной. Даже предположить такое было очень неприятно.

Глава 25

В первую неделю июля умер Сербакровский.

Друзья-офицеры похоронили его в гробу из непросохших сосновых досок. Подвода, которой правил не военный кучер, привезла двух бородатых мужчин в густо украшенной галунами форме. По-английски русские почти не говорили и предъявили пропускные документы, подписанные властями и Союза, и Конфедерации. Легкость, с какой они добрались из Вашингтона после полученного с нарочным известия, лишь подтверждала то, что Чарльз уже не раз слышал: миновать все линии обороны с обеих сторон было не так уж трудно.

Беспечный князь, избежавший смерти в многочисленных боях, был сражен детской болезнью. Она косила солдат в огромных количествах, это была уже настоящая эпидемия. Ее жертвы слишком быстро вставали с постели, думая, что у них просто легкая сыпь, но уже очень скоро болезнь возвращалась, неся с собой смертельную лихорадку. Врачи ничего не могли сделать.

Когда скрипучая подвода укатила в жаркие сумерки, Амбруаз с Чарльзом направились к маркитанту, чтобы выпить за усопшего. После четвертого бокала Амбруаз настоял на том, чтобы они купили по экземпляру «Ричмондского песенника» – подобные сборники теперь продавались по всей армии. Сунув книжонку в карман, Чарльз заметил на пальцах черные пятна. Так и есть – чернила поплыли! Быстрота и расчетливость в эти дни были на первом месте.

Когда они вернулись в свою палатку, их ждал неприятный сюрприз. Тоби исчез, прихватив с собой лучшие сапоги хозяина и множество его личных вещей. Разъяренный Амбруаз тут же побежал в штаб, а Чарльз, чуя неладное, поспешил в лагерь Тигров, который находился неподалеку. Разумеется, палатки князя там уже не было, как и двух его слуг.

– Спорю на годовое жалованье, что Тоби и эта парочка смылись вместе, – сказал он позже Амбруазу.

– Само собой! Бельгийцы сделают вид, что Тоби – их раб, и смоются с ним через Потомак под крылышко Старины Эйба. Полковник разрешил мне отбыть из лагеря и попытаться вернуть свою собственность. – Вид Амбруаза подсказал Чарльзу, что это лучше не обсуждать.

Чарльз опустил на койку, расстегивая рубашку. Смерть князя, подлое воровство, томительное ожидание – все это угнетало его. Он ни минуты не верил, что Тоби еще удастся найти, и даже саму попытку считал излишней, но ему нестерпимо хотелось хоть каких-то перемен.

– Черт, я бы поехал с тобой, если б мог.

– Чарли, какой же ты благородный человек!

– Утром сразу же поговорю с полковником, – пообещал Чарльз, желая только одного: заснуть и обо всем забыть.

– Я не возражаю против того, чтобы вы помогли Пеллу, – сказал Хэмптон на следующее утро, – при условии, что ваши подчиненные и первый сержант справятся с учениями без вас.

– Разумеется, справятся, сэр... хотя мне, конечно, не хотелось бы отсутствовать, если мы вдруг получим приказ о выступлении.

– Я не знаю, когда мы будем сражаться, и будем ли вообще, – ответил Хэмптон с необычной для него желчностью. – Мне никто ничего не говорит. Если вы отправитесь на север, то окажетесь ближе к янки, чем я, и, возможно, увидите хоть какую-то активность. Пусть капитан Баркер выпишет вам пропуск, и возвращайтесь как можно скорее.

Чарльз отметил темные круги под глазами полковника. Усталость явно давала о себе знать. Хэмптону приходилось не только командовать полком, но и каждый вечер ездить на ричмондские укрепления.

Они с Амбруазом выехали в восемь утра. Чарльз надел кивер, что делал редко; с собой взял карабин, легкую кавалерийскую саблю и запас еды на два дня. Отлично отдохнувший за ночь, Бедовый резвился на утренней прохладе. Он был здоров, в полку хватало сушеной кукурузы, а гарнизон окружали прекрасные пастбища с сочной травой.

Чарльз никогда не думал, что сможет полюбить кого-то или что-то по-настоящему глубоко, но к своему небольшому и ни на кого не похожему серому неожиданно привязался все-речь. Он понял это, когда потратил отложенные на выпивку деньги на покупку мелассы, чтобы добавлять ее в корм Бедовому. А еще когда по целому часу обтирал его обрезком самой мягкой попоны, какую только мог найти, хотя хватило бы и пятнадцати минут. Или когда все свободное время чистил его скребницей или расчесывал коню гриву. Окончательно это стало ясно ему после случая, когда один недобросовестный рядовой во время кормления поместил Бедового вместе с гнедыми кобылами. Началась драка, и Чарльз бросился в скопище фыркающих лошадей, чтобы вывести серого в безопасное место. Сначала он выбрал рядового, а потом прочитал ему целую лекцию о том, почему при кормежке никогда нельзя смешивать кобыл и меринов.

Утро выдалось теплым, дул легкий, приятный ветерок, и даже не верилось, что где-то может идти война. По пути они расспрашивали о беглецах в деревнях и на фермах и, в общем, особо не торопились. Несколько раз патрули проверяли у них пропуска, а еще Чарльз настоял на том, чтобы они чаще останавливались и поили лошадей, – летом животным требовалось не меньше двенадцати галлонов воды в день. Во время остановок Чарльз следил за тем, чтобы Бедовый находился в тени, а его копыта – в воде, чтобы избежать растрескивания. Серый, казалось, уже вот-вот готов был заговорить, когда Чарльз, дразня его, несколько раз совал руку в карман, а потом наконец доставал оттуда кусок каменной соли, которую Бедовый тотчас начал лизать с довольным видом.

Так они и ехали, пока солнце слева от них не начало клониться к закату над хребтом Блу-Ридж. Амбруаз затянул своего любимого «Лохинвара», и Чарльз с воодушевлением присоединился к нему.

На следующее утро они добрались до округа Фэрфакс, еще больше приблизившись к месту расположения армии Борегара под Манассасом. Эта крошечная нежилая станция имела огромное стратегическое значение, так как располагалась на перекрестке важных железнодорожных путей, следовавших через долину реки Шенандоа дальше, в сторону Александрии и Оринджа. Поиски беглецов зашли в тупик. Сколько бы они ни спрашивали, никто не видел подходящих под описание двух белых и одного негра, а в таком скоплении узких долин, лесов, извилистых маленьких тропок, да и просто укромных мест, спрятаться было проще простого.

В два часа пополудни Чарльз заявил:

– Нет смысла продолжать. Мы их потеряли.

– Чертовски не хочется это признавать, но, похоже, ты прав, – вздохнул Амбруаз. – А как ты отнесешься к тому, чтобы сделать привал вон на той ферме у поворота? – Он взгляделся в даль, прищурившись от слепящего света. – Моя фляга пуста.

– Ладно, только потом сразу едем назад. Мне кажется, минуту назад я видел синее пятно на том гребне.

Чарльз не знал, насколько близко они подступили к позициям янки, и не смог бы показать их местоположение, если бы его попросили. Хороших карт в то время еще не существовало.

Они проехали четверть мили до аккуратного белого домика, за которым начинался густой лес. С севера от фермы простирались вспаханные поля. Чарльз придержал Бедового, пуская его шагом:

– Осторожно, Амбруаз. Похоже, там еще какие-то гости.

Он кивнул в сторону затенявшего заднюю часть дома большого вяза, к которому была привязана лошадь, запряженная в двуколку. Когда они повернули к крыльцу и спешили,

Чарльзу показалось, что занавеска на окне чуть дрогнула. У него появилось нехорошее предчувствие.

Привязав Бедового и взяв карабин, он поднялся на крыльцо; шпоры негромко позвякивали в безмятежной тишине летнего дня. Он постучал в дверь. Подождал. Внутри послышалось какое-то движение и приглушенные голоса.

– Встань сбоку и держи оружие наготове, – шепнул он.

Подняв карабин, Амбруз скользнул к стене; по лицу его стекал пот. Чарльз постучал еще раз, сильнее.

– Какого черта вы тут такой шум подняли? – Дверь наконец открылась, и они увидели бедно одетого старика, который стоял в проеме, словно нарочно загораживая то, что скрывалось в тени внутри дома.

– Прошу прощения, сэр, – ответил Чарльз, сдерживаясь, чтобы не вспылить. – Я капитан Мэйн, из легиона Уэйда Хэмптона. А это первый лейтенант Пелл. Мы ищем беглого негра и двух белых, бельгийцев, они могли проходить здесь по пути в Вашингтон.

– С чего это вы взяли? Да, эта дорога ведет к Беннингс-Бридж, но туда ведет куча других дорог.

– Я не понимаю вашей враждебности, сэр, – сказал Чарльз, с каждой секундой настораживаясь все сильнее. – На чьей вы стороне?

– На вашей. Но у меня полно дел. – Он шагнул назад, чтобы захлопнуть дверь.

Чарльз толкнул ее плечом. Старик с криком упал на спину. Пожилая женщина, напоминая своим грузным телом небольшого кита, издала тонкий, пискливый возглас, не соответствующий ее комплекции. Неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, она загородила собой вход в маленькую гостиную, чтобы Чарльз не мог увидеть то, что внутри. Но ему хватило его высокого роста.

– Мы попались, мисс Барклай, – в ужасе пробормотала женщина.

– Не надо было держать его снаружи так долго. Если только это не переодетый Макдауэлл, то он один из наших.

Негромкие слова второй женщины на мгновение ошеломили и смутили Чарльза. Она говорила как уроженка Виргинии, но вид этой молодой особы казался более чем подозрительным. Ее верхняя юбка была поднята, а на нижней, наброшенной на кринолин, он увидел небольшие, но заметно выпуклые карманы. Рядом на стуле лежали четыре кожаных мешочка, завязанные шнурками. Чарльз сразу все понял и едва не рассмеялся. Контрабандистов ему еще не доводилось видеть, не говоря уже о таких симпатичных.

– Капитан Чарльз Мэйн, мэм. Из...

– Из легиона Уэйда Хэмптона. У вас громкий голос, капитан. Вы пытаетесь натравить на нас янки?

Говоря это, женщина улыбалась, но отнюдь не приветливо. Чарльз совершенно не представлял себе, что делать в такой ситуации. Он повнимательнее рассмотрел незнакомку. Ее скромное платье не выглядело дешевым, хоть и измялось в дороге. Лет ей было примерно столько же, сколько ему. Высокая и статная, эта голубоглазая женщина с пышной грудью и светлыми кудрявыми волосами каким-то невероятным образом сочетала в себе слегка грубоватую силу и чертовскую привлекательность. У Чарльза вдруг закружилась голова. Но он вовремя вспомнил о долге.

– Могу я задать вам несколько вопросов, мэм?.. Да, позвольте вам представить, – добавил он, когда Амбруз вошел в комнату; старый фермер с женой неловко топтались сзади. – Первый лейтенант Пелл.

– Я видела, как он прихорашивался перед зеркалом в прихожей. Держу пари, вы оба из Южной Каролины, вам даже говорить об этом не надо.

– Не потрудитесь ли и вы сообщить нам ваше имя?

– Миссис Августа Барклай, округ Спотсильвейни. Моя ферма рядом с Фредериксбергом, если вас это интересует.

– Но мы сейчас в Фэрфаксе... – начал было Чарльз.

– О боже! – перебила она его. – Вы мне еще урок географии преподайте, с вас станется, с вашими дурными манерами. – Она принялась доставать мешочки из нижней юбки. – У меня нет времени на разговоры с вами, капитан. Боюсь, за мной гонятся всадники. Янки. – Хлоп-хлоп – мешочки один за другим падали на стул.

– Вдова Барклай ездила в Вашингтон, – сказала жена фермера. – С тайным благотворительным поручением для...

– Тихо! Ни слова больше! – рыкнул на нее фермер.

– Ну почему же? – отрывисто сказала молодая женщина, продолжая вынимать мешочки. – Может, если он узнает, чем мы занимаемся, то поможет нам, вместо того чтобы стоять тут как горделивый столб и ждать восхищения. – Голубые глаза одарили Чарльза таким презрением, что он утратил дар речи, а блондинка как ни в чем не бывало обратилась к хозяевам дома: – Не надо было назначать встречу так близко к Потوماку. Когда они на мосту добрых десять минут изучали мои документы, я уж испугалась, что весь план раскроется. Один сержант так пялился на мои юбки, что едва дырку не прожег, а ведь я не такая уж красавица.

– Мне бы хотелось знать, что в этих мешочках, – сказал Чарльз.

– Хинин. Его полным-полно в Вашингтоне, но почти нет в Ричмонде. А он будет отчаянно необходим, как только начнутся настоящие бои. И я не единственная женщина, которая этим занимается, капитан. Далеко не единственная.

Звякнув шпорами, Амбруаз прошел через комнату к окну. Приятная внешность и патриотизм вдовы Барклай нравились Чарльзу, а вот ее острый язычок – нет. Она напомнила ему Вирджилию, сестру Билли Хазарда.

Чарльз повернулся к пожилой паре.

– Вы, безусловно, можете помочь ей, если хотите, – сказал он фермерше.

Толстуха прошла мимо него, опустилась на колени за спиной Августы Барклай и сунула голову ей под юбку. Мешочки стали падать на стул в два раза чаще.

– Весьма любезно с вашей стороны, – все с тем же сарказмом произнесла вдова. – Но я не шутила, когда говорила о погоне.

– И черт меня побери, если это не так! – воскликнул Амбруаз, глядя в северное окно.

Он с тревогой махнул рукой Чарльзу, и когда тот подошел, то увидел через плечо лейтенанта облако пыли на дороге за небольшим холмом в паре миль от дома.

– Похоже, действительно янки. Скачут во весь опор. – Чарльз задернул занавеску и повернулся к женщинам, которые все еще пытались справиться с мешочками. – Простите меня за резкие слова, дамы. – Он надеялся, что миссис Барклай поймет, что это обращение относилось в основном к ней, и в качестве подтверждения этому получил легкий кивок. – Мне бы хотелось, чтобы вы до конца выполнили свою благородную миссию, но, если мы не поторопимся, это вряд ли получится.

– Осталось чуть-чуть... – задыхаясь, сказала хозяйка; мешочки уже летели как попало.

Чарльз жестом велел фермеру собрать их и спросил:

– Где тут самое надежное место, чтобы все спрятать?

– На чердаке.

– Так поспешите. Амбруаз, выйди и откати коляску за деревья. Если не успеешь вернуться, до того как янки тебя увидят, останься снаружи. Вы закончили, миссис Барклай?

Она опустила и расправила верхнюю юбку, пока жена фермера складывала мешочки на руки мужа.

– Достаточно иметь глаза, чтобы узнать ответ, капитан.

– Избавьте меня от ваших колкостей и ступайте в дровяной сарай за домом. Спрячьтесь там и помалкивайте. Если сможете, конечно. – Как ни странно, ей понравились его слова, и она даже улыбнулась.

Фермер уже шел к лестнице наверх. Снаружи скрипнули колеса – Амбруаз тронул с места двуколку. Августа Барклай быстро вышла наружу.

Чарльз снова бросился к северному окну. Теперь он отчетливо видел всадников в темно-синих мундирах. Их было шестеро, и они во весь опор неслись к ферме. Чарльз почувствовал, как вспотели ладони.

Фермер снова спустился вниз.

– У вас в кухне есть вода? – спросил Чарльз хозяйку.

– Да, бадья с ковшиком.

– Принесите полный ковш. А потом замрите оба.

Он отбросил в сторону кивер и вскоре вышел на крыльцо, небрежно перекинув ремень карабина через согнутую левую руку, а правой сжимая ковш с водой. Завидев его, подъехавшие всадники тут же выхватили сабли и револьверы. Лейтенант, возглавлявший отряд, поднял руку.

Тот момент, когда Чарльза могли застрелить, миновал так быстро, что все закончилось прежде, чем он успел это осознать. Чарльз прислонился к столбику крыльца; сердце колотилось так, что он почти ничего не слышал.

Глава 26

Всадники съехали с дороги, поднимая пыль, которую тут же подхватывал ветер. В грудь Чарльза развернулось несколько револьверов.

Красный как рак от невыносимой жары, лейтенант подъехал к крыльцу. Чарльз отпил воды из ковша и чуть опустил руку, прижимая ее к ребрам, чтобы скрыть дрожь. Он уже где-то видел этого молодого офицера из армии Союза, только не мог вспомнить где.

– Добрый день, сэр, – сказал лейтенант.

Его голос слегка сорвался. Чарльз не стал смеяться и даже не улыбнулся. Нервные или неуверенные в себе люди часто действуют не задумываясь.

– Добрый день, – ответил он с вежливым кивком.

Его взгляд скользил по лицам всадников. Четверо были настолько юны, что, скорее всего, даже еще не брились. Двое отвели глаза – эти были не опасны.

Своим молчанием Чарльз вынудил молодого офицера заговорить первым.

– Второй лейтенант Прево, Джорджтаунский драгунский полк. К вашим услугам.

– Капитан Мэйн, кавалерийский легион Уэйда Хэмптона. К вашим услугам.

– Могу я поинтересоваться, сэр, что офицер мятежников делает рядом с Потомаком?

– Мне не нравится слово «мятежники», сэр, но я охотно отвечу на ваш вопрос. Два дня назад сбежал мой раб, которого я привез с собой из Южной Каролины... Должно быть, отправился искать вождя свободной земли на земле янки. Я пытался догнать его, но теперь вижу, что опоздал. Его уже и след простыл.

Лейтенант заметил двух привязанных лошадей:

– Вижу, вы отправились в погоню не в одиночку.

– Да, мой первый лейтенант в доме, отдыхает. – Где же, черт побери, он видел этого зеленого юнца?!

– Вы сказали, ваш раб сбежал?

– Эти бунтовщики не отказывают себе в роскоши, а, лейтенант? – ухмыльнулся щербатый капрал с огромным драгунским револьвером.

«Дурной взгляд у этого типа, – подумал Чарльз. – Да и револьвер такой, что может запросто в клочья разнести. Надо бы за ним последить».

Не реагируя на ехидные слова капрала, Чарльз как ни в чем не бывало ответил лейтенанту:

– Да, и теперь чертовски зол.

– Вот-вот, из-за того и война, – не унимался капрал. – Хотите, чтобы негры вам и дальше сапоги чистили, а вы бы своих черных девок трахали, когда вам вздумается, и...

Лейтенант оборвал его и уже хотел отчитать за грубость, как Чарльз вдруг резко швырнул черпак за землю и заявил:

– Лейтенант Прево, если вы прикажете вашему человеку слезть с седла, я отвечу на его замечание тем способом, который ему будет понятен.

Он свирепо посмотрел на капрала и потянулся к эфесу сабли. Возможно, глупо было так блефовать, но если бы эти парни почувствовали его страх и действительно спешили, они бы наверняка обыскали ферму, и тогда миссис Барклай пришлось бы худо.

– В этом нет необходимости, сэр, – ответил Прево. – Мой капрал будет молчать.

Щербатый что-то проворчал, со злостью уставившись на Чарльза.

– Признаюсь, я отчасти разделяю ваши чувства, капитан, – уже более расслабленно продолжал лейтенант. – Я родом из Мэриленда. У моего брата там ферма, и двое его рабов тоже сбежали. Когда набирали этот отряд, почти треть ребят отказалась давать присягу и уволилась. Меня уговорили. И если уж я согласился, то должен исполнять свой долг. – Его настроение,

как флюгер на ветру, вдруг снова изменилось. – И все-таки я никак не могу избавиться от ощущения, что мы с вами где-то встречались.

– Точно не в Мэриленде. – Память Чарльза наконец выстроила нужную цепочку. – Вест-Пойнт?

– Бог мой, да! Вы?..

– Выпуск пятьдесят седьмого года.

– Меня отчислили как раз перед вашим выпуском. – Прево помолчал. – Пришлось пройти по Кентерберрийской дороге после первого же года. Не справился с учебой. Конечно, мне бы хотелось закончить курс... Мне нравилось там... Ладно, загадка разрешилась. Если вы не возражаете, мы бы хотели вернуться к цели нашего появления.

– Разумеется.

– Мы преследуем одну женщину. Контрабандистку. По нашим сведениям, она незаконно вывезла медикаменты из округа и направилась как раз сюда. Мы обыскиваем все дома вдоль этой дороги.

– Женщина-контрабандистка? – сдержанно рассмеялся Чарльз, надеясь, что получилось убедительно. – Сэкономьте время, лейтенант. Я здесь уже около часа и могу дать вам слово, что в этом доме таких точно нет.

Прево явно колебался. Револьверы всех янки из его отряда по-прежнему были направлены на Чарльза, и капрал старался больше остальных.

– Слово офицера и выпускника Академии, – смело добавил Чарльз, моля Бога, чтобы его небрежный тон придал убедительности тщательно подправленной истине.

Прошло несколько секунд. Прево вздохнул. «Не сработало, – подумал Чарльз. – И что они теперь...»

– Капитан Мэйн, я верю вашему слову и благодарю вас за помощь. Вы вели себя как настоящий джентльмен. Нам нужно проверить еще много мест, и вы сэкономили наше время.

Он сунул саблю в ножны, выкрикнул приказ, и отряд поскакал обратно к дороге, свернув на юг. Чарльз машинально поднял черпак с водой и прислонился к столбику крыльца, чувствуя, как подкосились ноги.

Глава 27

Он выждал не меньше десяти минут, на случай если солдаты вдруг вернуться, и лишь потом позвал Августу Барклай и свистнул Амбруазу, который прятался в лесу.

– Двухолку оставь там! Янки могут поехать обратно этой же дорогой.

– Похоже, ваше красноречие было убедительным, капитан, – сказала Августа, стряхивая с юбки опилки.

– Я им дал слово, что в доме нет никаких контрабандисток. – Он взглядом измерил расстояние между выкрашенным в белый цвет фермерским домом и дровяным сараем. – Промахнулся мимо откровенной лжи примерно на семь футов.

– Весьма разумно.

– Вы меня просто ошастливили своим комплиментом, мэ.м.

Чарльз не хотел язвить, но слова вырвались сами собой, когда наконец спало напряжение последних тридцати минут. Он отвернулся и быстро плеснул в лицо воды. Какого черта его должно волновать, что сказала или не сказала эта женщина?

Чья-то рука коснулась его плеча.

– Капитан?

– Да?

– Вы имеете право сердиться. Я наговорила лишнего недавно, и не раз. Вы действовали храбро, защищая меня. Я должна поблагодарить вас и извиниться.

– Ничего вы не должны, миссис Барклай. Это и моя война тоже. Вам бы лучше уйти в дом и сидеть там, пока не стемнеет.

Коротко кивнув, она на мгновение посмотрела ему прямо в глаза, и Чарльз вдруг ощутил сильное и незнакомое волнение, смутившее и встревожившее его.

Около четырех он поил Бедового и гнедую Амбруазу, когда шум и пыль с дороги дали знать о приближении северян. Отряд Прево несся мимо. Лейтенант помахал Чарльзу. Чарльз махнул в ответ. Вскоре синие мундиры скрылись из виду.

Фермер с женой пригласили кавалеристов остаться на ужин. Они согласились тем более охотно, что Августа Барклай поддержала приглашение. Чарльз умылся; солнце уже зашло, и дневная жара начала спадать. Свежий ветерок влетал в открытые окна, когда все сели за простой, но вкусный ужин – копченый окорок с картофелем и белой фасолью.

Чарльз украдкой посматривал на Августу, которая сидела напротив, чуть скрытая от него настольной лампой. Теперь она скромно опускала глаза, как и подобает приличной девушке из приличной южной семьи. Южанки нарочно взращивали в себе хрупкую, нежную женственность, привлекавшую к ним больше поклонников; некоторые особы, самым ярким примером которых Чарльз считал Эштон, даже беззастенчиво изображали из себя скромниц, чтобы убедить других в своей добродетельности. Но эта светловолосая женщина никогда не стала бы притворяться. Она была слишком прямолинейна. Слишком крепко сложена для жеманства и манерных вздохов. Чарльз даже вдруг подумал: какой же у нее размер ноги? По общепризнанному мнению, девушка с большими ступнями не могла занять достойное место в обществе и составить себе хорошую партию.

Смущенно пытаясь завязать разговор, старик-фермер обратился к Амбруазу:

– Отличная у вас лошадь.

– Да, сэ.р. Южнокаролинские верховые лошади – лучшие в мире.

– Только не скажите так при каком-нибудь виргинце, – повернулась к нему Августа.

– Аминь, – усмехнулся Чарльз. – У меня такое чувство, что в этой части страны есть люди, которые думают, будто лошадь изобрели в Виргинии.

– Мы очень гордимся такими людьми, как Тёрнер Эшби и полковник Стюарт, – сказала жена фермера, передавая фасоль, и это были ее единственные слова за весь вечер.

– А я согласен с Чарли, – заявил Амбруаз, дожевывая вторую картофелину. – Виргинцы отлично умеют заставить любого почувствовать себя ничтожеством – одним только словом или даже взглядом.

– Я знаю таких, – улыбнулась Августа. – Но, как сказал один поэт, лейтенант, ошибаются люди, а прощают боги.

– Вам нравится Шекспир? – спросил Чарльз.

– Да, только я имела в виду Александра Поупа, британского поэта эпохи классицизма, известного в том числе своими сатирическими стихами. Его я люблю больше остальных.

– О... – Стыдясь своего невежества, Чарльз ткнул вилкой в ломоть окорока. – Вечно путаю этих двоих. Боюсь, я не слишком большой знаток поэзии.

– У меня есть почти все его сочинения, – сказала Августа. – Он обладал поразительным остроумием, хотя в его стихах чувствуется и огромная печаль. Представьте себе, ростом он был всего четыре фута и шесть дюймов, да к тому же горбун. Современники называли его луком, натянутым для стрельбы. Он знал, что такое страдания, но умел отвергать боль, насмехаясь над ней.

– Понимаю... – задумчиво пробормотал Чарльз в наступившей тишине.

Он знал о Поупе только понаслышке, но теперь ему казалось, что поэт помог ему лучше узнать эту женщину. Какую же боль скрывала ее ирония?

Тучная фермерша принесла грушевый пирог и кофе, пока ее муж спрашивал Августу, как и когда хинин нужно доставить в Ричмонд.

– Утром за ним приедет человек, – ответила она.

– Я приготовила вам постель в свободной комнате! – крикнула из кухни хозяйка. – Капитан, может, вы с лейтенантом тоже останетесь переночевать? Я могу положить тюфяки на полу в гостиной.

Августа повернулась к Чарльзу. Ее лицо, наполовину скрытое лампой, казалось, выражало ожидание. Или Чарльзу это лишь померещилось?

Он разрывался между чувством долга и собственным желанием. Амбруаз ждал решения старшего по званию, но наконец не выдержал и заявил:

– Я бы с удовольствием хорошенько выспался. Особенно если мне позволят поупражняться на том прекрасном мелодисте, который я видел в гостиной.

– Ну конечно! – воскликнул явно довольный фермер.

– Хорошо, – кивнул Чарльз. – Остаемся.

Сдержанная улыбка Августы казалась искренней.

Жена фермера принесла глиняный кувшин превосходного домашнего кальвадоса. Чарльз налил немного себе и Августе. Они сидели в креслах, пока Амбруаз изучал клавиши старой гармоники. Уже вскоре он заиграл бравурную мелодию.

– Вы хорошо играете, – заметила Августа. – Мне нравится мелодия, только я ее не узнаю.

– «Земля Дикси». Это народная песня.

– Ее играли по всему Северу, когда Эйб прошлой осенью выставил себя на выборы, – добавил фермер. – Республиканцы под нее маршировали.

– Может, и так, – согласился Амбруаз, – только янки потеряют ее так же быстро, как проиграют эту войну. Сейчас вокруг Ричмонда «Дикси» звучит в каждом гарнизоне. – Он снова заиграл.

– Расскажите немного о себе, капитан Мэйн, – попросила Августа.

Чарльз начал говорить, очень осторожно подбирая слова, потому что боялся снова попасться на ее острый язычок. Он упомянул о Вест-Пойнте и о том, что попал туда благо-

даря своему кузену; потом коротко рассказал о службе в Техасе, дружбе с Билли Хазардом и о сомнениях по поводу рабства.

– Я тоже никогда не считала эту систему справедливой. Когда в прошлом декабре умер мой муж, я дала вольную обоим нашим рабам. Слава Богу, они все равно остались со мной. Иначе мне пришлось бы продать ферму.

– Что вы выращиваете?

– Овес. Табак. Недовольство соседей. Я сама иногда работаю в поле, а раньше муж мне всегда запрещал, потому что это неженственно.

Она откинулась на спинку старого кресла-качалки, положив голову на вышитую подушечку. Какой милой и слабой казалась она в свете лампы... Чарльз снова и снова постукивал пальцем по бокалу с кальвадосом. Неженственно... Она что, была замужем за слепцом?

– Полагаю, ваш супруг был фермером?

– Да. Он всю жизнь прожил на одном месте... а до него там жил его отец. Муж был достойным человеком. И добрым... хотя к книгам, стихам, музыке относился с подозрением... – Она чуть повернула голову в сторону Амбруаза, который самозабвенно играл какую-то нежную классическую мелодию, незнакомую Чарльзу. – Он сделал мне предложение через семь месяцев после того, как умерла его первая жена, – продолжала Августа. – И сам умер от той же болезни. Инфлюэнца. Он был на двадцать три года старше меня.

– Но вы любили его?

– Я хорошо к нему относилась, но любить... Нет, я его не любила.

– Тогда почему вышли за него?

– Все понятно. Еще один любитель романтического сэра Вальтера. Виргинцы обожают его разве что чуть меньше, чем Господа Бога и Джорджа Вашингтона.

Она быстро допила кальвадос. Прежний воинственный блеск снова вернулся в ее глаза. «Он знал, что такое страдания, но умел отвергать боль, насмехаясь над ней».

– Однако ответ на ваш вопрос весьма прост и неромантичен, капитан. Мои родители умерли, и мой единственный брат тоже. Несчастный случай на охоте. Ему тогда было шестнадцать, мне – двенадцать. Других родственников в Спотсильвейни у меня не нашлось, так что, когда Барклай пришел свататься, я подумала чуть больше часа и согласилась. – Она заглянула в пустой бокал. – Мне казалось, что больше я никогда и никому не буду нужна.

– Но это же не так! – тут же воскликнул Чарльз. – Вы красивая женщина!

Августа посмотрела на него, и между ними словно промелькнула молния. Ее губы тронула мимолетная беззащитная улыбка, но она тут же отвела глаза под его пристальным взглядом и резко встала. Пышная грудь натянула ткань платья, которое она машинально одернула.

– Весьма любезно с вашей стороны, капитан. Я знаю, что некрасива, хотя и всегда мечтала о другом. «Надежда в нашем сердце как звезда»⁸. Это тоже Поуп. Ну а теперь, какой бы я ни была, я устала. Еще раз благодарю вас за спасение хинина и прошу простить мои колкости. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил Чарльз, тоже вставая. – Черт, в жизни не встречал такой женщины! – сказал он Амбруазу, когда она ушла.

– Только не влюбляться, Чарли, – сказал Амбруаз, отложив в сторону мелодион. – Полковнику ты нужен в здравом уме.

– Не будь идиотом, лейтенант! – грубо огрызнулся Чарльз, надеясь, что Амбруаз не догадается о его истинных чувствах.

Чарльз проснулся на рассвете, отлично отдохнувший, полный сил и необычного желания своротить горы. Он тихонько выскользнул из комнаты, оставив посапывающего Амбруаза

⁸ Строка из поэмы Александра Поупа «Опыт о человеке». Перевод В. Микушевича.

досыпать, и вышел во двор. Негромко насвистывая «Землю Дикси», он накормил и напоил лошадей, а потом стал внимательно изучать верхние окна дома. Интересно, где там свободная комната?

Над лесистыми холмами к востоку от дороги поднялось красное солнце. Радостно щебетали птицы. Чарльз потянулся всем телом, чувствуя себя на удивление бодрым. Так хорошо ему не было уже много месяцев, и он надеялся, что это продлится подольше. О причинах такой перемены можно было не раздумывать.

Над трубой кухни поднимался древесный дым, светлый и душистый; там готовили завтрак. Чарльз почувствовал, что зверски голоден. Входя в дом, он вспомнил, что, вернувшись в лагерь, должен обязательно достать из сундука свой личный револьвер. Перед предстоящими сражениями оружие нужно было как следует почистить и смазать. Чарльз не брал его в руки с тех пор, как вернулся из Техаса. Это был армейский кольт образца 1848 года, шестизарядный, калибра 0,44 дюйма; Чарльз добавил к нему несколько дорогих деталей, включая накладку из орехового дерева на рукоятке, отъемный приклад и гравировку с изображением схватки драгун с индейцами. С револьвером, карабином и армейской саблей он имел все необходимое для победы над янки и готов был ринуться в бой прямо сейчас.

Августа была в кухне, помогала жене фермера жарить яйца и резать окорок.

– Доброе утро, капитан Мэйн! – Ее улыбка казалась сердечной и искренней; Чарльз улыбнулся в ответ.

Вскоре все сели за стол. Когда Амбруз передавал Чарльзу теплый домашний хлеб, снаружи послышался стук копыт. Чарльз так торопливо вскочил, что даже опрокинул стул. Сидевшая рядом Августа мягко коснулась его руки:

– Думаю, это человек из Ричмонда. Не стоит беспокоиться.

Она тут же отдернула пальцы, но Чарльз все равно почувствовал, как его бросило в дрожь. «Да что это я как школьник, ей-богу», – сердито подумал он, когда фермер вышел навстречу гостю. Августа уставилась на свою тарелку так, словно та могла вот-вот улететь. Щеки ее слегка порозовели.

Гость из Ричмонда знал имя Августы, но своего не назвал. Это был худощавый немолодой человек, похожий на конторского служащего, в коричневом костюме и ковбойской шляпе. Он принял приглашение хозяина и сел за стол, сразу спросив:

– Хинин здесь? Надежно спрятан?

– На чердаке, – ответила Августа. – Он уцелел только благодаря храбрости и находчивости капитана Мэйна и лейтенанта Пелла.

Она вкратце описала вчерашние события. Посланец из Ричмонда похвалил кавалеристов и тут же принялся за еду. Больше он не сказал ни слова, зато съел столько, что хватило бы на шестерых мужчин его комплекции.

Чарльз и миссис Барклай разговаривали более свободно, чем накануне вечером. Когда она спросила его о Билли, он откровенно рассказал о тех переживаниях, которые обрушились на Хазардов и Мэйнов, вдруг обнаруживших, что их семьи в этой войне оказались по разные стороны.

– Наши семьи дружат уже очень давно. Нас многое связывает. Это и Вест-Пойнт, и взаимное чувство привязанности, и даже узы брака. И если у нас еще осталась хоть какая-нибудь надежда, то это надежда сохранить эту близость, что бы ни случилось.

Августа слегка кивнула, давая понять, что она ценит такое желание.

– Мою семью тоже расколола война, – тихо сказала она.

– Мне казалось, вы говорили, что у вас нет родни.

– Здесь нет. Но у меня есть дядя-холостяк, брат моей матери, он служит в армии Союза, это бригадный генерал Джек Дункан. Он учился в Вест-Пойнте. Насколько я помню, окончил в тысяча восемьсот сороковом.

– Джордж Томас учился в это же время! – воскликнул Чарльз. – Я служил под его началом во Втором кавалерийском. Он из Виргинии...

– И остался на стороне Союза.

– Да, верно. Так, дайте-ка подумать... кто же еще? Билл Шерман. А еще Дик Юэлл, близкий друг Томаса. Он генерал уже на нашей стороне. Недавно стал командовать дивизией, сейчас он под Манассасом.

– Ну надо же, – сказала Августа, когда он замолчал. – Вест-Пойнт действительно не отпускает вас.

– Это правда, поэтому нас и недолюбливают. Расскажите о вашем дяде. Где он сейчас?

– Последнее письмо от него пришло из какого-то форта в Канзасе. Но мне кажется, что сейчас он где-то недалеко. Он ждал нового назначения. В Вашингтоне я прочитала в одной газете статью о высокопоставленных офицерах – выходцах из Виргинии. Девять из них присоединились к Конфедерации, одиннадцать остались в Союзе. И один из них – дядя Джек.

После завтрака Амбруз прикатил из леса двуколку Августы, а Чарльз вынес на крыльцо ее саквояж. Пока он ставил саквояж в коляску, миссис Барклай надела желтую плетеную шляпку и завязала ее под подбородком.

– А вы не боитесь ехать дальше в одиночку? – спросил он.

– В этом саквояже пистолет. Я никогда не езжу без него.

Чарльз с радостью воспользовался возможностью взять ее за руку и помог ей сесть в коляску.

– Что ж, капитан, позвольте еще раз поблагодарить вас. Если по долгу службы вы когда-нибудь окажетесь во Фредериксберге, я буду рада вас видеть. Ферма Барклай всего в нескольких милях от города. Вам любой укажет дорогу. – Тут она опомнилась. – Разумеется, вас я тоже приглашаю, лейтенант Пелл.

– О, ну разумеется... я так и понял, – сказал тот, лукаво покосившись на друга.

– До свидания, капитан Мэйн.

– Немного позновато, но, пожалуйста, зовите меня Чарльзом.

– Тогда и вы называйте меня просто Августой.

– Как-то слишком официально, – широко улыбнулся он. – Знаете, в Вест-Пойнте у нас у всех были прозвища. Что, если я буду называть вас просто Гус?

Он брякнул первое, что пришло в голову, как бывает, когда тебе кажется, что ты придумал что-то очень умное и вполне безобидное. Но Августа вдруг отпрянула, как будто коснулась чего-то горячего:

– Вообще-то, так меня всегда называл брат. Терпеть не могла это имя.

– Почему? Оно вам подходит. Гус может работать на своем поле, а вот Августа... сомневаюсь.

– «Сэр, я согласен, это так...»

– Что-что? – не понял Чарльз, но потом сообразил, что она снова цитирует уже ненавистного ему Поупа.

– «...поэт, как правило, дурак, – продолжала она с очаровательной улыбкой, которая не сулила ничего хорошего, – но сами вы пример: при этом дурак не может быть поэтом»⁹. Прощайте, капитан!

– Эй, постойте! – закричал он, но надежда на извинение погасла в тот же миг, когда коляска тронулась с места.

Августа хлестнула лошадь, и двуколка вылетела со двора, сразу повернув на юг. Стоявший на крыльце фермер подтолкнул жену локтем. Амбруз подошел к Чарльзу с насмешливой улыбкой на губах:

⁹ Александр Поуп. Дурак и Поэт. Перевод В. А. Гурвича.

– Ай-яй-яй, Чарли! Как же это ты так опростоволосился? А ведь у тебя с этой вдовушкой что-то такое намечалось, а? Хотя, конечно, бабенка выглядит не слишком привлекательно, когда вскапывает картофельные грядки или имеет ядовитый язычок или когда ее зовут Гус, если уж на то...

– Да заткнись ты, Амбруз! Я ее больше никогда не увижу, так что зря стараешься. Она просто не понимает шуток, зато сама за словом в карман не лезет. Как и ее треклятый Поуп. Да ладно, черт с ними с обоими.

Он вскочил на Бедового, откозырял на прощание фермеру с женой и пустил коня диким галопом. Амбрузу пришлось придержать кивер и то и дело прищипывать свою гнедую, чтобы не потерять его из вида.

Минут через пять Чарльз немного поостыл и чуть натянул поводья, пуская коня шагом. Весь следующий час он снова и снова перебирал в уме все подробности своих разговоров с миссис Черт-бы-ее-побрал-надменной-вдовушкой Августой Барклай, которую по-прежнему считал дьявольски привлекательной, несмотря на их не слишком романтическое расставание. Ей не следовало так быстро накидываться на него в ответ на невинную оплошность. Она и сама была не без греха.

Ему очень бы хотелось увидеть ее снова, как-то уладить это досадное недоразумение. Но в ближайшее время, когда вот-вот должны были начаться бои, такой возможности точно не представится. Встреча с лейтенантом Прево снова возродила в нем веру в то, что войну все-таки можно вести по правилам благородства. И тогда, не исключено, что уже очень скоро, страсти улягутся, вся эта заварушка наконец закончится, и он обязательно встретится с молодой вдовой, которую, к несчастью, мысленно уже не мог называть иначе как Гус.

Глава 28

Тринадцатое июля выпало на субботу. У Констанции оставался еще день на сборы перед отъездом в Вашингтон.

Джордж уехал в начале недели, с явной неохотой. Накануне вечером он был сильно взволнован, беспокойно ходил по дому и наконец куда-то ушел. Вернулся он минут через десять, держа в руках несколько веточек горного лавра с холмов за Бельведером. Не сказав ни слова, он сунул ветки в саквояж, но Констанции и не нужны были объяснения.

Присматривать за домом оставалась Бретт. Все дела на заводе Джордж поручил Уотерспуну, а Юпитер Смит, как юрист, должен был продолжить работу по открытию нового банка в Лихай-Стейшн. Всем троим было велено мгновенно телеграфировать в случае крайней необходимости, поэтому Констанция не боялась, что важные дела будут пущены на самотек.

И все же в этот солнечный субботний день Констанция была раздражена. Слишком много вещей нужно было еще уложить, к тому же два ее лучших выходных платья, которые она не надевала уже с месяц, неожиданно оказались ей слишком тесны. Сама Констанция до сегодняшней примерки как-то не замечала этого, но, видимо, даже несмотря на войну, в последнее время всю наслаждалась жизнью и набрала лишний вес. Джордж, вечно занятый другими проблемами, не сказал ей об этом ни слова. Но теперь, стоя перед зеркалом, она ясно видела и заметно округлившийся живот, и расплывшие бедра.

Позже тем же утром в комнату, где валялись груды вещей, робко вошла Бриджит. Констанция что-то недовольно бормотала, пытаясь запихнуть сложенную в несколько раз одежду в уже переполненный сундук.

– Миссис Хазард? Там... – Всегда веселая и дружелюбная, на этот раз девушка говорила испуганным шепотом и была необычно бледна. – Там... в кухне, вас спрашивают...

– Бога ради, Бриджит! Не беспокой меня из-за каких-то торговцев, когда я занята...

– Мэм, прошу вас... Это... это не торговец.

– А кто? У тебя такой вид, будто ты увидела самого Вельзевула!

Ответ прозвучал едва слышно:

– Это сестра мистера Хазарда...

Если не считать внезапной смерти Джорджа или кого-нибудь из детей, ничто не могло бы потрясти Констанцию сильнее, чем этот визит. Когда она бежала вниз по лестнице с развевающимися за спиной рыжими волосами, от ее обычного спокойствия не осталось и следа. Она была поражена такой наглостью, обескуражена, возмущена. Она просто отказывалась верить, что Вирджилия Хазард осмелилась вернуться в Бельведер. Да как эта женщина только посмела... после всего того, что сделала, опозорив свою семью и чуть не перессорив Хазардов и Мэйнов?

История Вирджилии была историей извращенной независимости. Став участницей аболиционистского движения, как и Констанция, которая даже организовала остановку Подпольной железной дороги¹⁰ в старом сарае на территории завода Хазардов, Вирджилия очень скоро примкнула к его крайне правому крылу. Она появлялась на людях с чернокожими мужчинами, которые были не просто друзьями или помощниками в ее борьбе, но и любовниками.

Во время визита в Монт-Роял она, в ответ на гостеприимство семьи Мэйн, помогла бежать одному из их рабов. Потом они жили вместе как муж и жена в трущобах Филадельфии, в полной нищете, став изгоями для всего общества. Она подбила своего гражданского

¹⁰ Подпольная железная дорога – так в США называли тайную систему для организации побегов рабов и перевозки их из рабовладельческих штатов на Север.

мужа принять участие в бандитском налете на Харперс-Ферри, который возглавлял печально известный Джон Браун – сторонник экстремистских взглядов, как и сама Вирджилия.

Она ненавидела все, что было связано с Югом и южанами, но, пожалуй, в полной мере проявила свою ненависть в тот день, когда Орри в беспокойные для страны времена приехал в Лихай-Стейшн, совершив опаснейшее путешествие, чтобы вернуть другу часть денег, вложенных в постройку корабля. Вирджилия созвала к Бельведеру толпу хулиганов, и лишь смелое поведение Джорджа, который вышел перед ними с ружьем в руках, спасло их гостя от расправы. Именно в эту ночь Джордж выгнал сестру из дома, велел никогда больше сюда не возвращаться.

И вот теперь она все-таки вернулась. Да она заслуживала просто...

Стоп! Констанция замерла перед закрытой дверью кухни. Нужно взять себя в руки. Проявить сострадание. Хотя бы попытаться. Она пригладила волосы, мысленно прочла молитву, перекрестилась и открыла дверь.

Из печи пахло свежим хлебом; на деревянной колоде лежал большой, наполовину разрубленный кусок свиной корейки и топор для мяса. Кроме гостя, в кухне не было никого. Взглянув в окно, Констанция заметила Уильяма, стрелявшего из лука по мишени.

Аромат хлеба, мяса и дров, сверкающие кастрюли и сковородки на стенах – вся привычная домашняя обстановка казалась оскверненной самим присутствием этой ужасной женщины, которая стояла недалеко от двери с матерчатым саквояжем в руках, настолько грязным, что не было видно рисунка на ткани. Платье Вирджилии было почти таким же замызганным; в наброшенной на плечи шали зияли рваные дыры. «Да как же ты посмела...» – снова пронеслось в голове у Констанции.

Вирджилии Хазард было уже тридцать семь лет. Когда-то довольно пышнотелая, теперь она сильно похудела и была почти истощена. Ее квадратное лицо со следами перенесенной в детстве оспы приобрело желтоватый оттенок; запавшие глаза смотрели безжизненно. От нее исходил запах немытого тела и еще чего-то не менее омерзительного. Хорошо, что Бретт уехала в город за покупками вместе с кухаркой, подумала Констанция. Она могла бы просто растерзать Вирджилию. Констанции и самой хотелось это сделать.

– Зачем ты пришла?

– Я могу подождать Джорджа? Мне нужно его увидеть.

Каким же слабым стал ее голос. В нем больше не было той грубой надменности, которую всегда с таким отвращением вспоминала Констанция. Заметив в глазах Вирджилии боль, она вдруг ощутила бурную радость, которая тут же сменилась стыдом, когда лучшая часть ее натуры все-таки взяла верх.

– Твой брат уехал в Вашингтон, он теперь будет работать на правительство.

– О... – Вирджилия на мгновение закрыла глаза.

– Как же ты посмела явиться сюда после всего того, что случилось?

Вирджилия наклонила голову, словно принимая и обвинение, сквозившее в вопросе, и гнев, который Констанция не могла скрыть.

– Можно мне сесть? – сказала она. – Я неважно себя чувствую.

– Ну, садись, раз так... – после некоторого колебания ответила Констанция.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, она машинально шагнула к колоде, где лежал топор, и положила ладонь на рукоятку. Вирджилия тяжело опустилась на табурет; движения ее были замедленны, как у древней старухи. Констанция вдруг с ужасом поняла, что ее пальцы сжимают топор, и быстро отдернула руку.

Уильям снаружи издал радостный вопль и помчался к мишени, чтобы выдернуть три стрелы из нарисованного на доске бычьего глаза.

– Это тот же, что был у тебя в апреле? – спросила Констанция, кивнув на саквояж. – В котором ты унесла все мое лучшее серебро? Мало того что ты опозорила эту семью почти всеми воображимыми способами, так ты еще и обокрала ее. Воровка!

Вирджилия сложила руки на коленях. На сколько же она похудела за это время? Фунтов на сорок? Или даже пятьдесят?

– Мне нужно было на что-то жить, – сказала она.

– Возможно, это и причина, но не оправдание. Где ты жила с тех пор, как ушла отсюда?

– В разных местах, мне совестно об этом рассказывать.

– А вернуться в этот дом у тебя совести хватило.

На глазах Вирджилии выступили слезы. Не может быть, подумала Констанция. Она видела, как Вирджилия плачет, только один раз – когда умер ее чернокожий любовник.

– Я больна, – прошептала Вирджилия. – У меня жар и очень кружится голова, ноги совсем не держат. Я думала, что упаду в обморок, когда поднималась на холм от станции. – Она тяжело сглотнула и наконец сказала главное: – Мне просто некуда больше пойти.

– А как же твои распрекрасные друзья-аболиционисты? Не берут тебя к себе?

На губах Констанции помимо ее воли появилась кривая усмешка, а вместе с ней снова пришло жгучее чувство стыда. «Ты должна остановиться», – сказала она себе. На этот раз упрек подействовал. Бесчеловечно так вести себя с тем, кто просит твоей помощи, решила она, тем более что гневом уже ничего не добиться. В конце концов, перед ней сидело сломленное существо, которое нуждалось только в ее милосердии.

– Нет, – наконец ответила Вирджилия. – Больше не берут.

– И чего же ты хочешь?

– Просто уголок, чтобы немного пожить. Отдохнуть, поправиться. Я хотела молить Джорджа...

– Я же сказала: он теперь служит в Вашингтоне.

– Тогда я буду умолять тебя, если ты *этого* хочешь, Констанция...

– Замолчи! – Констанция отвернулась и закрыла глаза, а когда через минуту снова посмотрела на Вирджилию, ее суровое лицо уже было спокойно. – Ты можешь остаться, – сказала она, – но ненадолго.

– Хорошо.

– Самое большее – на несколько месяцев.

– Хорошо. Спасибо.

– Джордж не должен ничего знать. Уильям видел, как ты пришла?

– Не думаю. Я была осторожна, а он – слишком занят стрельбой...

– Завтра я уезжаю к мужу и беру с собой детей. Они не должны тебя видеть. Поэтому до нашего отъезда ты будешь оставаться в одной из комнат для прислуги. Таким образом, я буду единственным человеком, кому придется лгать.

От этих едких слов Вирджилия поежилась, но Констанция, как ни старалась, все-таки не могла сдержать кипевшую в ней ярость.

– Если Джордж узнает, что ты здесь, он наверняка прикажет тебя выставить, – добавила она.

– Да, наверное...

– Бретт сейчас живет с нами. Пока Билли в армии.

– Я помню. Хорошо, что Билли воюет. И то, что Джордж вернулся на службу, тоже хорошо. Юг крайне нуждается...

Констанция схватила топорик и хлопнула им плашмя по деревянной поверхности колоды.

– Вирджилия, если ты скажешь еще хоть слово из всей этой идеологической дряни, которую ты выливали на нас год за годом, я сама тебя выгоню, немедленно! Может быть, у кого-

то и есть моральное право высказываться против рабства и рабовладельцев, но не у тебя! Ты вообще не можешь судить никого и никогда!

– Прости... Я сказала не подумав. Мне очень жаль. Я не...

– Вот именно, ты «не». Мне и без того будет непросто убедить Бретт согласиться на твое присутствие здесь, ведь, пока меня нет, хозяйкой в Бельведере остается она. Твое счастье, что Бретт добрый и достойный человек, иначе я бы даже просить ее не стала. Но ты должна обещать мне, что не будешь обсуждать мои условия...

– Обещаю.

Констанция стукнула по столу кулаком:

– Ты должна принять их все!

– Да...

– Или же ты уйдешь той же дорогой, которой пришла. Я понятно выразилась?

– Да. Да. – Вирджилия еще ниже наклонила голову и невнятно повторила: – Да.

Констанция снова закрыла глаза, по-прежнему борясь с растерянностью и гневом. Плечи Вирджилии задрожали. Она плакала, сначала почти беззвучно, потом громче. Это было похоже на подвывание животного. И когда Констанция торопливо прошла к задней двери, чтобы убедиться, что она закрыта достаточно плотно и сын ничего не услышит, у нее сильно закружилась голова.

Глава 29

– Я призываю вас обоих ответить честно и прямо, как в день Страшного суда...

Снаружи вдруг послышался шум, и чьи-то громкие голоса почти заглушили речь его преподобия мистера Сакстона, пастора местной епископальной церкви. Орри, стоявший рядом с Мадлен в своем самом лучшем – и самом жарком – костюме, бросил быстрый взгляд в сторону открытых окон.

На Мадлен было простое, но элегантное летнее платье из белого батиста. Рабам с плантации дали выходной и предложили послушать церемонию с веранды. Там собралось около сорока молодых мужчин и женщин. Домашним слугам, которые считались привилегированной кастой, разрешили находиться в гостинной, хотя сейчас там сидела только одна Кларисса.

– ...если кому-то из вас известны причины, по которым вы не можете сочетаться законным браком...

Шум снаружи усилился. Ссорились двое мужчин, остальные комментировали. Кто-то вдруг пронзительно закричал.

– ...то скажите об этом сейчас. Потому что вы должны быть точно уверены...

Пастор сбился, потеряв нужную строчку в молитвеннике, и дважды кашлянул, выпуская винные пары, – перед церемонией он выпил немного шерри вместе с взволнованными женихом и невестой. Прежде чем отвести Мадлен в гостиную, Орри в шутку сказал, дескать, вот будет весело, если заявится Френсис Ламотт и начнет возмущаться, что они женятся так скоро после похорон Джастина.

– ...уверены... – продолжил его преподобие, когда шум снаружи снова усилился.

Какой-то мужчина начал ругаться. Орри узнал этот голос. Покраснев от возмущения, он наклонился к пастору:

– Простите, я на минутку...

Его мать улыбнулась ему сияющей улыбкой, когда он прошел мимо нее и выскочил на улицу. Негры полукругом обступили двух скандалистов. Орри услышал голос Энди:

– Оставь его, Каффи. Он ничего не...

– Руки прочь, черномазый! Он меня толкнул!

– Это ты меня толкнул, – возразил неуверенный голос Персиваля.

Орри, которого еще никто не заметил, рывкнул:

– А ну, прекратить!

Какая-то девочка с волосами, стянутыми в хвостик, испуганно вскрикнула и отскочила. Негры попятились, и Орри увидел грязного, угрюмого Каффи, стоявшего над Персивалем. Тщедушный негр сидел на земле, возле колеса телеги, – то ли он упал сам, то ли его толкнули. В телеге, под куском парусины, лежало восемь пар подсвечников и две каминные решетки – все из бронзы; Орри отправлял их на литейный завод в Колумбии в ответ на призыв правительства Конфедерации.

Энди стоял в ярде за спиной Каффи. Он был в чистой одежде, как и все остальные рабы. Ведь сегодняшней день в Монт-Роял был особенным. Орри резко шагнул к Каффи:

– Сегодня моя свадьба, и я не потерплю, чтобы кто-то испортил нам праздник. Что здесь произошло?

– Этот ниггер во всем виноват, – заявил Персиваль, показывая на Каффи; Энди протянул ему руку, помогая встать. – Он пришел после всех, важный такой, священник уже говорил, а вы все слушали. Он ведь сам опоздал, но хотел все получше разглядеть, вот и толкнул меня, очень сильно толкнул.

От этих обвинений Каффи разозлился еще сильнее. В его глазах сверкнула жгучая ненависть, прежде чем он отвел их, пытаясь как-то смягчить или предотвратить наказание.

– Да не толкал я его! – пробурчал он. – Чувствую себя неважно, вот и все, голова вроде кружится – споткнулся, вот и задел его случайно. Чувствую себя плохо, – повторил он неубедительно.

– Он себя так каждый день чувствует, чтобы кому-нибудь напакостить, – сказал Персиваль под насмешливое бормотание рабов. – Все с ним в порядке.

Как того требовали правила, Орри взглянул на погонщика, ожидая, что скажет он.

– Персиваль говорит правду, – кивнул Энди.

– Каффи, посмотри на меня! – Когда негр повиновался, Орри продолжил: – Две нормы всю неделю. А потом еще неделю полторы нормы. Проследи за этим, Энди.

– Прослежу, мистер Орри.

Каффи вскипел от злости, но промолчал. Орри развернулся и быстро ушел обратно в дом. Вскоре они с Мадлен соединили правые руки под заключительные слова пастора:

– И будете вы жить вместе в этом мире и вместе уйдете в жизнь вечную. Аминь.

Той же ночью в их спальне Мадлен в темноте протянула руку к Орри:

– Бог мой, можно подумать, что жених не прикасался к своей невесте до этого дня ни разу!

– Но ведь не как муж, верно? – ответил Орри, садясь рядом с ней.

Ясная безоблачная ночь наполняла комнату светом, который мягко обволакивал их, пока они ласкали друг друга. Тело Мадлен казалось мраморным.

– Боже, как же я тебя люблю! – прошептала она, обнимая его за плечи.

– И я вас люблю, миссис Мэйн.

– Неужели это все наяву? Я и мечтать о таком не смела... – Мадлен тихо засмеялась. – Миссис Мэйн. Как чудесно звучит!

Их губы снова слились в долгом, страстном поцелуе; его ладонь лежала на ее груди.

– Жаль, что этот неприятный скандал случился прямо во время церемонии, – сказал Орри. – Надо бы продать Каффи. Не хватало еще, чтобы он тут чего-нибудь натворил, когда я уеду в Ричмонд.

– Мистер Мик с ним справится, он ведь уже будет здесь.

– Надеюсь, что так. – (Ответ из Северной Каролины пока не пришел.) – А еще надеюсь, что сам мистер Мик не соответствует своей фамилии¹¹. Каффи нужна сильная рука.

Мадлен погладила его по щеке:

– Как только ты устроишься в Виргинии, я приеду к тебе. А до тех пор здесь все будет в порядке. Энди – хороший человек, ему можно доверять.

– Я знаю, но...

– Милый, не волнуйся так...

С этими словами она повернулась и легла на спину. Кровать тихо скрипнула; призрачный свет луны скользнул по ее матово-белой коже. Когда Орри лег рядом, она положила руку ему на бедро и, прижавшись губами к его лицу, жарко прошептала:

– Только не сегодня. Ты ведь знаешь, у супруга есть определенные обязанности...

Утомленные ласками, они вскоре задремали, но оба проснулись от резкого воющего звука в ночи.

– Боже мой, что это? – Мадлен вскочила, придерживая на себе простыню.

Крик донесся снова, откликнувшись эхом вдали. Они услышали, как в ночных зарослях вспорхнули испуганные птицы. Внизу взволнованно переговаривались слуги. Звук больше не повторился.

¹¹ Мик (*англ. meek*) означает кроткий, мягкий.

- Похоже на какого-то дикого зверя, – сказала Мадлен, вздрагивая.
 - Да, это крик пантеры. Вернее, подражание ему. Время от времени негры так пугают белых.
 - Но ведь здесь нет никого, кому захотелось бы так...
- Она замолчала и прижалась к мужу, снова вздрагивая всем телом.

Глава 30

В ту памятную ночь в Вашингтоне было беспокойно. Улицы города наполнились грохотом скрипучих подвод, глухим стуком копыт, звяканьем шпор и громкими песнями солдат, марширующих в сторону виргинских мостов. Был понедельник, пятнадцатое июля.

Весь день Джордж занимался тем, что пытался привести в порядок сотню личных дел – во всяком случае, ему казалось, что их очень много, – готовясь к приезду Констанции с детьми. В половине десятого он вошел в главный обеденный зал отеля «Уиллард». Брат, сидевший за одним из центральных столиков, помахал ему рукой.

Джордж чувствовал себя глупо в этой вычурной шляпе, украшенной, как и у всех офицеров генерального штаба, золоченым ремешком, еще одним дополнительным позументом, бронзовым орлом и черной кокардой. Саблю, которая полагалась ему по чину, он купил самую дешевую, какую только смог найти. Она была сделана из плохой стали с большим содержанием олова и годилась только для парадов, но Джорджа это вполне устраивало, так как носить ее постоянно он вовсе не собирался. Да и эту дурацкую шляпу тоже.

Ему вообще казалось странным вновь облачиться в военный мундир, а еще более странным – в это беспокойное время встречаться с родным братом в ресторане гостиницы.

– Бог ты мой, до чего ж ты элегантен! – воскликнул Билли, когда Джордж сел за стол. – И в звании меня обошел, как я вижу. Да, капитан?

– Так, давай не будем об этом, или я подам на тебя рапорт! – добродушно проворчал Джордж. Сидеть на стуле с пристегнутой к поясу саблей оказалось очень неудобно. – Я, может быть, в следующем месяце уже майором стану – там всех сразу повышают на два или три звания.

– И как тебе в артиллерийском управлении? Нравится?

– Нет.

– Тогда какого черта ты...

– Иногда приходится делать и то, что не нравится. Иначе бы меня там не было.

Он закурил сигару, отчего стоявший рядом в ожидании заказа официант зашелся в приступе кашля. Джордж начал громко перечислять блюда из меню, вдруг поймав себя на забавной мысли, что это напоминает ему сцену, когда старшекурсник-вестпойнтовец муштрует несчастного «плебея»¹². Его никогда не влекла к себе военная служба, но привычки вернулись сразу же. Карандаш официанта забегал по листку бумаги.

– Я тоже возьму рубленую телятину, – сказал Билли.

Официант ушел, и братья стали понемногу потягивать виски.

– Знаешь, Джордж, не исключено, что ты вообще не успеешь ничего сделать в этом своем министерстве. Один бросок на Ричмонд – и все может закончиться. Макдауэлл выступает этой ночью.

– Нужно быть слепым и глухим, чтобы этого не заметить, – кивнул Джордж. – К тому же меня предупредил Стэнли. Мы обедали вместе сегодня днем.

Билли смутился:

– Может, нам нужно было пригласить его на ужин?

– Пожалуй, но я рад, что мы этого не сделали. К тому же Изабель вряд ли бы его отпустила.

– В записке ты сообщил, что Констанция приезжает утром. Ты уже нашел жилье?

– Прямо здесь. Номер люкс. Жутко дорого, но ничего другого подыскать не удалось.

– «Уиллард» сейчас забит под завязку. Как тебе вообще это удалось?

¹² «Плебеями» в Вест-Пойнте называли первокурсников.

– Кэмерон постарался, уж не знаю, каким способом. Думаю, у министра есть свои рычаги. – Джордж выпустил облако дыма. – Ну а как твои дела? Так же хороши, как твой вид?

– Да, все отлично... если не считать того, что я ужасно скучаю по Бретт. У меня прекрасный командир. Может, правда, излишне религиозен, зато великолепный инженер.

– Что, постоянно говорит о Боге? Да, с такими надо быть поосторожнее. Хотя сейчас любые нужны. Я сегодня видел, как тренировались добровольцы.

– Что, очень плохо?

– Хуже некуда.

– И сколько человек Макдауэлл поведет в Виргинию?

– Я слышал, тридцать тысяч. – (Еще один клуб дыма.) – Завтра наверняка опубликуют точную цифру. Можно написать Старине Бори для подтверждения. Я слышал, он получает все местные газеты, каждый день, с курьерами.

Билли удивленно рассмеялся.

– Я никогда не был на настоящей войне, как ты, – сказал он, – но даже представить себе не мог, что война может быть такой, как сейчас.

– Не обманывай себя. Это никакая не война, это... даже не знаю, как назвать... Карнавал какой-то. Сборище ретивых дилетантов во главе с толпой политиков, которым почему-то верят все, и горстки профессионалов, которым не верит никто. Экспонат для Музея Барнума. Диковинный аттракцион, как и все там.

Официант принес два блюда с дымящимися паром жирными устрицами в молочном бульоне.

– Скажу тебе одну вещь, – добавил Джордж, отложив сигару и берясь за ложку. – Чтобы эта война поскорее кончилась, я бы вооружил всех негров, которые сейчас толпами бегут с Юга.

– Дать оружие беглым неграм?

Осуждение, написанное на лице брата, покорило Джорджа.

– А почему нет? Думаю, солдаты из них получатся лучше, чем из некоторых белых джентльменов, которых я видел нынче на учениях.

– Но они не граждане. Дред Скотт уже говорил об этом.

– Правильно... если ты считаешь, что это решение верно. Я так не считаю. – Он слегка наклонился через стол. – Билли, отделение Юга – это только порох, который взорвался, чтобы началась эта война, а запал-то – в рабстве. Именно в нем корень всех бед. Разве можно запрещать черным сражаться за свою собственную свободу?

– Возможно, в политическом смысле ты и прав, но я знаю армию. Появление черных полков наверняка вызовет раздражение. И последствия могут быть самыми печальными.

– Ты хочешь сказать, что белые солдаты не будут доверять цветным?

– Не будут.

– И ты тоже?

– Да, – скрывая смущение за легким вызовом, сказал Билли. – Пусть я не прав, но я чувствую именно это.

– Тогда, пожалуй, нам лучше поговорить о чем-нибудь другом.

Они так и сделали и остальную часть вечера больше не затрагивали щекотливых тем. После ужина они вышли на Пенсильвания-авеню, как раз когда мимо проходил какой-то пехотный полк; солдаты шли не в ногу, винтовки с примкнутыми штыками держали как попало. Было совершенно непонятно, для кого барабанщики выбивают свой ритм, – с таким же успехом они могли играть хоть на луне.

– Береги себя, Билли, – тихо сказал Джордж. – Уже очень скоро начнется что-то серьезное... думаю, не позже чем через неделю.

– Со мной все будет в порядке. Я даже не уверен, что нашу роту вообще отправят в Ричмонд вместе со всеми.

– Почему все так уверены в том, что доберутся до Ричмонда? Люди здесь ведут себя так, словно армия конфедератов – сплошь дураки и шеголи. А я знаю нескольких вестпойнтовцев, которые перешли на сторону южан. Это лучшие офицеры. Что до рядовых, то южные парни привыкли к жизни на приволье, и это дает им большое преимущество. Так что не стоит недооценивать их. Прошу тебя, прислушайся к моему совету. И будь осторожен. Хотя бы ради Бретт.

– Буду, – пообещал Билли. – Мне очень жаль, что мы с тобой не сошлись насчет нигге... в другом вопросе.

Джордж протянул к нему руки. Они обнялись, и Билли ушел в темноту, вслед за поблескивающими иглами штыков и грохотом невидимых барабанов.

Констанция с детьми доехали благополучно. Они привезли целую гору багажа, в том числе ящик с продуктами и книги, которые Бретт собрала для Билли.

Патриция возбужденно щебетала о том, как она рада увидеть столицу и как ей не терпится поскорее пойти здесь в школу осенью. Ее брат, который был старше ровно на десять месяцев, разделял ее восторг только наполовину – при упоминании о школе он просто показал сестре язык прямо в холле отеля «Уиллард», за что тут же получил подзатыльник и выговор от матери.

Джордж заметил, что, возможно, к осени они уже все вернутся домой. Так или иначе, предстоящее сражение должно было что-то показать. За последние пару дней цены на наем экипажей или лошадей взлетели в несколько раз; сотни людей собирались ехать в Виргинию, чтобы лично понаблюдать за волнующими событиями с безопасного расстояния. И хотя Джордж знал, что такое война, не понаслышке, он тоже не устоял перед соблазном, и теперь в распоряжении семьи, если бы они захотели поехать, была прекрасная четырехместная коляска.

– Если бы я тебе сказал, сколько она стоила, ты бы, пожалуй, выгнала меня, – с улыбкой сказал он жене.

Когда в среду вечером, уставший после героических попыток разобраться в чудовищном беспорядке артиллерийского управления, Джордж вернулся в отель, необычно мрачная Констанция протянула ему визитную карточку.

– Кто-то принес, пока я ходила за покупками, – сказала она. – А я так надеялась, что нам не придется общаться со Стэнли и Изабель.

Джордж перевернул карточку и с унынием прочел написанное рукой Изабель приглашение на завтрашний ужин. Нахмурившись, он некоторое время молчал, глядя на короткую строчку, а потом со вздохом сказал:

– Давай сходим к ним один раз, чтобы с этим покончить. Иначе она так и будет забрасывать нас своими приглашениями, а мы будем страдать и бояться очередной записки, как визита к дантисту.

– Думаю, я смогу это выдержать, – обреченно ответила Констанция, – если ты сможешь, хотя мы оба знаем, что на самом деле скрывается за этой демонстрацией дружелюбия. Старина Саймон хочет, чтобы ты был доволен.

Джордж пожал плечами, признавая такую возможность, однако добавил:

– Не удивлюсь, что Изабель действительно хочет принять нас у себя.

– Джордж, ты шутишь!

– Нет, я вполне серьезно. Для нее это прекрасный повод показать себя. – Он задумчиво почесал подбородок. – Вот интересно, чем она будет хвастаться на этот раз?

Как оказалось, список был весьма длинным. На закуску подали сам арендованный особняк на Первой улице. Гостей заставили осматривать его добрых пятнадцать минут; Изабель

то и дело обращала их внимание на обстановку разных комнат, при этом сочувственно приговаривая:

– Мне так жаль, что вам приходится ютиться в гостиничном номере. Нам просто несказанно повезло, что подвернулся этот дом и мы смогли уехать из «Националя», правда?

– О да, очень повезло! – с безупречной вежливостью ответила Констанция, мужественно сохраняя непроницаемую искренность улыбки. – И так мило, что вы нас пригласили, Изабель.

– Прошлое должно остаться в прошлом, особенно в такие времена, как теперь.

Изабель явно метила в Джорджа и своей цели все-таки достигла. Он вдруг ощутил усталость и раздражение, а парадная форма, в которой он чувствовал себе игрушечным солдатиком, стала казаться смешной и неуместной, тем более что рукоять этой дурацкой, положенной по уставу сабли то и дело ударяла его по поясу.

За ужином метание ножей продолжилось. Стэнли и Изабель пересыпали разговор фамилиями важных персон, называя их по-свойски, как близких друзей: Чейз, Стивенс, Уэллс, генерал Макдауэлл и, конечно же, Кэмерон.

– Ты видел его доклад за прошлый месяц, Джордж?

– По должности мне не положено его видеть, Стэнли. Я о нем читал.

– И о том замечании насчет Академии?..

– Да. – Даже для того, чтобы просто подтвердить это, Джорджу понадобилось взять себя в руки.

– Хочешь знать дословно, что он там написал, дорогой? – проворковала Изабель, и Джордж явственно услышал, как захлопнулась воображаемая дверь ловушки. – Что мятеж – по крайней мере, в таких масштабах – был бы невозможен без предательства офицеров, получивших образование в Вест-Пойнте на деньги налогоплательщиков. А в конце еще добавил, что подобное вероломство напрямую связано с самим существованием в стране элитных учебных заведений, что, безусловно, является в корне ошибочной системой.

Элита. Деньги налогоплательщиков. Предательство. Он будто снова слышал галдеж той же толпы старьевщиков, только теперь она приобрела более респектабельный вид, прикрывшись красно-бело-синими знаменами.

– Вздор, – пробормотал он, хотя на язык просилось словцо покрепче.

– Позволь с тобой не согласиться, Джордж, – возразила Изабель. – То же мнение я слышала от жен многих конгрессменов и министров. Даже сам президент в своем послании ко Дню независимости высказался в этом же духе.

– Боюсь, твою Академию ждут не лучшие времена, – изображая мрачную серьезность, покачал головой Стэнли.

Джордж бросил на жену негодующий взгляд поверх супницы с черепаховым супом. Ее глаза сказали ему, что она очень хорошо понимает его мучения и разделяет их, но умоляет быть терпеливым.

Следующий клинок был брошен, когда слуги принесли блюда с жареным на открытом огне кафельником и запеченной олениной.

– У нас есть и другие хорошие новости, – заявила Изабель с улыбкой. – Расскажи им о фабрике, Стэнли.

И Стэнли рассказал, как школьник, повторяющий вызубренный урок.

– Значит, армейская обувь? – спросил Джордж. – Полагаю, вы уже подписали контракт?

– Да, – сказала Изабель. – Но прибыль в этом деле не самое главное, мы вовсе не для этого купили «Обувь Лэшбрука». Мы хотим помочь стране.

Джордж не удержался и возвел глаза к потолку. К счастью, Констанция этого не заметила.

– В одном эгоистичном соображении я все же должна признаться, – продолжала Изабель. – Если дела на фабрике пойдут хорошо, Стэнли не придется больше всецело зависеть от

тех дополнительных выплат, которые он получает от завода Хазардов, чтобы как-то восполнить его скудное жалованье в военном министерстве. Он наконец встанет на ноги.

«Ну да, скорее, будет у Кэмерона в руках», – подумал Джордж.

– Если каждый из вас будет управлять собственным делом, – улыбаясь самой неискренней из улыбок, добавила Изабель, – в семье быстрее наступит гармония, а разве не к этому мы все стремимся? Разумеется, мы полагаем, что доход от процента участия Стэнли в прибыли завода по-прежнему будет выплачиваться...

– Не волнуйся, Изабель, никто не собирается тебя обманывать.

Услышав раздражение в голосе мужа, Констанция коснулась его руки:

– Дорогой, думаю, нам не стоит долго засиживаться. Ты говорил, что завтра у тебя тяжелый день.

За столом снова воцарилась фальшивая вежливость. До конца ужина Изабель пребывала в приподнятом настроении, словно выиграла в карточной игре, зайдя с козыря.

Когда супруги возвращались в отель в наемном экипаже, Джордж наконец взорвался.

– Из-за этого обременительного контракта Стэнли я тоже чувствую себя чертовым спекулянтом! Мы продаем флоту листовое железо, а восьмидюймовые колумбиады – министерству, в котором я работаю...

Констанция ласково погладила его по руке, пытаясь успокоить:

– Не думаю, что это одно и то же.

– Да? Я что-то большой разницы не вижу.

– А что бы ты стал делать, если бы Союзу срочно понадобились пушки, но заплатить за них правительство не могло? Если бы тебя попросили производить оружие на таких условиях?

– Стал бы искать способы все-таки добыть деньги. У меня есть обязательства перед людьми, которые у меня работают. И они ждут свое жалованье каждую неделю.

– Но если бы ты смог решить вопрос с зарплатой, ты бы ответил согласием. В этом и есть разница между тобой и Стэнли.

Джордж с сомнением покачал головой:

– Ох, не знаю, так ли я свят. Но знаю точно, что наши пушки будут сделаны намного лучше, чем башмаки Стэнли.

Констанция засмеялась и обняла его:

– Вот поэтому-то Стэнли может превратиться в спекулянта, а ты всегда будешь Джорджем Хазардом. – Она поцеловала его в щеку. – За это я тебя и люблю.

В отеле Констанция с облегчением увидела, что их сын благополучно вернулся из военного лагеря, который ему очень хотелось увидеть. Констанция боялась отпускать его одного, считая, что Уильям еще слишком юн. Но Джордж убедил ее не проявлять излишней заботы. Мальчику полезно было набраться нового опыта.

– Макдауэлл уже на марше, – сообщил Уильям родителям с огромным энтузиазмом. – Дядя Билли сказал, что сражение с южанами, возможно, начнется в субботу или в воскресенье.

Стэнли за ужином объявил о том, что они ни в коем случае не намерены пропускать это зрелище. Перед сном Джордж и Констанция обсудили возможные риски такой поездки. Констанция хотела поехать, и, рассчитывая на согласие мужа, она уже заказала большую корзину с едой у Готье. Джордж молча восхитился своей женой – за столь короткий срок пребывания в Вашингтоне она успела узнать массу полезных вещей, и в том числе то, что ни к какому другому, менее престижному поставщику обращаться просто не стоит.

– Ладно, – согласился он. – Поедем.

В тот вечер Билли написал в своем дневнике:

Сегодня из города приезжал мой племянник и тезка. Получив разрешение капитана, я возил его к зданию окружного суда Фэрфакса, чтобы посмотреть на движение войск. Зрелище было по-настоящему грандиозным – развевались знамена, сверкали штыки, грохотали барабаны. Добровольцы продемонстрировали высокий боевой дух перед предстоящим сражением. Некоторые подразделения – не инженерные, но выполняющие ту же работу, уже подверглись обстрелу скрытых батарей, когда расчищали дороги от поваленных мятежниками деревьев. Наша рота, к моему разочарованию, вместе с силами округа остается в тылу. И все же, должен признаться, я чувствую и некоторое облегчение. Бой может оказаться серьезным, хотя добровольцы ведут себя так, словно их ждет веселая прогулка. Мне рассказывали, что перед сражением солдаты обычно сильно нервничают и оттого много шутят. Теперь я вижу, что это действительно так, – такого количества прибауток и острот, как сегодня, я не слышал никогда. А еще все поют одну и ту же песню – «Тело Джона Брауна», и так увлечены музыкой и весельем, что забывают обо всем остальном. Старших по званию они вообще не слушают, устав не соблюдают. Неудивительно, что Макдауэлл не слишком-то им доверяет. Когда мы с Уильямом возвращались в лагерь – на своих двоих, потому что не нашли ни одной подводы, ехавшей в ту сторону, мы проходили мимо палатки капитана Ф. и услышали, как он молился во весь голос: «Вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающей яростью, чтобы истребить с земли грешников ее». – «Что это?» – спросил мой изумленный тезка. Я ответил: «Думаю, стих из Книги пророка Исаи...» Но выяснилось, что мальчик спрашивал совсем о другом и просто хотел знать, кто это говорит. А потом он и вовсе сбил меня с толку, спросив, не отвернется ли Бог от наших друзей Мэйнов. Я ответил ему честно, как только мог, что, возможно, если судить с нашей стороны, то отвернется. Но тут же добавил, что наши противники рассчитывают на любовь Господа с неменьшей верой. Юный Уильям быстро соображает, как и его отец; уверен, он все понял правильно. Капитан Ф. пригласил его присоединиться к нашей молитве, был чрезвычайно сердечен с ним и хвалил за умные вопросы. Уильям оставался в лагере, пока в городке не зажгли костры, потом сел на свою лошадь и поехал обратно в Вашингтон, где, как мне говорили, тоже царит большое волнение. Когда я пишу эти строки, то все еще слышу вдали грохот подвод, топот копыт и пение добровольцев. Мне бы тоже хотелось быть сейчас там.

Глава 31

Бретт скучала по Констанции, и тоска ее росла еще и оттого, что в Бельведере сейчас жила совсем другая женщина, которая ей очень и очень не нравилась.

После отъезда Констанции с детьми Бретт несколько раз пыталась вовлечь свою родственницу в вежливую беседу и каждый раз получала лишь односложные ответы. Вирджилия больше не вела себя надменно, не произносила обвинительных речей, как до войны, но она нашла другой способ быть грубой.

И все же Бретт чувствовала себя обязанной проявлять доброту. Вирджилия была не просто ее родственницей по мужу, она была еще и сломленным существом. На следующий вечер после того дня, как Джордж с Констанцией ужинали у Стэнли, она решила повторить попытку.

Однако Вирджилии нигде не было. Когда Бретт стала расспрашивать слуг, одна из девушек с откровенной неприязнью сказала:

– Я видела, как она поднималась в башню с газетой, мэм.

Бретт поднялась по железной винтовой лестнице, которую делали на заводе Хазардов по проекту Джорджа. Пройдя через маленький кабинет, заставленный книжными стеллажами, она открыла дверь на узкий балкон, опоясывающий башню. Внизу, в летних сумерках, горели огни Лихай-Стейшн, за темной лентой реки виднелись горы, очерченные догорающим вечерним светом. С севера доносился шум, тянуло дымом и гарью – завод в эти дни работал без передышки.

– Вирджилия?

– А... Добрый вечер.

Она даже не обернулась. Пряди неприбранных волос трепало ветром, и в полутьме ее даже можно было принять за горгону Медузу. Под мышкой у нее Бретт увидела газету «Новости Лихай-Стейшн», которую ее владелец недавно в порыве патриотизма переименовал в «Новости Союза».

– Есть что-нибудь важное?

– Пишут, что сражение в Виргинии начнется через несколько дней.

– Может быть, после этого наступит мир.

– Может быть, – равнодушно откликнулась Вирджилия.

– Ты идешь ужинать?

– Вряд ли.

– Вирджилия, окажи любезность, хотя бы посмотри на меня.

Сестра Билли медленно повернулась, и когда в ее глазах отразился свет неба, Бретт показалось, что она увидела прежнюю Вирджилию – яростную, непримиримую, страдающую. Но уже через мгновение ее глаза снова потускнели. Бретт заставила себя быть мягкой, хотя ей этого совсем не хотелось.

– Я знаю, ты перенесла ужасные испытания... – сказала она.

– Я любила Грейди, – перебила ее Вирджилия. – Все ненавидят меня за это, ведь он был цветным. Но я любила его.

– Я понимаю, как тебе должно быть одиноко без него.

Это была ложь – любовь белой женщины к негру оставалась за пределами ее понимания.

– Здесь мой единственный дом, но никто не хочет, чтобы я тут жила, – упиваясь жалостью к себе, проговорила Вирджилия.

– Ты не права. Констанция ведь пустила тебя... И я тоже хотела бы тебе помочь. Знаю, – как же трудно давались эти слова, – мы никогда не станем близкими подругами, и все же нам не стоит вести себя так, будто мы совсем чужие люди. Мне было бы очень приятно сделать тебя хоть чуточку счастливее...

– И как же это? – язвительно спросила Вирджилия, наконец-то возвращаясь к себе прежней.

– Ну... – В отчаянии Бретт ухватилась за соломинку. – Прежде всего мы должны что-то сделать с этим платьем. Оно тебе не подходит. Вообще-то, оно просто ужасно.

– Ну и что? Мужчины на меня все равно не смотрят.

– Никто и не собирается тащить тебя к алтарю или на бал... – (Вирджилия никак не отреагировала на ее шуточный тон и по-прежнему смотрела мрачно), – но ты наверняка почувствуешь себя лучше, если снимешь это платье, примешь горячую ванну и приведешь в порядок волосы. Ты позволишь мне заняться твоей прической после ужина?

– В этом нет никакого смысла.

Как глупо было надеяться, что она примет помощь, с досадой подумала Бретт. Все так же чудовищно неблагодарна, как и...

Она вдруг взглянула на Вирджилию, и все ее раздражение куда-то вмиг исчезло. Перед ней стояла уже немолодая женщина с растрепанными в беспорядке волосами, сгорбленной спиной и обвисшей, как у старухи, грудью. А ее глаза, в которые снова проник свет угасающего дня, выражали такую жуткую боль, что Бретт содрогнулась.

– Ну же, идем... – ласково сказала она, – давай попробуем! – Словно мать, уговаривающая ребенка, она взяла Вирджилию за руку и, не почувствовав сопротивления, мягко потянула ее за собой.

– Да мне плевать... – пожала плечами Вирджилия, но все-таки позволила Бретт увести себя с балкона назад, к железной лестнице.

После ужина Бретт велела двум служанкам налить в ванну горячей воды. Когда девушки поняли, в чьей комнате это надо сделать, они уставились на молодую хозяйку так, словно решили, что она помешалась. Однако Бретт повторила свою просьбу, а потом повела Вирджилию наверх. Та не сопротивлялась.

– Сними с себя всю одежду, – сказала она через дверь ванной, где оставила Вирджилию одну. – Белье тоже снимай. Я подберу тебе что-нибудь другое.

Она села на кровать в темной комнате – Вирджилия еще раньше задернула все шторы – и сидела так минут пять. Из ванной не доносилось ни звука. Прошло еще пять минут, и раздражение Бретт сменилось тревогой. А вдруг эта сумасшедшая что-нибудь с собой сделает?

Она прижала ухо к двери ванной:

– Вирджилия?..

Сердце ее бешено колотилось. Наконец она услышала какие-то звуки. Дверь ванной приоткрылась, и оттуда высунулась рука, держащая скомканную одежду, к которой Бретт не хотелось даже прикасаться. Подавив отвращение, она все-таки взяла ворох грязного тряпья, вышла из комнаты и на вытянутой руке отнесла его вниз.

– Сожги это, – велела она одной из служанок, а другой сказала: – Найди ночную рубашку и халат, которые подойдут мисс Вирджилии. Мои ей слишком малы. – Видя ужас на лице девушки, она добавила: – Я заплачу вдвойне за любую более-менее нормальную одежду. Ты сможешь купить себе все новое.

Это помогло. Снова поднявшись наверх, Бретт положила ночную рубашку на кровать и просунула старый льняной халат в дверь ванной. Газовые лампы в комнате она зажгла на полную мощность, чтобы там наконец-то стало светло. Вскоре из ванной показалась Вирджилия. Она ступала почти застенчиво, плотно закутавшись в халат. Ее кожа и волосы были влажными, но определенно сияли чистотой.

– Выглядишь великолепно! – воскликнула Бретт. – Иди сюда, сядь.

Вирджилия села на мягкую вышитую скамеечку перед высоким овальным зеркалом. Бретт взяла свежее полотенце и подсушила ей волосы, а потом – и в самом деле как ребенку – начала расчесывать их щеткой с серебряной ручкой, инкрустированной жемчужинами. Снова

и снова она медленно проводила щеткой по волосам, слушая, как тикают часы на каминной полке. Вирджилия сидела в напряженной позе, не двигаясь и глядя в зеркало. Понять, о чем она думала, было невозможно.

Как следует расчесав волосы, Бретт разделила их на пробор посередине, как велела мода, а потом, наматывая пряди на палец, стала подкалывать их сначала на левой стороне, а потом на правой.

– Ну вот. А потом получатся премиленькие локоны. – Она приподняла последнюю прядь – волосы у Вирджилии были густыми и очень красивыми. – Утром соберем их в сетку. Будешь очень модной.

Увидев в зеркале свое улыбающееся лицо рядом с безжизненной маской Вирджилии, она растерялась. Однако постаралась не показать этого.

– На кровати ночная рубашка. Завтра первым делом поедem в город и купим тебе новую одежду.

– Мне нечего надеть.

– Попросим у кого-нибудь.

– У меня нет денег.

– Не важно. Считай это подарком.

– Ты не должна...

– Нет, должна. Помолчи. Я хочу, чтобы ты почувствовала себя более уверенно. Ты ведь привлекательная женщина.

Это наконец вызвало улыбку – недоверчивую и презрительную. Снова ощущая досаду, Бретт отвернулась.

– Отдохни как следует, – сказала она. – Увидимся утром.

Вирджилия по-прежнему сидела не двигаясь, лицо ее ничего не выражало. В полном отчаянии Бретт вышла из комнаты, решив, что зря потратила вечер.

Дверь закрылась, но Вирджилия еще долго сидела на кровати, положив руки на колени. Никто и никогда раньше не называл ее привлекательной. Никто и никогда даже намеком не заставил ее поверить, что ее можно считать симпатичной. Она была далеко не красавица и знала это. И все же, глядя сейчас на свое освещенное лампой отражение в зеркале, она видела совсем другую женщину, которую вполне можно было назвать интересной. Уложенные по моде волосы красиво обрамляли лицо; даже обычно землистая кожа теперь выглядела намного лучше – после ванны на ней появился легкий румянец, и небольшие оспины, которых она всегда стыдилась, стали почти незаметны. В горле Вирджилии набух ком.

Когда Бретт сказала, что хочет ей помочь, первой реакцией Вирджилии было подозрение, второй – усталое безразличие. Но теперь, когда она сидела перед зеркалом, что-то в ней шевельнулось. Не счастье, нет; она вообще редко испытывала такое чувство, и уж конечно не сейчас. Пожалуй, это можно было назвать интересом. Любопытством. Но как ни назови, это все же было маленьким ростком жизни, внезапно пробившимся сквозь твердую землю.

Вирджилия встала и, развязав пояс, распахнула халат, чтобы увидеть себя.

Что ж, если надеть корсет, грудь еще вполне может выглядеть неплохо. Тело заметно постройнело, – пожалуй, муки голода, которые она испытывала после того, как продала последние украденные ценности, имели и положительную сторону.

Вирджилия сбросила халат на пол и, внезапно охваченная волнением, сделала шаг вперед. Рука ее – сначала неуверенно, а потом все смелее – потянулась вперед и коснулась так удивившего ее отражения в зеркале.

– О... – только и смогла выговорить она, и глаза ее наполнились слезами.

Заснуть еще долго не удавалось, и около полуночи она встала с кровати и отдернула занавески на окнах, чтобы свет зари мог разбудить ее. Рано утром, в ночной рубашке и халате, она уже сидела в столовой и ждала, когда Бретт выйдет к завтраку.

Глава 32

В воскресенье утром Джордж проснулся в пять часов. Стараясь не шуметь, он осторожно встал с кровати, но, как видно, был все-таки недостаточно осторожен, потому что уже скоро разбудил и Констанцию, и детей.

– Ты волнуешься, как мальчишка! – сказала она, зевая и лениво одеваясь.

– Хочу увидеть сражение. Полгорода надеется, что оно будет первым и последним в этой войне.

– А ты, па? – спросил Уильям, который испытывал такое же радостно-тревожное волнение, как и его отец.

– Я бы не рискнул строить догадки.

Джордж застегнул на поясе старый армейский ремень и несколько раз проверил, надежно ли лежит в кобуре кольт 1847 года. Констанция наблюдала за его приготовлениями молча и только чуть хмурилась.

– Уильям, – махнул рукой Джордж, – принеси мою фляжку с виски и держи ее при себе. Патриция, а ты помоги маме с корзиной для пикника. Я пойду за экипажем.

– Я бы лучше дома осталась, – скорчила недовольную рожицу Патриция. – Почитала бы или покормила ворон на аллее.

– Ну-ну, – сказала Констанция, когда Джордж вышел. – Ваш отец все подготовил, договорился. Мы едем.

Как оказалось, то же самое сделала и немалая часть населения Вашингтона. Даже в столь ранний час множество всадников и разнообразных экипажей уже собрались на окраине города возле Лонг-Бридж, где постовые проверяли пропуска. В толпе ожидавших слышались оживленные разговоры, смех; многие взяли с собой театральные бинокли или подзорные трубы, купленные или взятые в займы ради такого случая. День обещал быть погожим; ароматы нагретой земли и летнего воздуха смешивались с запахами конского пота и духов.

Наконец подошла очередь Хазардов. Джордж показал пропуск военного министерства.

– Большое оживление здесь сегодня, – заметил он.

– Вы бы видели, сколько уже проехало, капитан. Час за часом все едут и едут. – Отдав честь, постовой махнул рукой, и коляска тронулась дальше.

Они пересекли мост; Джордж ловко правил двумя лошадьми, нанятыми вместе с ландо и стоившими ему баснословной суммы в тридцать долларов за день. Однако он согласился на такую цену без возражений и еще считал себя счастливым; среди ехавших сейчас рядом с ними фаэтонов, двуколок и карет попадались и куда более экзотические средства передвижения, в том числе подвода молочника или фургон одного известного городского фотографа, украшенный его именем.

Дорога оказалась неблизкой; чтобы доехать до расположения войск, им нужно было преодолеть почти двадцать пять миль. Два часа растянулись в три, мили пробегали одна за другой; они проезжали мимо кукурузных полей, небольших ферм и покосившихся хижин. Белые и черные люди с одинаковым изумлением наблюдали за вереницей экипажей и всадников.

После прохода армии Макдауэлла дорога была совершенно разбита. Карета сильно раскачивалась и подпрыгивала на ухабах, и Констанцию с детьми то и дело кидало из стороны в сторону. Патриция громко жаловалась на неудобство и слишком долгую поездку.

Наконец они решили остановиться возле небольшой рощи. Констанция с дочерью вышли первыми, а когда они вернулись, в лесок пошли Джордж и Уильям. Когда все снова собрались в карете, Джордж опустил верх, чтобы удобнее было любоваться пейзажами, залитыми солнечным светом. Это немного успокоило Уильяма, однако Патриция продолжала сетовать на скуку и сердилась. Джорджу пришлось немного поговорить с ней, чтобы она перестала ворчать.

Слева их ландо обогнал какой-то всадник. Джордж узнал его – это был один из сенаторов. Он уже видел здесь трех известных людей из палаты представителей. До Фэрфакса оставалась еще пара миль, когда Уильям взволнованно дернул отца за рукав:

– Па, слышишь?

За скрипом колес и топотом копыт Джордж не заметил далекого грохота.

– Это артиллерия, точно, – сказал он.

Констанция обняла дочь. Джордж вспомнил Мексику и почувствовал, как по спине пробежал холодок. Взрывы снарядов, оглушительные крики раненых, последние стоны умирающих... Вспомнил он и тот снаряд на дороге к Чурубуско, который разнес хижину, где в тот момент находился Орри, и оторвал его другу руку. Джордж закрыл глаза, пытаясь отогнать страшные воспоминания.

Но тут же открыл их вновь, сосредоточившись на дороге. Звуки выстрелов за горизонтом встревожили не только их, но и тех, кто следовал рядом. Все начали подгонять лошадей, однако впереди что-то явно мешало движению. В воздух взметнулись огромные облака пыли.

– Бог мой, а это еще что?! – воскликнул Джордж, увидев пеший отряд федералов, направлявшийся в сторону Вашингтона.

Солдаты разделились, обходя встречный поток экипажей и всадников.

– Вы откуда? – крикнул Джордж какому-то капралу, правившему нагруженной доверху телегой.

– Четвертый Пенсильванский.

– Что, сражение уже закончилось?

– Не знаю, но мы возвращаемся. Наш контракт истек вчера.

Капрал проехал мимо, за ним прогулочным шагом следовали добровольцы с небрежно закинутыми на плечи винтовками. Все громко смеялись; губы у нескольких молодых солдат были испачканы черникой. В паре винтовочных стволов Джордж заметил полевые цветы. Пенсильванцы неторопливо вышагивали по обе стороны дороги, беспечно собирали букетики, мочились – в общем, делали все, что им вздумается, а меж тем канонада на юге продолжалась.

Миновав Фэрфакс, вашингтонцы поспешили дальше, к голубой дымке, плывшей над горными хребтами, которые все еще оставались далеко впереди. Грохот пушек стал громче. К полудню Джордж начал различать и ружейные выстрелы.

Вокруг было много холмов, поросших лесами, хотя встречались и открытые пространства. Они проехали Сентервилл и повернули в сторону Уоррентонской заставы, где наконец увидели огромное скопление карет и лошадей по обе стороны дороги. Какой-то вестовой, скакавший в их сторону, прокричал, что дальше ехать нельзя.

– Мне ничего не видно, папа, – пожаловался Уильям, когда Джордж повернул лошадей налево, за длинный ряд зрителей, расположившихся среди деревьев, со своими одеялами и корзинами для пикника. Прямо перед ними, у подножия холма, протекал ручей Каб-Ран, за ним лежали затянутые дымом поля и лес.

Оглядываясь в поисках свободного места, Джордж заметил немало иностранных мундиров и услышал столько чужих языков, что их вполне хватило бы для большого дипломатического приема. Вашингтонцев он тоже увидел, и в том числе сенатора от штата Иллинойс Трамбулла, который был с большой компанией.

Были и знакомые лица, которые заставили его поморщиться.

– Доброе утро, Стэнли! – крикнул Джордж, не останавливая лошадей и от души радуясь, что рядом с каретой Стэнли не нашлось свободного места.

– Три корзины с едой и ящик шампанского... Ну и ну! – сказала Констанция.

– Я ничего не вижу! – снова начал хныкать Уильям.

– Если и так, мы все равно не можем подъехать ближе, – ответил сыну Джордж. – А, вот тут есть местечко.

Усталый и мокрый от пота, он повернул к свободной площадке в конце ряда экипажей. Наручные часы показывали десять минут второго. С этого места были видны только клубы густого дыма вдалеке.

– Они сейчас не стреляют... – с явным облегчением проговорила Констанция, расстилая на траве одеяло.

Может, все уже закончилось? Джордж сказал, что попытается что-нибудь разузнать, и пешком пошел в сторону дороги.

Проходя мимо Стэнли, он все-таки решил остановиться на минуту – просто из вежливости. За деревом близнецы увлеченно колотили друг друга. У потного Стэнли от шампанского косили глаза. Изабель заявила, что артиллерийский огонь еще несколько минут назад был «ужасающим» и что бунтовщики наверняка уже бегут назад, в Ричмонд. Джордж приложил руку к полям шляпы и отправился искать более надежные источники.

Он прошел мимо нескольких шумных компаний и вдруг понял, что его раздражает их веселость – может быть, потому, что он уже догадывался, что на самом деле происходит за завесой дыма. Он дошел до дороги и осмотрелся в поисках кого-нибудь достойного доверия.

Вскоре он увидел, как через временный мост через Каб-Ран с грохотом проехала двуколка и остановилась на противоположной стороне дороги. Сидевший в коляске довольно крупный мужчина в хорошем костюме не спеша водрузил на нос очки, которые висели у него на груди на цепочке, и достал из-под сиденья тетрадь в твердом переплете и карандаш. Джордж быстро перешел дорогу.

– Вы репортер? – спросил он.

– Совершенно верно, сэр.

Характерный британский акцент удивил Джорджа.

– Моя фамилия Рассел. – Выждав немного и не увидев никакой реакции, мужчина холодно добавил: – Лондонская «Таймс».

– О да, конечно... Я читал ваши статьи. Вы были там, впереди?

– Насколько позволило благоразумие.

– И какая там обстановка?

– Наверняка сказать не берусь, но федералы как будто одерживают верх. Впрочем, воодушевление царит с обеих сторон. Один из генералов Конфедерации отличился в жаркой схватке недалеко от какой-то фермы близ Садли-роуд. Мне подробно рассказали об этом сражении на одном из федеральных кавалеристских постов. Зовут этого генерала... – Он перевернул пару страниц в своей тетради. – А, вот. Джексон.

– Томас Джексон? Из Виргинии?

– Не могу сказать, старина. На самом деле мне просто нужно было срочно попасть сюда. Сейчас обе стороны отдыхают и перестраиваются. Но я не сомневаюсь, что уже скоро все продолжится.

Джордж был просто уверен, что герой описанного сражения – не кто иной, как его старый друг и вест-пойнтовский однокашник, немного странноватый и одержимый какой-то внутренней силой виргинец, с которым они вместе сидели в учебных классах, ели их знаменитое кадетское рагу в спящей казарме, вели нескончаемые разговоры в залитых солнцем уличных кафе в побежденном Мехико. Перед войной Джексон преподавал в военном институте, и казалось вполне естественным, что он вернулся в армию и проявил себя с лучшей стороны. Еще в Академии о нем всегда было два противоположных мнения – одни пророчили ему блестящее будущее, другие считали сумасшедшим.

Джордж поспешил обратно к семье. Около двух часов, когда они обедали, затишье кончилось. Снова началась сотрясавшая землю канонада, приводя в восторг Уильяма и пугая Патрицию. Сотни зрителей схватились за бинокли и подзорные трубы, но почти ничего не увидели, кроме вспышек огня и клубящегося сизого дыма. Прошел час. Потом еще один. Перестрелка

не утихала. Поскольку даже самые лучшие солдаты не могли стрелять из дульнозарядника чаще четырех раз в минуту, Джордж понимал, что непрерывность огня говорит об огромном количестве людей.

Внезапно из дыма, повисшего над дорогой, показались лошади. Следом вырвалась одна повозка, за ней еще две. Они мчались к мосту через Каб-Ран, и каждый раз, когда фургоны подпрыгивали на ухабах, зрители слышали громкие стоны раненых.

– Джордж, – сказала Констанция, наклонившись к мужу, – что-то во всем этом есть отвратительное. Нам обязательно здесь оставаться?

– Думаю, нет. Мы уже видели достаточно.

Словно подтверждая его слова, на дороге появилась телега, в которой сидели офицеры в нарядных шлемах, украшенных конскими хвостами. Один из офицеров вдруг встал и, покачнувшись, как пьяный, рухнул на землю. Телега остановилась. Когда товарищи помогали ему сесть обратно, его вырвало прямо на них.

– Да, более чем достаточно...

Договорить Джордж не успел. Внезапно в толпе стоящих рядом людей началось сильное волнение, и он посмотрел в ту сторону, куда показывали все вокруг. По дороге бежал какой-то рядовой в синем мундире, направляясь к мосту. За ним появился еще один, а следом – с десяток или даже больше.

Джордж слышал, как первый солдат что-то неразборчиво кричал. Те, что неслись за ним, швыряли в стороны свои фуражки, ранцы... Боже милостивый, даже мушкеты!

И тут Джордж понял, что кричал парень, уже добравшийся до моста.

– Нас разбили! Разбили!

Желудок Джорджа сжался в тугий комок.

– Констанция, быстро в ландо! Дети, вы тоже! Бросьте все!

Он стал спешно разворачивать лошадей. Еще раньше он собирался напоить их в ручье, но теперь на это не было времени. Даже в самом воздухе, пропахшем гарью и порохом, он чувствовал смертельную опасность.

– Быстрее! – подтолкнул он сына и дочь.

Его тон встревожил детей. В конце ряда зрителей двое мужчин тоже вскочили в седла, но больше никто не проявлял тревоги. Джордж вывел карету на открытое пространство и погнал лошадей к дороге, глядя, как вниз по холму бегут уже толпы солдат, появляясь снова и снова из объятых дымом леса.

– Черная кавалерия! – пронзительно кричал совсем молодой паренек. – Черная кавалерия прямо за нами!

Джордж уже слышал об этом страшном полке из округа Фокир. Он хлестнул лошадей вожжами, чтобы заставить этих кляч двигаться быстрее, и, проезжая мимо Стэнли и Изабель, которые даже, казалось, были удивлены его спешке, крикнул им:

– Я бы на вашем месте убрался отсюда, если вы не хотите!..

Остальные его слова заглушил свист снаряда. Выгнув шею, Джордж увидел, как еще одна телега с ранеными докатила до моста через ручей как раз в тот момент, когда снаряд взорвался. Лошади встали на дыбы, телега перевернулась... и въезд на мост был перекрыт.

На Уоррентонской дороге и в окружавшем ее лесу появлялось все больше и больше экипажей и людей. Фонтаны дыма и земли взлетали вверх, когда в склон ударяли снаряды далеких пушек, бивших по холму и по берегам ручья. Федеральные солдаты продолжали бежать; попасть на мост было невозможно, санитарные повозки и телеги с припасами все прибывали, а в толпе зрителей разливался ужас, стремительный, как пожар в прерии.

Какой-то тип в штатском запрыгнул в ландо Хазардов и попытался схватить поводья. Его ногти царапнули по руке Джорджа, оставив кровавые полосы. Джордж изогнулся вбок и двинул наглеца ногой в пах. Тот свалился на дорогу.

– Черные всадники! Черные всадники! – кричали бегущие солдаты.

Дорога уже была заполнена ими до отказа; многие промокли, переходя ручей вброд, поскольку мост был перекрыт. Констанция тихо вскрикнула и обняла детей, когда очередной снаряд разорвался в поле справа от них. Карету осыпало землей.

Джордж достал из кобуры кольт, взял его в левую руку и попытался справиться с испуганными лошадьми правой. Это удавалось с трудом, но он был полон решимости доставить свою семью в безопасное место во что бы то ни стало. Теперь он держался в стороне от дороги – огромные толпы бегущих людей мешали двигаться по ней с хорошей скоростью. Среди синих мундиров мелькала и пестрая форма зуавов, – казалось, вся союзная армия, перемешанная в беспорядке, уже собралась здесь.

– Держитесь! – крикнул Джордж родным и погнал карету прямо по скошенному полю с южной стороны дороги, резко свернув один раз, чтобы не налететь на трубу, брошенную каким-то музыкантом.

Через четверть мили их нагнали и стали обгонять уже сотни людей. Джордж был возмущен поведением не только бегущих в панике солдат, но и некоторых штатских. Увидев, как за дорогой двое каких-то мужчин выбросили трех дам из их двуколки и помчались прочь, он хотел было пристрелить мерзавцев, но тут же осознал всю бессмысленность такого поступка и опустил оружие.

От бешеной скачки по полям у него болели все мускулы; глаза постоянно слезились от дыма. Снаряды падали прямо за их спинами. Когда они пересекали какой-то узкий ручей, карета застряла в грязи. Джордж велел всем выйти, а Уильяма жестом подозвал к себе, чтобы они вместе попытались вытащить заднее колесо. В эту минуту он увидел, как прямо посередине дороги несется карета Стэнли; солдатам приходилось отскакивать в стороны, чтобы не попасть под колеса. Изабель скользнула по нему взглядом, но по ее искаженному ужасом лицу было видно, что она никого не узнает.

Подбежал какой-то сержант с двумя солдатами, и его взгляд Джорджу очень не понравился. Стоя по колено в грязной воде, он взвел курок револьвера:

– Или помогите вытащить карету, или убирайтесь к черту!

Сержант выругался и увел своих людей.

Почти ослепший от пота, Джордж нажал плечом на колесо и велел сыну сделать то же самое.

– Толкаем!

Они напряглись изо всех сил; Констанция тянула за поводья. Наконец карета выскочила из грязи. Перепачканный, злой и испуганный, Джордж погнал лошадей дальше, к Вашингтону, не зная, доберутся ли они туда когда-нибудь или нет.

Люди и повозки, повозки и люди... Солнечные лучи уже падали косо, и дым стал виднее. Вокруг стояла невыносимая вонь от пропахшей мочой травы, истекающих кровью животных и трупов солдат с вывороченными кишками.

Лес впереди казался непроходимым, и Джордж повернул карету обратно к дороге.

– Черные всадники разбили нас подчистую! – слышались крики вокруг.

В карету то и дело пытались залезть солдаты. Джордж передал кольт Констанции, а сам вооружился кнутом.

Под нависшими ветками измученные лошади замедлили шаг, а потом и вовсе остановились. Прямо на их пути лежал истекающий кровью кавалерийский конь, преграждая дорогу идущей впереди группе примерно из десяти зуавов в залепанных грязью мундирах. Один за другим солдаты начали быстро обходить несчастное животное, и вдруг тот, что шел последним, совсем молодой пухлый парень с рассеченной щекой, резко остановился и уставился на раненого коня. Потом вскинул свой дульнозарядник и со всей силы ударил лошадь по голове прикладом.

Крича и ругаясь, он ударил снова. И еще дважды, с все нарастающей яростью. Не обращая внимания на мольбы жены, Джордж выпрыгнул из кареты. Парень уже разможил коню череп, но, словно не видя, что натворил, и не обращая внимания на негодующие крики Джорджа, снова поднял ружье. Слезы текли по его лицу, попадая в рваную рану на щеке.

– А ну, прекратить! Я приказываю!.. – закричал Джордж.

Последние слова потонули в рыданиях парня и крике лошади, получившей новый удар. Джордж обежал вокруг быющего в агонии животного, едва сдержав позыв к рвоте при взгляде на его разможенную голову, вырвал ружье из рук обезумевшего солдата и, нацелив дуло на него, крикнул:

– Убирайся отсюда! Пошел!

Бросив на него бессмысленный взгляд, парень, спотыкаясь, побрел к придорожной канаве и повернул в сторону Вашингтона. На ходу он все еще продолжал плакать и что-то несвязно бормотать. Джордж быстро проверил ружье, убедился, что оно заряжено, и одним выстрелом прекратил мучения коня. Потом остановил трех бегущих солдат, и они вчетвером оттащили труп с дороги.

Тяжело дыша и все еще чувствуя привкус рвоты во рту, Джордж оглянулся, ища карету, но на дороге стояла только Констанция.левой рукой она прижимала к себе детей, а правой держала кольт дулом вниз. Их карета, набитая солдатами в синих мундирах, неслась в сторону Сентервилла.

– Они ее отобрали, Джордж. Не могла же я стрелять в наших солдат...

– Конечно не могла. Это я виноват, не нужно было вас оставлять... Патриция, не надо плакать. Не бойся, детка, мы справимся. Все будет хорошо. Дай мне револьвер, любимая. А теперь идемте.

Еще в Мексике Джордж понял, что ни один солдат, да и не всякий генерал не в состоянии по-настоящему оценить масштабы сражения, в котором участвует. То, что он знал о битве у реки Булл-Ран, ограничивалось лишь плохим обзором с их зрительского места и картинами спешного отступления федеральной армии в тот жаркий воскресный вечер. Для него Булл-Ран должен был навсегда остаться этой забитой искореженными повозками и гильзами от снарядов пыльной дорогой, словно русло реки, наполненной нескончаемым синим потоком из людей, которых заставили выполнять чей-то неведомый грандиозный план.

– Джордж, смотри... – Констанция потянула его за рукав мундира. – Там, впереди...

Он увидел экипаж своего брата, лежавший на боку. Обе лошади исчезли, – вероятно, их просто украли. Изабель и мальчики стояли вокруг Стэнли, который сидел на придорожном камне, низко опустив голову и прижав руки к лицу; развязанный галстук болтался между коленями. Джордж знал, что чувствовал сейчас Стэнли. Много лет назад он сам пережил подобный момент.

– Боже, неужели мне снова придется с ним возиться?

– Я понимаю твою досаду, но ведь мы не можем бросить их здесь, – сказала Констанция.

– Почему не можем? – удивилась Патриция. – Лейбан и Леви – ужасно противные, пусть мятежники их схватят.

Констанция в сердцах шлепнула ее, но тут же устыдилась своей несдержанности, обняла дочь и попросила прощения. Стараясь не смотреть на Изабель, Джордж подошел к брату:

– Стэнли, вставай!

Плечи Стэнли еще больше опустились. Джордж схватил его за правую руку и с силой дернул:

– Вставай сейчас же! Ты нужен твоей семье!

– Он просто... совсем пал духом, когда карета перевернулась, – сказала Изабель.

Не обращая на нее внимания, Джордж продолжал тянуть брата за руку, пока тот наконец не встал. Тогда Джордж развернул его в нужную сторону и подтолкнул в спину. Стэнли начал медленно переставлять ноги.

Так пастух и его стадо двинулись дальше. Люди продолжали обгонять их, почти все были в копоти и грязи, многие – ранены. Несколько героических офицеров-добровольцев, которых они встретили, даже пытались вести строем небольшой взвод, но они были единственным исключением. Большинство офицеров давно растеряли своих солдат и теперь шли, а то и бежали намного быстрее своих подчиненных.

Весь свой гнев на мужа Изабель, как ни странно, вымещала на Джордже. И даже близнецы, которые не переставая ныли, то и дело отпускали в его адрес ехидные замечания, пока не отстали и не исчезли в сумерках где-то в поле. После пяти минут отчаянных криков они снова нашли взрослых и после этого шагали сразу за Джорджем и уже помалкивали.

Следы отступления встречались повсюду – армейские фляжки, трубы и барабаны, солдатские ранцы, штыки. В сгущавшейся темноте слышались ужасные крики раненых и умирающих, и Джорджу начинало казаться, что они уже спустились в ад. Из полутьмы до него доносились обрывки разговоров:

– ...а капитан-то сбежал, мать его. Сбежал как последний трус, пока мы пытались выстоять...

– ...у меня кровь не останавливается. Не могу...

– ...Черные всадники. Да их там почти тысяча была...

– ...бригаду Шермана разбили, когда ударили хэмптоновские вольтижеры...

Хэмптон? Джордж выхватил это имя из бормочущих голосов, скрипа колес, хныканья своих детей... Ведь в легионе Хэмптона, кажется, служил Чарльз Мэйн. Участвовал ли он в сражении? Жив ли?

Взошла луна, и дорога стала чуть светлее. По небу плыли легкие облака; в воздухе пахло дождем. По расчетам Джорджа, было уже часов десять или одиннадцать; он настолько устал, что готов был заползти в ближайшую канаву, чтобы только уснуть. Как же должны быть измучены остальные, думал он, если даже у него совсем не осталось сил.

Возле Сентервилла они наконец снова увидели огни – и огромное количество раненых вокруг себя. Какие-то добровольцы из Нью-Йорка, ехавшие на груженой подводе, заметили детей и предложили подвезти их до Фэрфакс-Кортхауса. Для взрослых у них места не было. Джордж очень серьезно поговорил с Уильямом, которому, как он знал, можно доверять, и, когда убедился, что мальчик понял, где они должны будут встретиться, вместе с Констанцией помог всем четверым детям забраться в повозку. Изабель что-то недовольно проворчала; Стэнли безучастно смотрел на луну.

Повозка уехала. Взрослые продолжили путь. За Сентервиллом на обочинах дороги они снова увидели солдат отступающей армии – кто-то спал, кто-то просто сидел на земле без движения, кто-то уже затих навсегда. Вид искаженных болью лиц, окровавленных конечностей и освещенных лунным светом глаз этих парней, слишком молодых, чтобы встретиться со смертью, постоянно напоминал Джорджу о Мексике и о горящем доме в Лихай-Стейшн.

Мысль о том, что тогда он даже представить себе не мог всей опасности, приносила мало утешения. На самом деле звон пожарных колоколов сообщил о гораздо более серьезном пожаре, который застал их врасплох. Все они оказались в капкане этой безрассудной войны. Крюкотворство одолевало честность. Разруха сменяла благоденствие. Страх убивал надежду. Ненависть хоронила согласие. Смерть отменяла жизнь. Этот пожар стал погребальным звоном по всему, что Мэйны и Хазарды хотели сохранить, и его нельзя было погасить так же быстро, как пожар в доме. Этот день и эта ночь показали Джорджу, что огонь уже не сдержать. Он вырвался на свободу.

– Стэнли! Не отставай!

Глаза пастуха начали слезиться от пыли и утомления. Луна расплывалась, сползая с неба бледными потеками. Вместо темной дороги Джордж видел перед собой солдата, стрелявшего в павшую лошадь. Что же с ними со всеми случилось? Неужели люди могли так чудовищно измениться? Этого он никак не мог понять.

– Изабель? Как ты? Ну же, идем. Ты должна держаться.

Часть вторая Крушение

Никто, ни один человек не сможет спасти эту страну. Наши люди – плохие солдаты. Они хвастливы, но не исполнительны, они вечно жалуются, если не могут получить все, чего им хочется, а короткий марш-бросок в несколько миль утомляет их. Нужно очень много времени, чтобы это изменить, а что приготовило для нас будущее, я не знаю.

Полковник Уильям Текумсе Шерман, после первого Булл-Рана, 1861 год

Глава 33

Всю ночь по городу носились слухи о разгроме федеральной армии. Елкана Бент, как и тысячи других людей, не мог спать. Он то заходил в какой-нибудь бар, то просто бродил по улицам, где молчаливые толпы ждали известий. Он молился, чтобы пришла весть о победе. Ничто другое его спасти не могло.

Около трех ночи он и полковник Элмсдейл из Нью-Гэмпшира, так ничего и не дождавшись, вернулись в пансион. Спал Бент плохо и слышал, как незадолго до рассвета начался дождь. Потом с улицы донеслись голоса. Он быстро оделся, вышел на крыльцо пансиона и увидел, что на лужайке возле соседнего дома сидят восемь или десять солдат. Еще трое, в заляпанных грязью мундирах, ломали изгородь, чтобы разжечь костер.

На крыльце показался зевающий Элмсдейл с коробкой сигар в руке.

– Паршивый видок у них, да? – сказал он, кивнув на солдат.

Бент почувствовал, как внутри нарастает паника.

Оба полковника быстро направились в сторону Пенсильвания-авеню. Мимо прошла офицерская лошадь, человек в седле спал. У дверей другого пансиона зуавы умоляли дать им что-нибудь поесть. Какой-то гражданский в белом костюме плелся под мелким дождем с несколькими солдатскими флягами и мушкетом. Сувениры с поля боя? Бент постарался сдержать дрожь.

На авеню они увидели санитарные повозки и людей, бродивших с убитым видом. Еще десятки просто спали в Президентском парке. Бент смотрел на окровавленные лица, руки, ноги... На какое-то время они с Элмсдейлом разделились, потом полковник догнал его.

– Это то, чего мы боялись, – сказал он. – Разгром. Я еще вечером это знал. Если бы Макдауэлл победил, президент разослал бы телеграммы во все газеты. Что ж... – Элмсдейл зажег сигару, прикрывая ее от дождя, – то же самое ожидает нас и на Западе.

Бент никогда не был религиозен, но накануне и он молился о победе Союза. Билеты до Кентукки уже были у них на руках. Теперь ему придется использовать свой. Если война продлится еще несколько месяцев, он может погибнуть в Кентукки, так и не явив миру свой бесценный талант.

Ему хотелось избежать такой бесславной судьбы, но он не знал как. Снова пойти к Диллсу он не осмеливался, боясь, что адвокат осуществит свою угрозу. О дезертирстве, которое бы навсегда поставило крест на его военной карьере, он даже не думал, поэтому не видел других возможностей, кроме как воспользоваться купленным билетом.

Ребенок внутри его кричал в тщетном протесте. Заметив странное выражение на лице своего спутника, Элмсдейл пробормотал какие-то извинения и снова отошел в сторону.

На следующий день после Манассаса рота Чарльза вместе со всем легионом разбила лагерь недалеко от штаба конфедератов у фермы Портичи. Это было довольно близко от поля сражения и меньше чем в миле от реки Булл-Ран, в порозовевшей воде которой все еще лежали мертвые тела с обеих сторон.

С наступлением сумерек Чарльз начал чистить Бедового. Чарльз был воодушевлен победой южан, но ужасно злился, что досадные обстоятельства не позволили ему принять участие в бою. В пятницу, возвращаясь из округа Фэрфакс, легион получил приказ выступить на подмогу Борегару. Однако железнодорожная линия Ричмонд – Фредериксберг – Потомак предоставила вагоны только для Хэмптона и его шестисот пехотинцев. Для кавалерии и артиллеристов транспорта не нашлось.

В утро битвы, после бесконечных задержек, Хэмптон наконец добрался до Манассаса, а его кавалерия все еще преодолевала сто тридцать миль извилистых дорог, переходя вброд

Саут-Анну, Норт-Анну, Маттапони, Раппаханнок, Аквию, Оккоквен и множество безымянных речушек и ручьев. Несмотря на то что из-за двух мощных ливней им приходилось двигаться изнуряюще медленно, Чарльз за время пути сделал для себя одно важное открытие. Теперь он точно знал, что его люди не подведут, когда дойдет до дела; хотя они по-прежнему не хотели подчиняться дисциплине, но скакали как хорошо слаженный отряд. Большинство вполне прилично сидело в драгунском седле, пусть и не так безупречно, как легендарный Тёрнер Эшби.

У Чарльза так и не появилась возможность проверить свое новое ощущение – они прибыли на следующий день после победы. На месте они узнали, что полковник геройски отличился в прошедшем сражении и получил легкое ранение в голову, когда возглавил свою пехоту против уже смятой армии федералов. Это известие не слишком утешило юных джентльменов Чарльза, которым очень хотелось не только поучаствовать в такой отличной заварушке, но и пожить трофеями в виде оружия и амуниции, которые в панике бросали удирающие янки. Чарльз вполне разделял чувства своих солдат и мысленно готовился к следующему сражению. Было уже совершенно очевидно, что одним дело не кончится.

Президент Дэвис лично прибыл из Ричмонда, чтобы поздравить отважных командиров, включая Хэмптона, которого Дэвис и Старина Бори навестили в его палатке. Однако к вечеру понедельника Чарльз, как и многие другие, уже слышал о недовольстве некоторых членов правительства, которые считали, что Борегар не воспользовался своей победой, а ведь мог бы дойти до Вашингтона и захватить его.

Такие советы не особо удивили Чарльза. Эти толстозадые бюрократы, которые в своих душевных кабинетах только и делали, что брюзжали, не имели ни малейшего понятия о том, что такое война и каких невероятных усилий она требует и от людей, и от животных. Они даже близко не понимали, что солдат или лошадь, тратя огромную энергию, не могут сражаться с неослабевающей силой продолжительное время. Любое сражение было тяжелой работой, и даже для самой огромной храбрости, самой сильной воли и самого мужественного сердца неминуемо наступала усталость.

Но даже несмотря на эти глупые придирки, Манассас стал настоящим триумфом и еще раз доказал давно устоявшуюся веру в то, что джентльмены всегда одолеют чернь. Чарльз отчасти разделял всеобщую эйфорию, наступившую после победы, стараясь не обращать внимания на трупный смрад, долетавший с легким летним ветерком, или на длинные вереницы санитарных повозок, чьи силуэты четко выделялись на фоне красного закатного неба.

Были потери и не такие обезличенные, как те, что скрывались в проезжавших мимо повозках. Заместитель командира полка, подполковник Джонсон из Чарльстона, был убит первым же залпом, выпущенным по его людям. Генерал Бернард Би, один из друзей кузена Орри по Академии, был смертельно ранен сразу после того, как повел своих солдат на позиции этого безумного, как утверждали, профессора из Виргинского военного института Тома Джексона. А ведь именно Би невольно присвоил Джексону новое прозвище, гораздо более лестное, чем то, что было у него в Вест-Пойнте. Когда один из южных полков отступал под натиском северян, Би привел им в пример Джексона, который со своими солдатами занял холм Генри. «Посмотрите на бригаду Джексона, – сказал он. – Стоит как каменная стена!»

Все родственники Хэмптона вышли из схватки невредимыми: его старший сын Уэйд, служивший под командованием Джо Джонстона, чья полевая артиллерия прибыла к Манассасу по железной дороге; младший сын Престон, двадцатилетний красавец, прославившийся тем, что всегда носил желтые перчатки, который был одним из адъютантов отца; и его брат Фрэнк, кавалерист, – все они благополучно избежали ранений.

Пока Чарльз с помощью острой палочки выковыривал грязь и мелкие камешки из копыт Бедового, подошел Кэлбрайт Батлер, один из командиров. Красивый, холеный парень, Батлер был ровесником Чарльза. Он был женат на дочери губернатора Пикенса, имел прибыльную адвокатскую практику, но оставил ее, чтобы снарядить Эджфилдский гусарский батальон,

который затем вошел в легион Хэмптона. Хотя у Батлера не было военного опыта, Чарльз предполагал, что он прекрасно проявит себя в сражении, и вообще, Батлер ему нравился.

– Для таких дел надо завести ниггера, – посоветовал Батлер.

– Завел бы, будь я таким же богатым, как вы, юристы. – (Батлер засмеялся.) – Как там полковник?

– В неплохом настроении, учитывая гибель Джонсона и все наши потери.

– Большие?

– Не особо. Я слышал о двадцати процентах.

– Двадцать... – повторил Чарльз, слегка кивнув; лучше думать об убитых и раненых как о процентах, а не как о живых людях – это помогает спать по ночам.

Батлер присел на корточки рядом с Чарльзом:

– Я слышал, янки бежали не столько от наших Черных всадников, сколько при одной мысли о них. Они бежали от вороных, чалых, серых, гнедых... вообще от любой масти. И всех называли Черными всадниками. Очень жаль, что мы это пропустили. Одно хорошо: сражались мы или нет, мы все равно еще неделю будем пожинать плоды победы. Во всяком случае, те из нас, кто сумеет вернуться в Ричмонд.

Как оказалось, благодарные горожане уже объявили о большом бале, на который будут приглашены все офицеры – герои Манассаса.

– И знаешь, Чарли, больше всего там ждут кавалеристов. Нам ведь совсем не обязательно сообщать дамам, что во время сражения мы находились за много миль оттуда. То есть тебе не обязательно. Из уважения к своей жене я-то вряд ли туда пойду.

– А почему нет? Красавчик Стюарт тоже женат, но могу поспорить – он там будет.

– Чертовы виргинцы... Всегда и везде лезут первыми.

Все бурно обсуждали, как кавалерия Стюарта, выйдя на Садли-роуд, дерзко атаковала отряд зуавов. В тот день Джеб вновь подтвердил свою отчаянную храбрость... или безрассудную лихость – в зависимости от того, кто рассказывал об этом событии.

– Бал, говоришь? Значит, и круг приглашенных будет весьма соблазнительным. – Чарльз старался не смотреть на вновь прибывающие санитарные повозки, которые медленно катили по гребню холма мимо сверкающего солнечного диска.

– Да, там соберутся самые очаровательные дамы со всей округи. Устроители не хотят, чтобы наши храбрые парни страдали от недостатка партнерш в танцах.

– Пожалуй, я бы пошел, если удастся добыть приглашение, – задумчиво проговорил Чарльз.

– Отлично! Наконец-то усталый воин проявляет хоть какие-то признаки жизни! Молодец!

Батлер пошел дальше, а Бедовый ткнулся носом в руку Чарльза, когда тот снова вернулся к работе. Он вдруг неожиданно для себя заметил, что радостно насвистывает при мысли о том, что в случае везения вполне может встретить на этом балу Августу Барклай.

Глава 34

До столицы они добрались в семь утра, насквозь промокшие и уже почти простуженные. Джордж и Констанция с детьми сразу отправились в отель, Стэнли, Изабель и близнецы – в свой особняк; никто из них не сказал друг другу на прощание ни слова.

В номере Джордж наскоро принял ванну, побрился, дважды порезавшись при этом, выпил на два пальца виски и все еще в состоянии оцепенения пошел в министерство.

Отчаяние, вызванное поражением, было столь глубоким в то утро, что никто ничем не занимался, и в половине двенадцатого Рипли закрыл контору и отпустил всех по домам. Говорили, что президент в очередной раз впал в депрессию. По дороге обратно в отель, пробиваясь через толпы отставших от своих частей солдат, Джордж с грустью думал о том, что в этой новости нет ничего удивительного.

Он заснул тяжелым сном и спал почти до девяти вечера, пока Констанция не разбудила его, осторожно коснувшись плеча. Она сказала, что ему необходимо поесть, и супруги спустились вниз. В ресторане отеля былолюдно, но как-то неестественно тихо. Джордж поспрашивал людей за соседними столиками и лишь поморщился, услышав ответы. На следующий день он снова продолжил свои расспросы, и тогда масштаб и последствия трагедии у Булл-Рана стали понятнее.

Все говорили о позорном поведении добровольцев и их командиров, о жестокости вражеской армии, и особенно одной роты, известной как Черные всадники. У Джорджа сложилось впечатление, что других кавалеристов у южан будто и не было, хотя, конечно, это не могло быть правдой. Однако даже Рипли, как ему показалось, так думал.

Цифры потерь до сих пор уточнялись, хотя кое-что уже было известно. Погиб брат Саймона Кэмерона, командовавший Семьдесят девятым Нью-Йоркским добровольческим пехотным полком, также известным как Шотландские горцы Кэмерона. В постыдном поражении конфедератов все обвиняли Скотта и Макдауэлла. Уже в понедельник, пока Джордж спал, а спал он почти весь день, Макдауэлла отправили в отставку, а из Западной Виргинии был срочно вызван однокашник Джорджа по Вест-Пойнту Макклеллан для создания совершенно новой, а главное, обученной армии, которая смогла бы достойно вести себя в бою.

Во вторник работа в артиллерийском управлении возобновилась. Джордж получил срочные заказы для размещения их на литейном заводе в Колд-Спринг, что требовало его немедленной поездки туда. Когда-то, еще в его бытность кадетом, отец Джорджа приезжал на этот завод, расположенный недалеко от Вест-Пойнта. Уже тогда там производились самые красивые железные изделия во всей Америке. Теперь завод выпускал крупные пушки, изобретенные Робертом Паркером Парротом, которые делались по особой технологии, при которой чугун дополнительно усиливался несколькими слоями стали. Представителем артиллерийского управления на заводе был некий капитан Стивен Бене.

Вечером во вторник, после того как Джордж собрал вещи, они с Констанцией, перед тем как заснуть, еще долго вполголоса, чтобы не разбудить детей, говорили о смене армейского командования.

– Линкольн со всем кабинетом и конгресс – все навалились на Макдауэлла, – сказал Джордж. – Но ведь они же сами заставили его вести в бой толком необученных новичков. Добровольцы не могут воевать, как регулярная армия, а Макдауэлла за это наказывают... и Линкольн, и министры, и конгресс...

– Ну да, – пробормотала Констанция. – Первая девушка в бальной книжке президента оказалась неуклюжей, вот он и меняет партнерш.

– Меняет партнерш... Звучит неплохо! – Джордж сунул руку под ночную рубашку, чтобы почесать зудевшее бедро. – Интересно, сколько еще раз он это сделает, прежде чем кончится бал?

Джордж был рад сменить безрадостную атмосферу Вашингтона на красоту гудзонской долины, еще более прекрасной в этот солнечный погожий день. Старый Паррот, управляющий заводом и выпускник Академии двадцать четвертого года, вызвался лично показать Джорджу весь процесс производства. В жарком цеху, залитом ослепительным светом расплавленного металла, Джордж почувствовал себя как дома. Он был восхищен точностью, с которой рабочие рассверливали отверстия в пушках, а также выковывали четырехдюймовые полосы железа с фирменным клеймом, которые потом приваривались к орудиям.

Паррот явно приветствовал появление в артиллерийском управлении человека, который бы в полной мере понимал все его проблемы, потому что сам возглавлял подобное предприятие. Джорджу старик тоже понравился, однако настоящей находкой – в личном и профессиональном смысле – оказался капитан Стивен В. Бене, которого он помнил еще по выпуску сорок девятого года.

Уроженец Флориды, такой смуглый, что его можно было принять за испанца, Бене делил свое время между заводом и Вест-Пойнтом, где преподавал теорию и практику артиллерийского дела. В один из дней они вместе с Джорджем переправились через Гудзон, чтобы побродить по знакомым местам. По дороге они обсудили все – от своих однокурсников до усилившихся нападков на Академию.

– Я восхищаюсь патриотизмом, который подвигнул вас принять это назначение, – сказал Бене, когда они ужинали в ресторане гостиницы. – Но что до пребывания в ведомстве Рипли... тут мне хочется выразить вам сочувствие.

– Да уж, бедлам там царит еще тот, – согласился Джордж. – Сумасшедшие изобретатели пролезают во все щели, горы бумаг не разбирались целый год, ни о какой стандартизации вообще речи не идет. Я пытаюсь составить базовый список для всех типов артиллерийского вооружения, которое мы используем. Но это чудовищный труд.

– Могу себе представить, – рассмеялся Бене. – Это же не меньше пятисот единиц.

– Есть хороший выход – признать свое поражение, и пусть этим занимаются южане.

– Да, Рипли у кого хочешь отобьет охоту работать. Любую новую идею встречает в штыки, во всем ищет недостатки. А вот я бы, наоборот, искал сильные стороны и причину принять новое изобретение. – Бене немного помолчал, вертя в пальцах бокал с портвейном, а потом спокойно посмотрел на своего собеседника, словно был уверен, что может ему доверять. – Может быть, именно поэтому президент теперь отсылает опытные образцы прямо сюда для оценки. – Он отпил глоток. – Вы об этом знали? Что он действует в обход Рипли?

– Нет, но меня это не удивляет. С другой стороны, Линкольн весьма непопулярен в военном министерстве – именно из-за того, что постоянно во все вмешивается.

– Это можно понять, но... – Бене снова бросил на Джорджа испытующий взгляд. – Иначе как нам избавиться от Рипли?

С этим безрадостным вопросом в голове Джордж вернулся обратно в Вашингтон.

Стоял жаркий июль. Джордж теперь задерживался на работе до позднего вечера. Стэнли он почти не видел в министерстве, а вот Линкольна встречал довольно часто. Похожий на аиста, немного нелепый, президент всегда ходил стремительной походкой из одного правительственного кабинета в другой, с кучей чертежей, докладных записок и служебных документов, а еще с неизменным запасом остроумия, порой довольно непристойных. Сплетники уверяли, что его жена отказывалась слушать эти шутки, произнесенные в ее присутствии.

Время от времени, ближе к вечеру, Линкольн заглядывал и в Уиндер-билдинг в поисках компаньона для стрельбы по мишеням в парке министерства финансов. Однажды Джордж чуть было не вызвался, но в последнюю минуту промолчал, и не потому, что испытывал страх перед Линкольном – президент всегда был очень общителен и дружелюбен, – а потому, что боялся сказать лишнее о своем ведомстве. Пока он работал на Рипли, он был обязан молчать – хотя бы из простой порядочности.

Несмотря на то что процедурные вопросы в артиллерийском управлении перевешивали конечный результат, отчеты Рипли оказались вовсе не так безнадежны. Джордж обнаружил, что еще больше трех месяцев назад старик умолял о покупке ста тысяч европейских ружей и винтовок, чтобы заменить древние запасы, пылящиеся на федеральных складах. Однако Кэмерон настоял на том, чтобы в армии использовалось только отечественное оружие, из чего Джордж тут же сделал вывод, что кто-то из дружков министра заинтересован в заключении контрактов. Поражение при Булл-Ране сгустило тучи над головой Кэмерона, и теперь его решение было объявлено грубой ошибкой. Стало уже окончательно ясно, что летом война не закончится, а оружия для обучения и вооружения новых рекрутов, которые уже отправлялись в тренировочные лагеря от восточного побережья до Миссисипи, отчаянно не хватало.

Джорджу пришлось отвлечься от составления проекта контракта на производство мортир в Колд-Спринг и срочно доводить до ума новое предложение Рипли о закупке ста тысяч иностранных винтовок и револьверов. Предложение ушло в военное министерство с полудюжиной подписей, и самой важной после Рипли была подпись самого Джорджа. После трех дней молчания он лично отправился проверить судьбу заявки.

– Я видел ее на чьем-то столе, – сказал он, вернувшись. – С резолюцией «отказать».

– На каком основании? – буркнул Менадье, как обычно пытаюсь найти нужный документ в бумажных горах на столе.

– Министр хочет, чтобы доклад представили повторно, уменьшив количество вдвое.

– Что? – возмутился Рипли. – Всего пятьдесят тысяч единиц?

Он тут же разразился гневной обличительной речью, и вся работа остановилась почти на час.

В тот же вечер Джордж сказал Констанции:

– Отказ санкционировал Кэмерон, но Стэнли ведь тоже подписал. И думаю, с немалым удовольствием.

– Джордж, нельзя же вечно думать о каком-то злом умысле.

– Я больше думаю о том, что вообще зря согласился на эту проклятую работу. Предостерегающих знаков было достаточно, а я как дурак закрывал на них глаза.

Сочувствуя мужу, Констанция попыталась развеселить его:

– Послушай, ты здесь не единственный страдалец. Только взгляни на мою талию! Если я не прекращу полнеть, то скоро стану больше, чем воздушный шар профессора Лоу! Ты должен мне помочь, Джордж. Напоминай мне во время еды, что мне необходимо умерять аппетит.

Хотя Джордж и мог понять опасения жены, все же ее проблема была куда менее серьезной, чем его. Он ответил неопределенным обещанием и рассеянным взглядом, отчего Констанция встревожилась еще сильнее.

Рипли сообщил Джорджу и еще нескольким офицерам, что в августе им присвоят новые звания; сам он получал чин генерал-майора. Джорджу теперь предстояло носить три петлицы из черной шелковой тесьмы на мундире и золотую звезду майора. Однако из-за этих вольных или невольных безобразий, расцветающих в министерстве пышным цветом день ото дня, он был слишком расстроен, чтобы радоваться повышению.

По сути, Рипли заключал контракт с любым перекупщиком, который заявлял, что может достать иностранное оружие. Простого утверждения было достаточно, чтобы заслужить от Рипли доверие, а значит, и финансирование.

– Ты бы видела этих мошенников, которые называют себя торговцами оружием! – пожаловался Джордж, когда они с Констанцией в очередной раз говорили на эту тему, что стало уже ежевечерней традицией. – Владельцы конюшен, аптекари, родственники конгрессменов – все готовы поклясться на Библии, что за одну ночь привезут оружие из Европы! Рипли даже не спрашивает, где они его достанут.

– А у тебя с контрактами по артиллерийской части так же?

– Нет. Я подробно расспрашиваю по меньшей мере одного возможного поставщика в день и вижу шарлатанов уже после нескольких вопросов. А Рипли сейчас в такой панике, что вообще ни о чем не думает.

По долгу службы Джорджу часто приходилось бывать в вашингтонском арсенале на Гринлиф-Пойнт, илистой отмели у слияния Потомака и Анакостии к югу от центра города. Там, аккуратно расставленные под деревьями между старыми зданиями, стояли пушки всевозможных видов и размеров. Как-то, обходя склады в поисках нужных боеприпасов, Джордж наткнулся на необычный одноствольный пулемет весьма оригинальной конструкции. Рукоятка в нем находилась сбоку, а бункер для подачи патронов – сверху; сам пулемет был установлен на колесном лафете. Джордж спросил коменданта арсенала полковника Рэмси, что это за оружие.

– Его привезли в начале года трое изобретателей. Официально в нашей картотеке оно числится как скорострельное оружие калибра 0,58. Президент окрестил его кофемолкой. Стреляет быстро, заряды в патронники поступают вот отсюда, сверху, за счет собственного веса. Начальные испытания прошли успешно, и мистеру Линкольну пулемет понравился. Я слышал, что он лично отправил вашему начальнику докладную записку с просьбой рассмотреть вопрос о внедрении нового оружия в производство. – С этими словами Рэмси многозначительно посмотрел Джорджу в глаза.

– И каков результат?

– А никакого результата.

– Еще испытания проводились?

– Нет, насколько я знаю.

– Почему? – Джордж уже догадывался, какой услышит ответ, и комендант тут же подтвердил это, весьма похоже изобразив тон новоиспеченного бригадного генерала:

– Мало времени.

Рассказывая о пулемете Констанции, Джордж не мог скрыть горечи:

– Такое многообещающее оружие ржавеет на складе, а мы тратим время на всяких горе-изобретателей с их безумными идеями. – У него были все основания так возмущаться – уж слишком часто приходилось отвлекаться от работы, чтобы посмотреть на очередной чертеж очередного «гениального автора».

В один из дней августа, когда Джордж уже опаздывал на испытания мортиры в арсенале, Менадье настоял на том, чтобы он поговорил с кузеном какого-то конгрессмена из Айовы, который хотел продать кирасы. Правда, образец до сих пор был в пути – застрял где-то при пересылке.

– Но он будет здесь завтра, – заверил Джорджа айовец. – Я точно знаю, что он произведет на вас впечатление, генерал.

– Майор.

– Да, ваше превосходительство. Майор.

– Расскажите о вашей кирасе! – рявкнул Джордж.

– Ее пластины сделаны из самой лучшей вороненой стали и способны защитить от любой пули, выпущенной из плечевого оружия или револьвера.

– О, так вы металлург! – Улыбаясь кошачьей улыбкой, Джордж пригладил усы. – Рад это слышать. Мы с вами коллеги. Расскажите мне о своем заводе в Айове.

– Ну, гене... майор... вообще-то, образец... сделал один поставщик из Дубьюка... А я... – Он нервно сглотнул. – Я по профессии шляпник.

– Шляпник! – закипая от ярости, повторил Джордж. – Ясно.

– Но образец изготовлен по моим чертежам и, уверяю вас, с соблюдением всех технологий. Кираса действительно такая, как я описал. Достаточно одного испытания, чтобы это доказать.

У Джорджа появилось ощущение, что он слышит это уже в сотый раз. Продавцы доспехов в эти дни ходили в управление толпами.

– Не пожелаете ли вы задержаться в Вашингтоне, пока я не организую испытания? – с безупречной учтивостью спросил он.

– Да, я могу, – просиял ободренный шляпник, – если перспективы для контракта будут благоприятными.

– И разумеется, – как ни в чем не бывало продолжал Джордж, – поскольку уж вы так уверены в надежности своего изобретения, я полагаю, вы с удовольствием наденете его сами во время испытаний и позволите стрелку выпустить в вас несколько пуль, чтобы мы могли убедиться...

Но шляпник уже исчез вместе со своей шляпой и чертежами.

– Ужас, чем тебе приходится заниматься, Джордж, – сочувственно сказала ему Констанция тем вечером, но все-таки не смогла удержаться и тихонько хихикнула.

– Пустяки. Здесь, в Вашингтоне, я получил очень важный урок. В любой, самой безумной ситуации лучше всего помогает смех.

Однако от следующих дурных новостей, пришедших в управление, ему не помог даже смех. Запрет Кэмерона на иностранное оружие дал торговым агентам Конфедерации фору примерно в девяносто дней, за которые они успели перехватить все лучшее, что было в Британии и на континенте. Когда несколько образцов того, что еще осталось, наконец-то прибыло в Уиндер-билдинг, там мгновенно воцарилось уныние.

Уже почти в сумерках Джордж взял один образец и поехал в арсенал. Он выбрал капсюльную дульнозарядную винтовку калибра 0,54, принятую на вооружение австрийскими стрелковыми батальонами. Сделанная как копия винтовки Лоренца 1854 года, она была уродливой, очень громоздкой и стреляла с чудовищной отдачей. После того как Джордж выпустил из нее три пули по мишени, обычно используемой для артиллерии, – пять толстых свай, торчащих из Потомака на расстоянии десяти футов друг от друга, – плечо у него болело так, словно его лягнул мул.

Вскоре он услышал звук подъезжающего экипажа. Ему пришлось возвращаться с дальнего пирса, чтобы посмотреть, кто приехал. Какое-то время он не мог рассмотреть карету, потому что она ехала между деревьями рядом с федеральной каторжной тюрьмой, делившей территорию с арсеналом.

Наконец экипаж выехал на бледный свет розового неба и подкатил к началу пирса. Джордж узнал человека, который сидел на козлах, это был Уильям Стоддарт, один из ближайших помощников Линкольна. Его кабинет был буквально завален образцами оружия, которые изобретатели присылали прямо президенту в надежде обойти Рипли.

Пока Стоддарт привязывал лошадей, президент вышел из кареты с винтовкой в руках. В сумеречном свете он казался бледнее обычного, но, похоже, был в прекрасном настроении. Небрежно бросив на землю высокий черный цилиндр, он кивнул Джорджу, отдавшему ему честь.

– Добрый вечер, мистер президент.

– Добрый вечер, майор... прошу прощения, не знаю вашего имени.

– Я знаю, – сказал Стоддарт. – Майор Джордж Хазард. Его брат Стэнли работает на мистера Кэмерона.

Линкольн моргнул и как будто слегка напрягся; это, по-видимому, должно было означать, что отношения Джорджа с одним из названных людей, а возможно, и с обоими, отнюдь не являются лучшей рекомендацией. Впрочем, тон у президента, когда он снова заговорил, был вполне дружелюбным.

– Обычно я люблю пострелять в парке министерства финансов, – доверительно сказал он, – хотя ночная полиция терпеть не может шума. Но сегодня туда нельзя, потому что там проходит бейсбольный матч. – Он всмотрелся в винтовку, которую держал Джордж. – Что это у вас?

– Одна из снайперских винтовок, которые мы можем купить у австрийского правительства, сэр.

– Хорошая?

– Я не большой знаток стрелкового оружия, сэр, но я бы сказал: не очень. Хотя, боюсь, это лучшее из того, что мы еще успеваем приобрести.

– Да, мистер Кэмерон не слишком-то торопится вступать в кадрили. А ведь мы могли бы купить и такие. – Линкольн поднял винтовку, которую сжимал своими длинными пальцами с заметно увеличенными суставами, так, словно она была не тяжелее перышка. – Но ваш начальник не интересуется оружием, которое заряжается с казны, и для него не важно, что перепуганные солдаты в гуще сражения вынуждены с большим трудом справляться с дульнозарядниками. Они могут вообще все перепутать и положить пулю раньше, чем насыпят порох. Или по ошибке зарядить два раза, и тогда при выстреле могут пострадать сами. Или плохо вбить пыж, и пуля полетит еле-еле...

Линкольн поджал губы и махнул свободной рукой, изображая жалкий полет пули. Джордж снова посмотрел на винтовку президента, но смог разглядеть лишь клеймо изготовителя на правой пластине затвора: «К. Шарпс».

– Еще я заметил, что слова «новый» и даже «недавний» у бригадного генерала не в большом почете, – с улыбкой продолжил Линкольн. – Однако мне доподлинно известно, что казнозарядные ружья появились еще во времена Генриха Восьмого, а потому никак не могут считаться новыми. Мне нравятся такие винтовки, и, видит Бог, наша армия должна их получить.

– Мы можем купить такое оружие в Европе прямо сейчас? – спросил Джорджа Стоддарт.

– Я не думаю, что...

– Нет их там, – перебил его Линкольн – скорее с грустью, чем с раздражением, а потом вдруг совершенно огорошил Джорджа. – Именно поэтому я не так давно отправил туда своего человека с двумя миллионами долларов и полной свободой действий. Если Кэмерон и компания не желают этим заниматься, найдутся и другие пути.

Наступило неловкое молчание. Наконец Стоддарт тихо кашлянул:

– Сэр, скоро совсем стемнеет...

– Стемнеет. Да. Прекрасное время – как раз для стрельбы.

– Прошу меня извинить, мистер президент. – Джордж боялся, что его голос прозвучал странно: от этих плохих новостей у него пересохло во рту.

– Разумеется, майор Хазард. Рад был познакомиться с вами именно здесь. Меня всегда восхищают люди, которые не перестают учиться. Я и сам стараюсь так жить.

Волоча австрийскую винтовку, Джордж пошел с пирса в сгущавшихся сумерках. Вскоре он уже ехал мимо ярко освещенной тюрьмы, прислушиваясь к звукам выстрелов на берегу. У него было такое чувство, будто его ударили по голове. Оказывается, «Кэмерон и компания» в куда большей опасности, чем он предполагал. А значит, и он сам, ведь он работал на них.

Стэнли доставило огромное удовольствие отвергнуть предложение, подготовленное его братом. Из того долгого мучительного перехода от Манассаса до Вашингтона он почти ничего не помнил. Он забыл, как плакал на обочине, хотя Изабель уже не раз освежила его память,

зато хорошо запомнил, как Джордж кричал на него, как дергал за плечо, будто он какой-то черномазый с плантации. И если он и раньше старался пренебрегать работой Джорджа или всячески затруднять ее, то теперь у него для таких проволочек стало на одну причину больше.

В последнее время его сильно беспокоило собственное положение. Он был ставленником Кэмерона, а слухи уверяли, что звезда его благодетеля вот-вот закатится. Впрочем, в министерстве как будто ничего не менялось. Несколько дней министр отсутствовал, оплакивая своего погибшего брата, но потом все пошло как обычно.

И все-таки влиятельные конгрессмены все чаще начали задавать неудобные вопросы – в личных беседах, в письмах и через прессу. Всех интересовало, как военное министерство заключает контракты на поставку. То, что Линкольн отправил в Европу своего человека для закупки оружия, говорило по меньшей мере о недостаточном доверии президента методам Кэмерона. Жалобы на нехватку обмундирования, стрелкового оружия и боеприпасов нескончаемым потоком текли из всех тренировочных лагерей. И все более открыто Кэмерона обвиняли в халатности и в том, что по его вине новая армия, которую Малыш Макклеллан пытается сделать сильной и по-настоящему боеспособной, не получает и половины того, что требуется.

Кроме обуви, мог бы уточнить Стэнли не без самодовольства. Пеннифорд производил ее в оговоренном количестве и точно по графику. Прогноз прибыли к концу года ошеломил Стэнли и порадовал Изабель, которая заявила, что знала об этом с самого начала.

К сожалению, личные успехи не могли помочь Стэнли пережить назревающий кризис в министерстве. Письменные и устные требования о предоставлении информации становились все более жесткими. «*Возмутительная нехватка всего*», «*Неточности в отчетах*» — кричали газетные заголовки. Если какое-то нарушение якобы имело место, Кэмерон ничего не отрицал. Но и не признавал. Однажды Стэнли подслушал, как двое служащих обсуждали его приемы.

– Сегодня утром пришло еще одно злобное письмо. На этот раз из министерства финансов. Остается только восхищаться, как босс с этим управляется. Молчит как каменная стена... прямо как тот безумный Джексон у Булл-Рана.

– Я думал, сражение было у Манассаса, – сказал другой служащий.

– Так говорят мятежники. А по-нашему, это Булл-Ран.

Второй застонал:

– Если они начнут называть сражения по населенным пунктам, а мы – по речкам, то как, черт побери, школьники разберутся во всем этом лет через пятьдесят?

– Да не все ли равно? Меня больше волнует день сегодняшней. Даже наш босс не может вечно изображать каменную стену. Мой тебе совет – забирай свое жалованье и...

Тут он заметил Стэнли, остановившегося возле стола, где лежала толстая папка с контрактами, подтолкнул своего товарища, и они торопливо ушли.

Этот короткий разговор очень хорошо выражал то отчаяние, которое постепенно охватывало все министерство. Сомнительное положение Кэмерона уже перестало быть секретом для избранных. Ему явно грозили серьезные неприятности, а значит, и его приближенным тоже. Когда Стэнли вернулся к своему столу, он уже не мог думать ни о чем другом.

Нужно срочно сделать так, чтобы его имя больше не связывали с именем его старого наставника, решил он. Но что же придумать? Как назло, ничего в голову не приходило, и Стэнли решил посоветоваться с Изабель. Уж она-то точно знает, что делать.

Однако в тот вечер Изабель явно была не расположена что-либо обсуждать. Стэнли застал ее в отвратительном настроении с газетой в руках.

– Что тебя так расстроило, дорогая?

– Наша дражайшая родственница. Выслуживается перед теми самыми людьми, которых должны обхаживать мы.

– Ты имеешь в виду Стивенса? – (Изабель ответила энергичным кивком.) – И что же сделала наша Констанция?

– Снова взялась спасать ниггеров. Они с Кейт Чейз решили стать хозяйками на приеме в честь Мартина Делани.

Видя, что это имя ее мужу ни о чем не говорит, Изабель разъярилась еще больше:

– Стэнли, нельзя же быть таким дремучим! Делани – это черномазый доктор, а еще он написал роман, которым все зачитывались пару лет назад. «Блейк» – так он назывался. Теперь он повсюду разъезжает с лекциями в своих африканских балахонах.

Стэнли наконец вспомнил. Перед войной Делани пропагандировал идею создания нового африканского государства или штата, куда могли бы, по его мнению, эмигрировать американские негры. По замыслу Делани нужно было призывать чернокожих выращивать хлопок в Африке и тем самым разорить Юг.

Взяв у Изабель газету, Стэнли прочитал объявление о предстоящем приеме и частичный список гостей. В его влажных темных глазах отразился яркий свет газовых ламп, когда он осторожно сказал:

– Я знаю, ты терпеть не можешь цветных и тех, кто с ними носитя. Но ты права – мы должны ускорить наше собственное, как ты выразилась, обхаживание важных людей, которые придут на этот прием, пусть даже они и аболиционисты. Саймон вот-вот пойдет ко дну. И если мы не будем осторожны, он и нас потянет за собой. Погубит нашу репутацию и перекроет поток денег с фабрики. – В голосе Стэнли слышалась необычная для него уверенность. – Мы должны что-то предпринять, и как можно скорее.

Глава 35

Над границей Александрии висела жаркая августовская дымка. Встав лагерем к северу от Сентервилла, легион ждал поступления нового вооружения, и в том числе винтовок Энфилда, за которые полковник заплатил из собственного кармана. Винтовки должны были прийти из Британии на каком-нибудь судне, которое сможет прорвать блокаду.

После потерь в Манассасе легион нуждался в преобразованиях. Командование всеми четырьмя кавалерийскими ротами принял Кэлбрайт Батлер, повышенный до звания майора. Первой реакцией Чарльза на новое назначение было невольное чувство обиды, хотя у него хватило ума не показывать это. Впрочем, обдумав все более спокойно, он решил, что выбор не такой уж и удивительный. Батлер был джентльменом и, кроме того, добровольцем, а значит, в отличие от Чарльза, не запятнал себя позором профессионализма. Не вредило ему и то, что он был женат на дочери губернатора.

Кроме того, Чарльз прекрасно понимал, что своими вечными требованиями к дисциплине и наказаниями за непослушание он отнюдь не добавляет себе сторонников. Хотя он и не обладал таким жестоким нравом, как многие выпускники Академии – взять хотя бы этого забияку Фила Шеридана, – но все же покрикивал весьма внушительно, вполне в духе Вест-Пойнта.

Да и черт с ним со всем. Он записался в армию для того, чтобы выиграть войну, а не для того, чтобы получать чины. Батлер был отличным кавалеристом и прирожденным офицером, он вел за собой людей самым верным способом – личным примером. Чарльз поздравил своего нового командира с неподдельной искренностью.

– Очень благородно с вашей стороны, – сказал майор. – Но если уж говорить об опыте, то вы заслуживаете этой должности больше, чем я. – Батлер улыбнулся. – Вот что я вам скажу, Чарльз. Раз уж на меня теперь свалилась вся эта новая ответственность и к тому же я безнадежно женат, в Ричмонд должны непременно поехать вы, чтобы представлять меня на этом балу. Можете взять с собой Пелла, если хотите.

Уговаривать Чарльза не пришлось, и он с радостью принял приглашение. Времени до отъезда оставалось мало. Первым делом он привел в порядок мундир и поспешил закончить кое-какие неотложные дела. Иногда ему казалось, что его обязанности больше напоминают отцовские, чем командирские. К вечернему построению все удалось закончить. В этот день полковник официально принимал новенькое знамя полка, сшитое дамами дома. Алое шелковое полотнище украшал венок из пальмовых листьев и два вышитых слова: «Легион Хэмптона».

Как только Чарльз занялся последними приготовлениями для поездки в Ричмонд, пришел его солдат Нельсон Джервейс, получивший длинное письмо от девушки из своего родного Рок-Хилла.

– Целых три года я ухаживал за мисс Салли Миллз, капитан, – неловко переступая с ноги на ногу и потрясая письмом в воздухе, сокрушался девятнадцатилетний фермер. – Как я только не старался, и все без толку. Теперь она ни с того ни с сего заявляет... – он взмахнул рукой, и письмо снова зашуршало, – что, как только я завербовался, она вдруг опомнилась и поняла, как я ей нравлюсь. Говорит, что ждет предложения руки и сердца.

– Поздравляю, Джервейс. – Второпях Чарльз не заметил, что солдат выжидающе смотрит на него. – Правда, я не думаю, что в ближайшее время ты сможешь получить отпуск, но это не мешает тебе просить ее руки.

– Да, сэр, я так и хочу сделать.

– Тебе не нужно мое согласие.

– Мне нужна ваша помощь, сэр. Мисс Салли Миллз вон как хорошо пишет... – Лицо парня стало красным, как новый флаг. – А я-то не умею.

– Что, совсем?

– Совсем, сэр. – Последовала долгая пауза. – Да и читать тоже не умею. – Он неловко смял письмо. – Один из моих товарищей мне это прочитал. Ну, где Салли говорит, что любит меня и все такое...

Чарльз все понял и легонько постучал ладонью по столу:

– Ладно, оставь здесь, и как только вернусь из Ричмонда, я для тебя напишу письмо с предложением, а потом мы вместе подумаем и переделаем так, чтобы оно тебе понравилось.

– Спасибо, сэр! Вот уж спасибо так спасибо! У меня и слов нет, чтоб вас поблагодарить!

Рядовой вышел, а в душном вечернем воздухе еще какое-то время продолжало звучать его радостное бормотание. Чарльз улыбнулся и задул лампу, вдруг почувствовав себя немолодым человеком.

Ночная поездка в поезде Ориндж – Александрия казалась просто невыносимой из-за непредвиденных и необъяснимых остановок в пути. Чарльз дремал на жестком сиденье, изо всех сил стараясь не замечать попыток Амбруаза втянуть его в разговор. Друг очень расстроивался, что они ехали не в одном вагоне с Хэмптоном и другими старшими офицерами.

Когда поздним утром следующего дня они наконец приехали в Ричмонд, Чарльз чувствовал себя совершенно вымотанным и к тому же покрытым слоем сажи. Разместили их вместе с каким-то миссисипским подразделением, так что у него была возможность погрузиться сначала в горячую ванну, а потом найти себе соломенный тюфяк и немного вздремнуть. Однако от волнения сон никак не приходил.

Бальный зал отеля «Спотсвуд» сверкал галунами и бриллиантами; яркий свет ламп заливал длинные ряды конфедеративных флагов. Весь зал и примыкавшие к нему коридоры и небольшие гостиные были заполнены сотнями людей. Вскоре в дальнем конце танцевальной площадки Чарльз заметил свою кузину Эштон. Она и ее муж, похожий на бледного червяка, вертелись возле президента Дэвиса. Подходить к ним Чарльз не собирался.

Вокруг было множество молодых, нарядно одетых и очень красивых женщин; они весело смеялись и танцевали с офицерами, которых было в три раза больше, чем дам. Чарльз не спешил выбирать себе партнершу, ища глазами ту, ради которой сюда пришел. Однако ее нигде не было видно, и уже скоро он решил, что надеждам его не суждено сбыться. В конце концов, Фредериксберг находился за много миль отсюда.

Зато произошло нечто неожиданное. Какой-то коренастый первый лейтенант с уже довольно сильно отросшей бородой вдруг отошел от группы офицеров, обступивших Джо Джонстона, и бросился к Чарльзу, крепко обняв его:

– Бизон! Так и думал, что встречу тебя здесь!

– Фиц! Отлично выглядишь! Я слышал, ты в штабе генерала Джонстона?

Фицхью Ли, племянник Роберта Ли, был близким другом Чарльза в Вест-Пойнте и Техасе.

– Не так отлично, как ты, капитан, – последнее слово он подчеркнул насмешливым тоном.

– Вот только не надо дразнить меня этим, – рассмеялся Чарльз. – Я знаю, кто тут главнее. Вы – регулярная армия, а мы всего лишь подразделение штата.

– Уверен, ненадолго. Ну и ну! Вот и еще одна распрекрасная морда, которую ты должен узнать. И разумеется, в окружении восторженных дам – где же ему еще быть?

Чарльз посмотрел в ту сторону, куда указывал Фиц, и сердце его подпрыгнуло от радости при виде старого друга. Пышная рыжевато-коричневая борода, небрежно заткнутые за пояс перчатки, желтая роза в петлице – Стюарт был само обаяние. Его ярко-голубые глаза задорно сверкали, когда он говорил комплименты окружавшим его дамам.

Командир Первого Виргинского кавалерийского полка уже учился на последнем курсе, когда Чарльз только поступил. Они познакомились, когда в первый же день пребывания Чарльза в Академии Стюарт и еще несколько старших кадетов разыграли его, как часто поступали с неопытными новичками. Чарльз навсегда запомнил, как они тогда обрили ему половину головы, а потом сбежали и он был вынужден предстать в таком виде перед всем строем. Потом они подружились. Заметив их, Стюарт извинился перед разочарованными дамами и пошел к ним – и в эту минуту Чарльз увидел, как какой-то майор из Первого Виргинского пригласил на танец полногрудую блондинку в светло-голубом шелковом платье. Это была Августа.

Когда Стюарт подошел к ним, Чарльз увидел его сапоги с золотыми шпорами, о которых ходило столько слухов.

– Бизон Мэйн! Ну, теперь вечер удался!

Приветствие Чарльза было сдержанным и официальным.

– Полковник...

– Эй, брось... Ты не должен здороваться со старым цирюльником так сухо.

– Ладно, Красавчик. Рад тебя видеть. Вы с генералом Борегаром теперь настоящие герои.

– Еще бы! Я слышал, будто янки считают, что мы все ездим исключительно на черных жеребцах, изрыгающих огонь и серу. Отлично! Чем сильнее они будут бояться, тем быстрее мы их сметем. Идем, выпьем виски!

Все трое направились к бару, где чернокожий официант почтительно выполнил заказ. Стюарт не мог удержаться, чтобы немного не позлорадствовать.

– Слышал, вы пропустили ту заварушку? Да, не повезло. А как вам ваш командир? – Он кивнул на Хэмптона, который стоял поодаль и разговаривал с каким-то штатским; толпы почитательниц рядом с ним не было.

– Лучше не бывает.

– Но какой же из него кавалерист? Он же старый.

– Он великолепный наездник. Не хуже любого из нас.

Сияющая улыбка Стюарта ослабила возникшее на миг напряжение. Виски тоже помог. Вскоре они болтали о дяде Фица, который в пору их юности был суперинтендантом Вест-Пойнта, а теперь сражался с федералами на западе штата.

Взгляд Чарльза то и дело возвращался к Августе. Теперь она танцевала галоп, все с тем же майором, которого Чарльз про себя уже называл не иначе как напыщенным фатом.

– Хороша крошка, – внезапно сказал Фиц.

– Ты ее знаешь? – удивился Чарльз.

– Конечно. Богатая женщина. Ну то есть не то чтобы очень богатая... Покойный муж оставил ей кое-что. Ее родня по линии матери – Дунканы, одна из старейших семей на Раппанноке. И одна из самых родовитых.

– Вот только дядя у нее предатель, – добавил Стюарт. – Продался северянам, этим любителям африканцев. Как и мой тесть.

– Однако ты назвал сына в честь старого Кука, – напомнил Фиц.

– По моему настоянию Флора поменяла имя мальчику. Теперь он не Филип, а Джеймс. Отныне и навсегда. – Улыбка Стюарта стала холодной, а огонь истовой веры в его глазах встревожил Чарльза.

Стюарт поспешил откланяться – его ждали и другие почитатели. Попрощались они вполне дружески, но у Чарльза осталось ощущение, что отныне их разделяют звания и положение в обществе и что они оба это поняли. Это ввергло его в состояние легкой грусти, которая только усилилась, когда оркестр снова заиграл и майор опять пригласил Августу на танец.

– Если это та, которую ты искал, иди к ней! – прошептал Фиц.

– Он старше меня по званию.

– Ни один уважающий себя южанин не посмотрит на это как на препятствие. Кроме того... – Фиц еще больше понизил голос. – Я знаю этого человека. Он дурак. – Фиц толкнул Чарльза в плечо. – Иди же, Бизон, или вечер пройдет впустую и тебе нечего будет вспомнить.

Пытаясь понять, почему он так взволнован и не уверен, Чарльз направился через толпу к краю танцевальной площадки, где весело кружили пары. Он заметил, что Августа наблюдает за ним – с радостью и, если только ему это не померещилось, с облегчением. Чарльз быстро обдумал свою стратегию, выждал, когда закончился танец, и тут же подошел к ней:

– Кузина Августа! Майор, прошу меня простить, что прерываю вашу милую беседу. Я даже представить не мог, что встречу здесь свою родственницу.

– Вашу родственницу? – повторил офицер из Первого Виргинского трубным голосом, потом нахмурился и строго посмотрел на Августу. – Вы не говорили, что у вас есть родня в пальмовом штате, миссис Барклай.

– Разве? Ну, у Дунканов их целая уйма. А нашего дорогого Чарльза я не видела уже два... нет, пожалуй, даже три года. Майор Годак – капитан Мэйн. Вы нас извините, майор?

Улыбнувшись, она взяла Чарльза под руку и отвела от хмурого виргинца.

– Гадок, вы сказали? – весело прошептал Чарльз; он вдруг почувствовал, как его бросило в жар, когда ее грудь случайно коснулась его руки.

– Да, это ему больше подходит. Пустая голова и ноги как из свинца. Я уж думала, мне придется терпеть его весь вечер.

– Пустая голова и свинцовые ноги – это, надеюсь, не из мистера Поупа?

– Нет, но у вас определенно хорошая память.

– Достаточно хорошая, чтобы помнить, что я не должен называть вас Гус.

Она легонько хлопнула его по руке веером:

– Поосторожнее, или я вернусь к Гадоку.

– Этого я точно не допущу. – Чарльз оглянулся через плечо. – Все еще там топчется. Давайте-ка с вами перекусим.

Чарльз принес Августе бокал пунша, а потом стал наполнять две маленькие тарелки закусками. Рядом остановилось несколько девушек. Одна из них, подчеркнуто громко, с выраженными театральными интонациями, рассказывала фельетон, который Чарльз уже слышал в гарнизоне. Первой его опубликовала «Ричмонд икзэминер», представив как некую басню об орангутанге по имени Старина Эйб.

– Орангутанг был избран королем, и это событие произвело большой переполох и настоящую революцию в Южных штатах, потому что звери в этой части страны привезли из Африки много черных обезьян и сделали их рабами. И тогда орангутанг Старина Эйб заявил, что это неуважение к его семье...

– Ах, простите! – вдруг вскрикнула Августа и тут же, сделав вид, что споткнулась, вылила пунш прямо на бежевую шелковую юбку девушки.

Исполнительница и ее подружки громко завизжали и начали суетливо оттирать расплывавшееся пятно. Августу, еле сдерживая гнев, увела Чарльза прочь.

– Безмозглые дурочки... Клянусь, я люблю Юг, но уж точно не всех южан. В моем доме она никогда бы не посмела выступать с такой чушью. Я бы ее отхлестала конским кнутом. Мои негры – хорошие люди.

Чарльз понес тарелки на маленький балкон, выходящий на шумную улицу.

– Я действительно чувствую себя чужой на этом балу, – вздохнула Августа. – Ехать пришлось долго, а большинство гостей здесь просто невыносимы.

Она взяла с тарелки маленький треугольный бутерброд с икрой.

– Да, большинство, – повторила она, посмотрев на Чарльза снизу вверх – по-другому из-за его роста не получалось.

– Тогда зачем вы приехали? – спросил он.

– Мне сказали, что будет слишком мало женщин. И я решила... – она немного помолчала, – что присутствовать здесь – мой патриотический долг. Со мной поехал один из моих бывших рабов. Конечно, я могла бы добраться и одна... Почему вы улыбаетесь?

– Потому что вы чертовски... э-э... потрясающе...

– Ничего, я уже слышала слово «чертовски».

– Вы так уверены. И смелости в вас побольше, чем в Джебе Стюарте.

– А разве это плохо для женщины?

– Я этого не говорил.

– Тогда зачем так подчеркивать это?

– Просто это... удивительно.

– Это лучшее, что вы можете сделать, – удивиться? А как вы на самом деле к этому относитесь, капитан?

– Вот только не думайте, будто поддели меня. Если вы действительно хотите знать, мне это нравится.

К его изумлению, она покраснела. А потом изумила его еще раз, сказав:

– Простите, я вовсе не хотела вас поддевать. Это просто дурная привычка. Я ведь уже, кажется, говорила вам при первой встрече, что никогда не считала себя красоткой, поэтому и веду себя не так, как им полагается.

– А я все равно считаю вас красивой. Очень.

– Спасибо, вы чрезвычайно добры.

Барьер между ними возник снова. Неужели он так пугал ее своим вниманием? Хотя, по правде говоря, его и самого пугал собственный интерес к этой хорошенькой, но уж очень необычной вдове.

И все же он не хотел бы уехать ни с чем. Они стояли в неловком молчании, наблюдая за экипажами и прохожими внизу. В Ричмонд в эти дни хлынуло много приезжих, и Чарльз слышал, что город буквально захлестнула волна уличной преступности. Грабежи, убийства, изнасилования...

Оркестр заиграл снова.

– Вы потанцуете со мной, Августа?

Он выпалил это так неожиданно, чуть охрипшим голосом, что она даже вздрогнула. «Что ж, – подумал он, – у нас обоих есть причины осторожничать. Да и это место подходит больше для пустой болтовни и обмена ни к чему не обязывающими любезностями, чем для чего-то более серьезного».

В руках Чарльза Августа чувствовала себя легко и свободно. А он так давно не был близок с женщиной, что в танце старался держаться на приличном расстоянии от нее, чтобы его тело ненароком не откликнулось на столь длительное воздержание. Они провальсировали мимо группы офицеров, и Фиц изобразил ему беззвучные аплодисменты. Потом мимо Хантуна, который вытаращил глаза от изумления, на что Чарльз лишь небрежно кивнул. И наконец, мимо майора из Первого Виргинского.

– А, майор Гадок! – радостно окликнул его Чарльз.

Августа рассмеялась и даже на мгновение приникла к нему. Он почувствовал ее тело, а ее полнота сделала прикосновение еще более сексуальным.

С горячего согласия Августы Чарльз остался ее партнером на весь вечер, а потом проводил ее до пансиона, где она сняла комнату. Ее вольный негр ждал перед «Спотсвудом» с каретой, но она отправила его спать. Чарльз радовался, что смог провести с ней еще немного времени. Его поезд уходил в три часа, и у него оставался еще почти час.

Парадная сабля слегка била его по ноге, пока они шли. Улицы были тихи и пустыньны, лишь изредка проскальзывали в тени чьи-то фигуры или проезжали экипажи с возвращавшимися с бала гостями. Они прошли мимо нескольких шумных баров, где до сих пор бражни-

чали солдаты и штатские. Однако их никто не побеспокоил – внушительный рост Чарльза и его очевидная сила служили надежной защитой. И Августе как будто нравилось держать его под руку. Наконец они дошли до темного крыльца пансиона.

– Я должна вам кое в чем признаться, Чарльз. – Она шагнула на нижнюю ступеньку, и теперь ее глаза были вровень с его глазами. – Мы сегодня говорили о чем угодно: от моих урожаях до характера генерала Ли, но одну тему не затронули, хотя и следовало.

– И какая же это тема?

– Истинная причина того, что я отправилась в такую далекую поездку. Да, я патриотка, но не настолько, благодарю покорно. – Августа глубоко вздохнула, как будто собираясь прыгнуть в воду. – Я надеялась, что там будете вы.

– А я... – *«Не позволяй поймать себя в ловушку...»* — твердил внутренний голос, но Чарльз не слушал его, – я тоже надеялся увидеть вас.

– Я слишком откровенна, да?

– И замечательно. Я не смог бы сказать это первым.

– Вы не производите впечатления застенчивого человека, капитан.

– С людьми вроде Гадока я действительно не застенчив. Но с вами...

На каком-то далеком шпале колокол отбил четверть часа. Ночь была теплой, но Чарльзу она казалась удушающе жаркой. Она крепко пожала его руку:

– Вы навестите меня на ферме, когда сможете?

– Даже если забудусь и назову вас Гус?

Августа посмотрела ему прямо в глаза, а потом наклонилась, и ее светлые локоны коснулись его лица.

– Даже тогда. – Она поцеловала его в щеку и убежала в дом.

Быстро шагая в сторону вокзала, Чарльз весело насвистывал. Внутренний голос продолжал настаивать: *«Будь осторожнее! Кавалерист всегда должен быть налегке!»* И хотя он понимал, что должен прислушаться, он чувствовал себя таким окрыленным, что не хотел обращать внимания ни на какие предупреждения.

Глава 36

Вернувшись в министерство финансов со срочного совещания, созванного министром, чтобы обсудить проблему фальшивых денег, Джеймс Хантун сел за свой стол, залитый светом осеннего солнца, и положил перед собой десятидолларовую купюру, которая выглядела совсем как настоящая, хотя ею не являлась. Ему было поручено показать ее Полларду, редактору «Икзэминера», чтобы газета предупредила читателей о появлении фальшивых денег – увы, напечатанных даже лучше, чем те, что делала правительственная типография Хойера и Людвига. Полларду наверняка понравится такая история, и Хантун уже предвкушал появление язвительной статьи – ему, как и редактору, не нравился их президент, его политика и все его правительство. В настоящее время мишенью газеты был полковник Нортроп, начальник военно-торгового управления армии, быстро ставший самым ненавистным человеком в Конфедерации из-за его неспособности справиться с закупкой и распределением продовольствия. В своих антинортроповских статьях Поллард никогда не забывал упомянуть и о том, что Дэвис всегда стоит на стороне своего друга по Вест-Пойнту. Единственным выпускником Академии, которого поддерживал «Икзэминер», был Джо Джонстон, да и то только потому, что президент постоянно нападал на него, считая, что тот не по праву занимает свое место.

В частных разговорах Поллард высказывался даже более злобно. Он называл Дэвиса миссисипским выскочкой; обвинял в том, что президент будто бы делает все, что велит ему жена, – «да он просто воск в ее руках»; не забывал напомнить своим слушателям о том, что Дэвис протестовал против решения конгресса о переносе столицы в Ричмонд, – «разве это не говорит о его отношении к нашему любимому городу?» – и о том, что, получив известие о своем избрании, сообщил об этом своей жене таким тоном, словно получил смертный приговор.

Поллард был не одинок в своей неприязни к президенту. На Юге поднялась уже целая волна недовольства, и люди зачастую не стеснялись выражать его весьма резко и нелюбезно. Вице-президент Стивенс открыто называл Дэвиса тираном и деспотом. Многие требовали немедленного смещения президента, а церемония его избрания на полный шестилетний срок должна была состояться в ноябре.

Разочарование в новом правительстве было одной из причин подавленного настроения Хантуна. Другой причиной была Эштон. Все свое время она тратила на то, чтобы любыми путями подняться как можно выше по социальной лестнице. Дважды она заставляла Хантуна принимать приглашение на ужин у Бенджамина, этого хитрого маленького еврея, с которым у нее было много общего. Оба выбирали осторожную тактику, всем угождали, никого не оскорбляли – ведь нельзя предсказать заранее, откуда может нагрянуть буря на следующей неделе.

Одна по-настоящему дикая ссора испортила Хантуну все лето. Через две недели после приема в «Спотсвуде» некий джентльмен, имевший связи в Валдосте и на Багамах, появился в резиденции, в которую Хантун и Эштон переехали за несколько дней до этого. Джентльмен предложил Хантуну купить долю в том, что он называл своей судоходной компанией. Оказалось, что в английском графстве Мерсисайд, а именно в Ливерпуле, у него есть быстроходный пароход «Русалка», который можно было бы переоснастить за вполне разумную цену, для того чтобы он мог курсировать между Нассау и побережьем Конфедерации в обход блокады.

– И что же будет перевозить ваша «Русалка»? – спросил Хантун. – Ружья и боеприпасы?

– О нет, – улыбнулся мистер Ламар Хью Август Пауэлл. – Предметы роскоши. На них можно заработать гораздо больше. Как вы понимаете, предприятие довольно рискованное, поэтому речь идет скорее о краткосрочной сделке, чем о длительной договоренности. По моим расчетам, если правильно выбрать груз, то двух успешных рейсов будет вполне достаточно, чтобы получить прибыль минимум в пятьсот процентов. А потом янки могут потопить судно,

если захотят. Если же рейсы продолжатся, то возможный доход для партнеров достигнет астрономических цифр.

Хантун вдруг заметил, что его жена очень внимательно наблюдает за их гостем. Сам он всегда опасался красивых мужчин, потому что не принадлежал к их числу; впрочем, он пока не мог сказать, что больше привлекло Эштон в мистере Пауэлле – его внешность или же предложенная им сделка. В любом случае он не собирался иметь дело с этим проходимцем, потому что предусмотрительно навел справки о его прошлом, после того как получил от него записку с просьбой о встрече.

Он выяснил, что Пауэлл успел побывать и наемным солдатом в Европе, и пиратом в Южной Америке. В его досье значилось, что по закону он освобожден от воинской обязанности как владелец более чем двадцати рабов. В своей декларации Пауэлл заявлял, что на его семейной плантации возле Валдосты проживает семьдесят пять рабов, однако один знакомый Хантуна написал ему из Атланты, что на самом деле эта «плантация» представляет собой полуразрушенный фермерский дом с прилегающими к нему постройками, где обитают три человека по фамилии Пауэлл: мужчина и женщина за семьдесят и сорокалетний увалень с рассудком младенца, брат которого давно сбежал куда-то на Запад. Едва ли подобные рекомендации можно было считать безупречными, что, разумеется, и определило отношение Хантуна к их посетителю.

– У меня нет желания участвовать в этом, мистер Пауэлл, – сказал он.

– Могу я узнать причину?

– Их несколько, но достаточно даже одной, самой важной. Это непатриотично.

– Понимаю. Вы предпочитаете быть бедным патриотом, а не богатым, так?

– Импорт духов, шелка, а также шерри для министра Бенджамина не вписывается в мое представление о патриотизме.

– Но, Джеймс, дорогой... – начала было Эштон.

Смутно чувствуя исходящую от этого хлыща угрозу, Хантун перебил ее:

– Мой ответ «нет», Эштон.

Когда Пауэлл ушел, они допоздна кричали друг на друга.

– Разумеется, я говорил то, что думал! – отбивался Хантун. – Я не желаю иметь ничего общего с этим беспринципным авантюристом! И, как я уже сказал ему, у меня достаточно для этого оснований.

Эштон, сжав кулаки и зубы:

– Так назови их!

– Хорошо... Прежде всего – личный риск. Ты можешь себе представить, какие будут последствия, если все раскроется?

– Да ты просто трус!

– Боже, – побагровел Хантун, – как же я тебя иногда ненавижу! – Правда, перед тем, как это сказать – очень тихо, – он отвернулся.

Через какое-то время Эштон завелась снова, еще более злобно:

– Мы живем на мои деньги, не забывай! На мои! Ты зарабатываешь не больше черномазых на плантации! Это я управляю нашими средствами...

– Благодаря моему терпению.

– Это тебе так кажется! Я могу тратить деньги как захочу!

– Хочешь проверить это в суде? По закону все эти деньги стали моей собственностью, как только мы поженились.

– Ах ты, самодовольный адвокатишка! – Она сорвала с кровати одеяла, скомкала их и вышвырнула в коридор. – Будешь спать на кушетке, если, конечно, поместишься там, жирный боров! – Она вытолкала мужа из спальни.

Чувствуя, как на глазах выступили слезы, он поднял руку в примиряющем жесте:

– Эштон...

Хлопнувшая дверь ударила его по ладони. Он прислонился к стене и закрыл глаза.

На следующий день они помирились, как мирились всегда, но супружеской близости Эштон не допускала еще две недели. После этого настроение ее заметно улучшилось; она была бодрой и веселой и как будто вовсе забыла и о Пауэлле, и о его предложении.

Однако воспоминание о той ссоре никак не хотело уходить, став еще одним тревожным облаком на горизонте, который, казалось, и без того уже был заполнен ими. Так Хантун и сидел за своим столом с фальшивой банкнотой в руках, глядя в одну точку бессмысленным взглядом. Его начальнику пришлось весьма многозначительно напомнить ему, что давно пора идти в редакцию.

Как правило, рабочий день в Ричмонде заканчивался в три часа, после чего обычно начинался длительный обед, который подавали уже вскоре. Однако на семьи правительственных служащих такой режим не распространялся. К радости Эштон, ей крайне редко приходилось обсуждать меню с ее чернокожей кухаркой, тем более что она находила это занятие ужасно скучным. Обычно Джеймс возвращался домой после половины восьмого, как раз к легкому ужину.

В этот осенний день Эштон тоже не ждала мужа до вечера. К двум часам она наконец навела красоту и была готова выйти из дому; из времени, отведенного на официальные визиты, у нее оставался в запасе один час. Гомер подогнал карету к крыльцу, и вскоре они уже отъезжали от двухэтажного особняка на Грейс-стрит – района вполне respectable, хотя и расположенного довольно далеко от центра, чтобы считаться модным.

Несмотря на прохладный день, Эштон то и дело бросало в жар. Она решилась на этот рискованный шаг по многим причинам, в числе которых были и робость мужа, и растущее чувство разочарования, вызванное тем, что им никак не удавалось пробиться в высшее общество Ричмонда. Причин такой неудачи Эштон видела всего две: отсутствие у них должного положения, а также настоящего богатства. По обоим этим статьям Джеймс потерпел полный крах, как, впрочем, терпел его и всякий раз, когда пытался удовлетворить ее своим жалким подобием мужского достоинства.

Эштон откинулась на спинку бархатного сиденья кареты, глядя в окно на залитые солнцем улицы. Хватит ли у нее смелости? Ей понадобилась неделя на то, чтобы узнать адрес того мужчины, потом еще одна – чтобы, тщательно продумывая каждое слово, сочинить записку, сообщавшую о дне и часе ее визита, который будет касаться делового вопроса, представляющего взаимный интерес. Она даже хорошо представляла себе удовольствие в его глазах, когда он читал эту записку. Если, конечно, читал. Ответа Эштон так и не получила. Может, он уехал из города?

Записку Эштон отправила с каким-то черномазым мальчишкой, которого наняла на углу напротив площади Капитолия. Откуда ей знать, доставил ли он запечатанный воском конверт или выбросил по дороге? Обуреваемая сомнениями и страхом неудачи, Эштон не заметила, как лошади замедлили шаг и остановились.

– Вот то место, которое вы хотели, миссис Хантун! – крикнул Гомер, перекрывая шум поезда на Брод-стрит. – Мне приехать сюда через час?

– Нет. Я не знаю, как долго буду ходить по магазинам. Лучше я найму экипаж, как закончу, и поеду к мистеру Хантуну, а потом мы вместе вернемся домой.

– Как скажете, мэм.

Карета поехала следом за белым армейским фургоном.

Эштон быстро зашла в ближайший магазин, а через несколько минут так же торопливо вышла оттуда с двумя совершенно ненужными ей катушками ниток. Опасливо оглядевшись

вокруг и убедившись, что Гомер действительно уехал, она остановила первый проезжавший мимо экипаж.

Обливаясь потом и слыша, как бешено бьется сердце, она попросила извозчика остановиться возле квартала красивых домов на Чёрч-Хилл. Нужный ей дом стоял на Франклин-стрит, недалеко от Двадцать четвертой. Укрытый тенью кленовой листвы, уже чуть подернутой следами увядания, солидный особняк, казалось, спал в теплом воздухе осеннего дня.

Не глядя по сторонам, Эштон быстро поднялась по ступеням высокого крыльца и позвонила. Там, наверное, есть слуги...

Но дверь открыл сам Ламар Пауэлл. От волнения Эштон едва не потеряла сознание.

– Прошу, входите, миссис Хантун, – сказал Пауэлл, отступая назад, в тень.

Эштон перешагнула порог; дверь закрылась с легким щелчком, похожим на тиканье часов.

В холле было прохладно. По обе стороны от него сквозь открытые двери виднелись богато отделанные комнаты с шикарной мебелью и хрустальными люстрами. Эштон вспомнила, что не так давно Джеймс сам неожиданно снова заговорил о Пауэлле, признавшись, что провел на его счет небольшое расследование.

– Похоже, хладнокровия этому парню не занимать – еще бы: жить в кредит ради саморекламы.

Если в этом ехидном замечании и была правда, то кредит у Пауэлла был огромным, судя по убранству его дома, подумала Эштон.

– Признаться, ваша записка меня удивила, – улыбнулся Пауэлл. – Я не был уверен, что вы действительно придете, но на всякий случай отправил своего лакея порыбачить, а сам остался дома. Так что здесь никого нет, кроме нас с вами. – Он обвел холл тонкой и удивительно чувственной рукой. – Вам не нужно бояться быть скомпрометированной.

Эштон почувствовала себя нескладным ребенком. Он был таким высоким – просто невероятно высоким, а еще очень уверенным. С совершенно невозмутимым видом он стоял перед ней в своих черных брюках и свободной хлопковой рубаше. Ноги его были босы.

– Какой великолепный дом! – воскликнула Эштон. – И сколько же комнат вы занимаете?

– Все, миссис Хантун, – ответил Пауэлл, забавляясь ее волнением. – Когда я увидел вас в «Спотсвуде», – сказал он, осторожно беря ее за руку, – я сразу понял, что рано или поздно вы придете сюда. Как же вы прекрасны в этом платье... Но думаю, без него вы еще прекраснее.

С этими словами он крепче сжал ее руку и повел к лестнице.

Поднимались они молча. В комнате, где закрытые жалюзи расчерчивали на полосы света уже расстеленную, как заметила Эштон, кровать, они сразу начали раздеваться: Пауэлл – спокойно, она – нервными, дергаными движениями. Ни один мужчина никогда не приводил ее в такое состояние.

По-прежнему не говоря ни слова, Пауэлл помог ей справиться с пуговицами на лифе, одновременно, с величайшей нежностью, целуя ее в левую щеку. Потом он поцеловал ее в губы – неторопливо, чувственно. Эштон показалось, что она падает в костер. Она зашпешила, пальцы у нее дрожали...

Пауэлл сдвинул кружевные бретели с ее плеч, обнажив Эштон до пояса. И, едва касаясь, начал осторожно ласкать ее грудь. Потом наклонился вперед, улыбаясь все той же странной, чуть отстраненной улыбкой. Эштон запрокинула голову и закрыла глаза, ожидая продолжения...

И вдруг он ударил ее по лицу и резко швырнул на кровать. Эштон была слишком напугана, чтобы закричать, а Пауэлл встал над ней, не переставая улыбаться.

– *Зачем...* – проговорила она.

– Чтобы не оставалось сомнений в том, в чьих руках власть в этом союзе, миссис Хантун. Едва вас увидев, я понял, что вы сильная женщина. Однако поберегите свои спектакли для других. – Он быстро наклонился и принялся срывать с нее остатки одежды.

Ее страх сменился возбуждением, настолько сильным, что оно граничило едва ли не с безумием. Она едва сдерживала себя, пока Пауэлл снимал с себя нательное белье. То, что она увидела, оказалось меньше, чем можно было ожидать при его фигуре, к тому же довольно странного вида. Пауэлл раздвинул ноги Эштон и овладел ею, не закрывая глаз.

Эштон не могла поверить, что это происходит с ней. Она билась и извивалась на влажных простынях, быстро достигнув оргазма такой силы, какого никогда не испытывала. И тут же опять начала вскрикивать, когда Пауэлл ускорил темп; с другими любовниками ничего подобного не случалось. Слезы катились по ее щекам, и когда Пауэлл наконец вошел в нее последний раз, она закричала сквозь рыдания и потеряла сознание.

Когда она очнулась, он лежал рядом, опираясь на локоть, и снова улыбался. Эштон была мокрой от пота, уставшей и напуганной своим обмороком.

– Я, кажется...

– *La petite mort*. Маленькая смерть. Хочешь сказать, с тобой это в первый раз?

Эштон сглотнула.

– В первый.

– Что ж, зато уж точно не в последний. Я на тебя смотрю уже почти двадцать пять минут. Вполне достаточно, чтобы мужчина снова набрался сил. – Он показал вниз. – Возьми в рот.

– Но... я никогда такого не делала...

Он схватил ее за волосы:

– Ты слышала, что я сказал? Сделай это!

И Эштон повиновалась.

В следующий раз они достигли финала не так быстро. Эштон заснула, а после второго пробуждения обнаружила, что избавилась от страхов. Она смутно подумала о том, чтобы получить какой-нибудь сувенир об этой встрече для своей коллекции, но была слишком сонной и предпочла просто отдыхать рядом с Пауэллом.

Свет за рейками жалюзи заметно изменился. День близился к концу. Но Эштон это больше не волновало. Тайные глубины, которые она открыла в себе в этой комнате, не только изменили ее эмоционально, но и полностью разрушили ее представление о собственном сексуальном опыте. Да, любовников у нее было немало, о чем напоминала ее коллекция сувениров. Но Ламар Пауэлл показал ей, что она еще просто дитя.

Между тем вторая причина ее визита все-таки заявила о себе.

– Мистер Пауэлл...

Он оглушительно захохотал:

– Мне казалось, мы уже достаточно близко знакомы, чтобы называть друг друга по имени.

– Да, верно...

Эштон покраснела и, чтобы сгладить неловкую заминку, убрала со лба прядь темных волос. В его смехе отчетливо слышалась жестокость.

– Я хотела поговорить с тобой о деле, – сказала она. – Деньгами в нашей семье распоряжаюсь я. То место второго инвестора в твоём морском синдикате еще свободно?

– Возможно. – Глаза, похожие на матовое стекло, скрывали все его мысли. – Сколько ты можешь вложить?

– Тридцать пять тысяч долларов.

Вложив такие деньги, в случае неудачи Эштон могла остаться почти ни с чем. Но она не верила в неудачу, точно так же как, идя сюда, не верила, что Пауэлл не затащит ее в постель.

– Такая сумма дает солидную долю во владении судном, – сказал Пауэлл, – как и в будущей прибыли. Значат ли твои слова, что твой муж изменил решение?

– Джеймс ничего об этом не знает и не узнает, пока я не сочту нужным ему сказать. Разумеется, ему незачем знать и о моем сегодняшнем визите... и о других тоже.

– Если они еще будут.

Таким заявлением он, вероятно, хотел смутить и встревожить ее, но уж точно просчитался.

– Будут, если тебе нужны деньги, – с вызовом ответила она.

Пауэлл с улыбкой откинулся на подушку.

– Нужны. И как только я их получу, мы сможем продолжить.

– Я принесу чек на следующую встречу.

– Сделка?.. Боже, да ты просто находка! В этом городе и мужчин-то мало с таким характером. Мы друг другу подходим, – заявил он, поворачиваясь и целуя ее в голый живот.

На этот раз, после того как все закончилось, первым заснул он.

Хранилась у Эштон одна заветная шкатулочка, которой муж никогда не видел. Она прятала там воспоминания о романтических связях, длившихся месяц, неделю или даже одну ночь. Лаковая деревянная шкатулка, инкрустированная перламутром и жемчугом, была сделана в Японии в традиционной азиатской манере, а вот рисунок на ней, искусно выложенный перламутровыми пластинами, был весьма примечателен. На крышке была изображена пара за чаепитием. А на внутренней стороне крышки та же самая пара, сняв кимоно, с широкими улыбками предавалась страсти. Художник построил композицию так, что гениталии партнеров были отчетливо видны. С учетом внушительного размера пениса Эштон вполне понимала, почему у женщины такое счастливое выражение лица.

В качестве сувениров она всегда выбирала брючные пуговицы. Начало коллекции было положено еще задолго до войны, когда Эштон приезжала к кузену Чарльзу в Академию. По существовавшей там в ту пору традиции девушка и сопровождавший ее кавалер обменивались какими-нибудь милыми подарочками – чаще всего сладостями, – хотя заветной мечтой каждой девушки была, конечно, пуговица с кадетского мундира. Эштон развлеклась не с одним, а с семью кадетами в душной темноте порохового склада. И от каждого потребовала весьма своеобразный сувенир – пуговицу от гюльфика.

Вот и на этот раз, пока Пауэлл спал, она неслышно выбралась из постели, нашла его брюки, которые он небрежно бросил на пол, и стала осторожно вертеть одну из пуговиц, пока та не оторвалась. Спрятав пуговицу в ридикюль, она, довольная, вернулась в постель. Теперь, думала она, их будет уже двадцать восемь – по одной на каждого мужчину, до которого она снизошла. Правда, доставало в шкатулке памятки от юноши, лишившего ее девственности, когда она была совсем девчонкой, а также от того весьма опытного моряка, с которым она познакомилась на улице еще до того, как поездка в Вест-Пойнт вдохновила ее на эту коллекцию. А кроме этих двоих, только один мужчина не добавил свою пуговицу в ее коллекцию – ее законный муж.

Глава 37

В Вашингтоне той осенью усердно искали козла отпущения. Все продолжали осуждать Макдауэлла за поражение при Булл-Ране, но теперь к нему добавили еще и Скотта. К тому же почти каждый вечер Стэнли возвращался домой с очередной ужасной новостью о Кэмероне. Его босса проклинали все: чиновники, пресса, общественность.

– Даже Линкольн присоединился к этой клике! Наш осведомитель из президентской резиденции видел кое-какие записи, сделанные Николаем, его секретарем.

Стэнли достал из кармана листок, куда он переписал самые тревожные выдержки.

– «Президент утверждает, что Кэмерон крайне невежествен. Эгоистичен. Вреден для страны. Не способен организовать никакое дело, как в общем, так и в частности». – Стэнли отдал записи жене. – Там еще много в таком же духе. Черт побери!

Они ужинали вдвоем; так было заведено, потому что к вечеру Изабель чувствовала себя совершенно измотанной от постоянных драк собственных сыновей, их полного нежелания слушаться и их чудовищных выходок, главной целью которых был домашний учитель, нанятый матерью после того, как стало ясно, что в частную школу они точно не поступят. Обычно Изабель отправляла близнецов ужинать на кухню, чему они были только рады.

– Мы слишком долго ждали, Стэнли, – сказала она, изучив записи. – Ты должен отдалиться от Кэмерона до того, как ему снесут голову.

– Я и сам хочу. Только не знаю как.

– Об этом я уже подумала. Главное сейчас – не повторить ошибок этого болвана Фримонта.

Знаменитый исследователь и политик Джон Фримонт, будучи командующим военным округом в Сент-Луисе, внезапно объявил всех рабов штата Миссури свободными. Радикалы в конгрессе, разумеется, пришли в восторг, но Линкольн, который по-прежнему с большим почтением относился к собственности белых граждан в приграничных территориях, отменил это решение и снял Фримонта с должности.

– Так поступать, безусловно, нельзя, это самый настоящий раскол, и мы должны играть только на одной стороне, – решительно заявила Изабель.

Стэнли озадаченно покачал головой и взял вилку.

– Но на какой? – спросил он, отправив в рот большой кусок лобстера.

– Пожалуй, лучшим ответом будет, если я скажу тебе, с кем я сегодня встречалась. С Каролиной Уэйд.

– С женой сенатора? Изабель, ты не перестаешь меня изумлять. Я и не знал, что ты с ней знакома.

– Месяц назад еще не была. Но постаралась устроить это знакомство. Сегодня она была весьма радушна, и я уверена: мне удалось ее убедить, что я фанатичная сторонница ее мужа и всей его клики – Чандлера, Граймса и прочих. И еще я намекнула, что ты в ужасе от того, как Саймон руководит министерством, но чувствуешь себя беспомощным, потому что предан ему.

Мгновенно побледнев, Стэнли спросил:

– Но ты же не упомянула о фабрике Лэшбрука и...

– Стэнли, это ты у нас вечно совершаешь промахи, а не я. Конечно, ни слова не сказала. Но если бы и сказала? В полученных нами контрактах нет ничего незаконного.

– Да, но то, как именно мы их получили...

– Почему ты так боишься?

– У меня тревожно на душе. Я молю Бога, чтобы эти чертовы ботинки выдержали зиму. Пеннифорд постоянно меня предупреждает...

– Пожалуйста, перестань ругаться и говори по существу.

– Извини... продолжай.

– Миссис Уэйд не говорила этого прямо, но у меня создалось впечатление, что сенатор хочет создать некий новый комитет в конгрессе, который ограничил бы диктаторские замашки президента и взял на себя наблюдение за ходом войны. И безусловно, решением этого комитета будет отставка Саймона.

– Ты так думаешь? Но ведь Бен Уэйд – один из его самых преданных друзей.

– Был, дорогой. *Был*. Старые союзы разрушаются. На публике Уэйд может сколько угодно поддерживать босса, но могу поспорить: за кулисами все совершенно иначе. – Она наклонилась к мужу. – Саймон еще не вернулся в город?

Стэнли покачал головой; министр уехал инспектировать западный театр военных действий.

– Вот и прекрасно, не упускай эту возможность. За тобой не будут наблюдать слишком внимательно. Повидайся с Уэйдом, а я закажу приглашения на прием, который собираюсь дать в честь его жены и их друзей. Возможно, я даже приглашу Джорджа с Констанцией – ради приличия. Думаю, у меня хватит мужества потерпеть ее надменность один вечер.

– Все это прекрасно, но что я скажу сенатору?

– Успокойся и послушай меня.

Забыв о еде, Саймон слушал жену, дрожа от страха при одной мысли о том, что ему придется подойти к самому радикальному сенатору конгресса. Но чем дольше говорила Изабель – сначала убеждая, а потом настаивая, – тем больше он верил, что Уэйд для них сейчас единственное спасение.

На следующий день он договорился о встрече, хотя назначили ее только на конец недели. Из-за отсрочки у него расстроилось пищеварение и началась бессонница. Несколько раз, терзаемый страхом, он начинал умолять жену придумать другую стратегию. Уэйд был слишком близок к Кэмерону; не разумнее ли подобраться к старшему секретарю президента Николаю?

– Нет, только Уэйд! – настаивала Изабель. – Он тебя выслушает, потому что всегда готов вести дела с прохвостами.

Вот так в пятницу Стэнли и оказался на скамейке в приемной сенатора Бенджамина Франклина Уэйда. У него сильно болел живот. Он нервно стискивал золоченую рукоять своей трости, словно она была неким оберегом. Минуло одиннадцать – назначенное время приема. Через четверть часа после этого Стэнли уже обливался потом. К половине двенадцатого он уже был готов сбежать. Но в этот момент дверь кабинета Уэйда открылась, и оттуда неторопливо вышел невысокий, коренастый мужчина, с роскошной бородой и в очках. От страха Стэнли не мог даже пошевелиться.

– Доброе утро, мистер Хазард. Пришли решить какой-то вопрос министерства?

«Скажи что-нибудь... Найди отговорку...» Стэнли был уверен, что у него все написано на лице.

– Ну... нет, вообще-то, я по личному делу, мистер Стэнтон.

Этот маленький, но так напугавший Стэнли человек, который стоял сейчас перед ним, спокойно протирая очки в тонкой металлической оправе, был, как и Уэйд, родом из Огайо. Эдвин Стэнтон был демократом, одним из лучших и самых дорогих адвокатов Вашингтона, а с недавних пор и генеральным прокурором в кабинете Джеймса Бьюкенена. А еще он был личным адвокатом Саймона Кэмерона.

– Я тоже, – признался Стэнтон; от его напыщенных усов исходил сильный цитрусовый запах. – Простите, что из-за меня вам пришлось ждать. Как там мой клиент? Не вернулся еще с запада?

– Нет, но мы ожидаем его в ближайшее время.

– Когда он приедет, передайте ему мои наилучшие пожелания и скажите, что я в его распоряжении для составления ежегодного отчета.

С этими словами Стэнтон исчез в коридорах Капитолия, в которых до сих пор воняло жирной едой, которую готовили для волонтеров, пока они квартировали в этом здании: спали в Ротонде, в вальяжных позах сидели за столами сенаторов и устраивали шуточные заседания, когда зал был пуст.

– Прошу вас, входите, – сказал из-за своего стола референт Уэйда.

– Что?.. А, да... спасибо.

Онемев от неожиданного приглашения и смертельно боясь встречи со Стэнтоном, Стэнли вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь. Ладони стали липкими, словно он окунул их в масло.

Бен Уэйд, когда-то служивший прокурором на северо-востоке Огайо, до сих пор держался с видом обвинителя. В Вашингтон он приехал в качестве сенатора в 1851 году и оставался здесь уже целое десятилетие. После мятежа Джона Брауна в Харперс-Ферри он принес в сенат два седельных пистолета и швырнул их на пол перед всеми, демонстрируя свое желание обсудить поведение мистера Брауна в любой манере, которую предпочтут его коллеги-южане.

С трудом переставляя ноги, Стэнли поплелся к большому ореховому столу сенатора, окончательно перепуганный видом презрительно вытянутой верхней губы Уэйда и блеском его маленьких черных глаз. Уэйду было не меньше шестидесяти, но бурлившая в нем энергия делала его гораздо моложе.

– Садитесь, мистер Хазард.

– Да, сэр...

– Насколько мне помнится, мы встречались на приеме у мистера Кэмерона в этом году. Но я где-то видел вас и после. Булл-Ран – вот где. Я тогда заплатил две сотни долларов, чтобы нанять на целый день экипаж с лошадей. Просто позор. Что я могу для вас сделать? – Слова вылетали из его рта, как пули.

– Сенатор, мне нелегко говорить об этом...

– Начинайте или уходите, мистер Хазард. Я человек занятой.

«Если Изабель ошиблась...»

Уэйд сцепил пальцы на столе и уставился на Стэнли:

– Мистер Хазард?..

Чувствуя себя так, словно вот-вот совершит самоубийство, Стэнли наконец решился:

– Сэр, я здесь потому, что глубоко разделяю ваше желание как можно эффективнее организовать военные действия и наказать врага.

Уэйд положил ладони на полированную столешницу. Руки у него были крепкие и ухоженные.

– Единственным подходящим наказанием будет беспощадный и окончательный разгром, – сказал он. – Продолжайте.

– Я... – Отступить было поздно; слова, хотя и с трудом, полились изо рта Стэнли. – Я не уверен, что военные действия планируются как должно, сенатор. Администрацией и... – тут взгляд Уэйда слегка потеплел, – и моим министерством. – Тепло тут же растаяло. – С первым я ничего не могу поделать...

– На это есть конгресс. Продолжайте.

– Но мне бы хотелось исправить, что возможно, во втором. Там слишком... – В животе у Стэнли пылал пожар, но он заставил себя посмотреть в черные глаза Уэйда. – Там слишком много беспорядка в поставках, о чем вы, несомненно, уже слышали, и...

– Минуточку. Я думал, вы один из избранных.

– Сэр? – Стэнли изумленно качнул головой. – Я не по...

– Один из тех, кого наш общий друг привез в Вашингтон из Пенсильвании, потому что они помогали ему финансировать избирательную кампанию. Мне всегда казалось, что вы из его стаи... и вы, и ваш брат, который работает на Рипли.

Да, неудивительно, что Уэйд слыл могущественным и опасным. Он знал все.

– За брата я говорить не могу, сенатор. Вы правы – я действительно приехал сюда в качестве сторонника нашего... э-э... общего друга. Но люди меняются. – Жалкая усмешка. – Министр когда-то был демократом...

– Он действует, исходя из целесообразности, мистер Хазард. – Безжалостные губы дернулись – так Уэйд изображал улыбку. – Все мы поступаем так же. Я был виггом, пока не решил стать республиканцем. Тут не о чем говорить. Но чего вы хотите? Предать его?

Стэнли побледнел:

– Сэр, такого рода выражения...

– Грубы, но отражают суть. Так я прав? – (Обезумевший от страха визитер отвел взгляд, на щеках его выступил холодный пот.) – Конечно прав. Ладно, послушаем ваши предложения. Кое-кто в конгрессе может заинтересоваться. Два года назад Саймон, Зак Чандлер и я были неразлучны. Мы даже заключили соглашение, по которому каждый должен был расценивать нападки на кого-либо из троих как на себя лично и мстить обидчикам до могилы, если потребуется. Но времена и взгляды на мир меняются, и друзья тоже, как вы весьма проницательно изволили заметить.

Стэнли облизнул губы, гадая, не издевается ли над ним неулыбчивый сенатор.

– Военная кампания проваливается, – продолжал Уэйд. – Все это знают. Президент Линкольн недоволен Саймоном. Это тоже всем известно. И если Линкольн не разберется с этим, разберутся другие. – Последовала короткая пауза. – Так что вы можете предложить, мистер Хазард?

– Информацию о контрактах, заведомо бесполезных, – прошептал Стэнли. – Имена. Даты. Всё. Но только устно. Я отказываюсь написать хоть слово. Но я могу быть очень полезным, скажем так, комитету конгресса...

– Какому еще комитету? – резко перебил его Уэйд.

– Я... ну, я не знаю. Любому, у которого есть юридическое право...

Довольный уверткой, Уэйд слегка расслабился.

– А что вы попросите в обмен за свою помощь? Гарантии иммунитета для себя?

Стэнли кивнул.

Уэйд откинулся назад, сложил ладони перед лицом. Черные глаза, в которых явственно читалось презрение, неотрывно смотрели на посетителя. Стэнли решил, что ему конец. Кэмерон наверняка узнает об этом разговоре в тот же день, когда вернется в город. Черт бы побрал его безмозглую жену за...

– Что ж, это любопытно. Но вы должны меня убедить, что не подсунете порченный товар. – Прокурор наклонился в его сторону. – Приведите два примера. И поточнее.

Стэнли достал из кармана записи, которые Изабель предложила подготовить как раз на такой случай. Он выложил Уэйду два небольших образца из своего сундучка с секретами, и когда закончил, то увидел, что сенатор теперь держится намного сердечнее. Уэйд предложил Стэнли поговорить с его помощником в приемной и договориться о встрече в более надежном месте, где он мог бы получить разоблачительные сведения без страха постороннего вмешательства или подслушивания. Ошеломленный, Стэнли понял, что встреча окончена.

У двери Уэйд энергично пожал ему руку:

– Я припоминаю, жена говорила, вы скоро устраиваете прием. Что ж, буду ждать с нетерпением.

Чувствуя себя героем, выигравшим тяжелую битву, Стэнли ушел, едва волооча ноги. Спасибо Изабель... Все-таки она оказалась права... Заговор с целью спихнуть Кэмерона действительно существовал – то ли с помощью конгресса, то ли путем передачи компромата напрямую президенту. Неужели теперь и он участвует в этом?

Не важно. Главное – что он смог сторговаться с этим старым огайским жуликом. И подобно пророку Даниилу, брошенному в ров со львами, вышел оттуда живым. К середине дня Стэнли уже убедил себя в том, что все решил сам, а роль Изабель была несущественной.

Глава 38

Артуру Сципиону Брауну минуло двадцать семь лет. Это был высокий, широкоплечий молодой человек с янтарно-золотистой кожей, тонкими, как у девушки, запястьями и огромными ладонями, словно созданными для того, чтобы держать оружие. Несмотря на это, голос у него был тихий, говорил он с легким гнусавым выговором, характерным для уроженцев Новой Англии. Родился он в бостонском районе Роксбери от черной матери, брошенной ее белым любовником.

Когда Браун только познакомился с Констанцией Хазард, он сказал ей, что его мать поклялась никогда не поддаваться унынию из-за мужчины, который обещал любить ее вечно, а потом предал, или из-за того, что цвет кожи затруднял ей жизнь даже в либеральном Бостоне. Все свои помыслы, силы, да и саму жизнь она посвятила тому, чтобы служить своему народу. Шесть раз в неделю она обучала детей черных мужчин и женщин грамоте в крошечной ветхой школе, а по воскресеньям занималась со взрослыми. Она умерла год назад от рака, находясь в ясном уме и до конца отказываясь принимать опиум.

– Ей было сорок два. Не так уж много, – сказал Браун – просто для того, чтобы поделиться, а не разжалобить. – На земле никогда еще не было женщины храбрее.

Констанция познакомилась со Сципионом Брауном на приеме в честь Мартина Делани, врача и писателя, а также известного борца за предоставление неграм равных политических прав. Сам Делани, одетый в длинную африканскую тунику традиционно ярких цветов, ходил между многочисленными гостями, приглашенными в дом Чейза, и вовлекал всех в свои разговоры. Именно Делани привел на прием молодого Брауна.

Разговорившись с Брауном, Джордж и Констанция были восхищены его манерами, его историей и взглядами на жизнь. Такой же высокий, как Купер Мэйн, он держался со спокойным достоинством, ничуть не смущаясь, что лацканы его явно подержанного фрака заметно потерты, а рукава слишком коротки. Возможно, он надел лучшее из того, что у него было, а если кому-то не нравилось, то это их проблемы – не его.

Когда Браун сказал, что он сторонник Мартина Делани, Констанция спросила:

– Вы хотите сказать, что готовы переехать в Либерию или другое подобное место, будь у вас такая возможность?

Браун отпил немного чая. С чашкой он обращался так же изящно, как любой из гостей.

– Год назад я бы не задумываясь ответил «да». Но сегодня я уже не так уверен. Америка очень плохо относится к неграм, и я предполагаю, что это продлится еще несколько поколений. Но я предчувствую и перемены. Я верю в коринфян.

Джордж, стоя с чуть откинутой назад головой, как он обычно делал, разговаривая с очень высокими людьми, недоуменно произнес:

– Простите?..

Браун улыбнулся. У него была немного вытянутая голова, с правильными, но незапоминающимися чертами лица. Однако стоило ему улыбнуться, как он полностью преобразался, становясь невероятно привлекательным.

– Первое послание апостола Павла к коринфянам: «Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, в мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, и мы изменимся». – Он отпил еще чая. – Я только надеюсь, что нам не придется ждать до последней трубы.

– Я понимаю, – кивнул Джордж, – ваша раса вынесла огромные страдания. Но разве вы сами не сказали, что лично вам повезло? Вы родились свободным, и вы свободны всю свою жизнь.

В глазах Брауна внезапно вспыхнул гнев.

– Вы действительно думаете, что это имеет какое-то значение, майор Хазард? Каждый цветной в этой стране поработан страхом перед белыми и перед тем, как этот страх может повлиять на поведение белых. Вас обманывает то, что мои цепи невидимы. Но они никуда не делись. Я чернокожий. И эта борьба – моя борьба. Каждый крест – мой крест, в Алабаме, или в Чикаго, или прямо здесь.

– Если вы считаете эту страну такой ужасной, – уже чуть раздраженно спросил Джордж, – что мешает вам уехать?

– Мне казалось, я вам объяснил. Надежда на перемены. Мои занятия научили меня тому, что перемены – это одна из немногих постоянных в нашем мире. Ханжеское представление Америки о свободе необходимо было изменить еще с тех пор, как подписали Декларацию, потому что рабство – это зло и никогда ничем другим не было. Когда-то я был настолько наивен, что думал, будто закон покончит с этим, но Дред Скотт доказал, что даже Верховный суд подгнил. Это последнее прибежище деспотизма.

Джордж отказывался сдаваться.

– Я допускаю, что почти все, что вы говорите, – правда, Браун. Кроме того, что американская свобода лицемерна. Думаю, вы преувеличиваете.

– Не соглашусь с вами. Но впрочем... – обезоруживающая улыбка Брауна вмиг разрушила возникшее между ними напряжение, – считайте это одной из немногих привилегий моего цвета.

– Значит, вас удерживает здесь только надежда на перемены... – заговорила Констанция.

– И еще ответственность. Прежде всего меня удерживают здесь дети.

– А, так вы женаты?

– Нет, не женат.

– Тогда чьи...

Призыв Кейт Чейз перебил их. Доктор Делани согласился кое-что сказать. Симпатичная дочь министра попросила гостей наполнить свои бокалы и тарелки и устроиться поудобнее.

У стола с закусками, где молодая чернокожая девушка в домашнем фартуке сразу восторженно уставилась на Брауна, Джордж сказал:

– Мне бы хотелось побольше узнать о ваших взглядах. Мы живем сейчас в отеле «Уиллард»...

– Я знаю.

Это заявление ошеломило Констанцию, хотя, похоже, пролетело мимо ушей ее мужа.

– Поужинаете с нами там как-нибудь в ближайшее время?

– Спасибо, майор, но сомневаюсь, что управляющему это понравится. Братья Уилларды – достойные люди, но я все-таки их служащий.

– Вы... кто?

– Я носильщик в отеле «Уиллард». Это лучшая работа, которую я смог здесь найти. Я не хочу работать на армию. Армия в эти дни создает как бы свой собственный институт рабства, нанимая наш народ горбатиться на кухне, рубить дрова, таскать тяжести и разносить депеши за мизерное жалованье. Мы годимся для того, чтобы копать выгребные ямы, но недостаточно хороши для того, чтобы сражаться. Поэтому я и стал носильщиком в отеле.

– «Уиллард»... – пробормотал Джордж. – Я просто ошарашен. Мы когда-нибудь встречались в вестибюле или в коридорах?

Браун подвел их к стульям:

– Конечно. Десятки раз. Вы могли на меня смотреть, но никогда меня не видели. Это еще одна привилегия цветных. Не желаете присесть, миссис Хазард?

Чуть позже, признав правоту Брауна, Джордж начал было извиняться, но высокий негр только с улыбкой отмахнулся и пожал плечами. Потом у них не было возможности поговорить. Однако Констанции все же очень хотелось узнать, о каких детях говорил их новый зна-

комый. На следующий день в отеле она долго искала его и наконец нашла – он выносил мусор и опорожнял песочные урны, набитые окурками сигар. Не обращая внимания на недоуменные взгляды публики в вестибюле, она попросила Брауна объяснить, о ком он говорил.

– О детях-беглецах, которых этот странный генерал Батлер называет контрабандой. Сейчас с Юга течет целая черная река. Иногда дети бегут вместе с родителями, а потом родители пропадают. Иногда они сами по себе, просто привязываются к каким-нибудь взрослым. Хотите увидеть таких детей, миссис Хазард? – спросил он, испытующе глядя на нее.

– Где? – спросила Констанция.

– Там, где я живу, в северном конце Десятой улицы.

– На Негритянском холме? – Легкий вздох перед тем, как она задала вопрос, выдал ее, но Браун не рассердился.

– Не стоит так бояться негритянской общины. Да, среди нас тоже есть никчемные и опасные люди – так же, как и среди вас. Пожалуй, возьму свои слова назад: у вас их больше, – он усмехнулся, – потому что есть еще и политики. Поверьте, вы будете в полной безопасности, если решитесь прийти туда. Во вторник у меня выходной. Так что можете приходить в любое время.

– Хорошо, – кивнула Констанция, надеясь, что Джордж не станет возражать.

Как ни странно, он не возражал.

– Мне кажется, этот парень из тех, кто всегда может защитить женщину где бы то ни было. Так что поезжай, посмотри на эту общину беспризорников. Мне и самому хочется узнать, что это такое.

Во вторник Джордж заплатил швейцару, чтобы тот подогнал экипаж к дверям «Уилларда». Когда Браун и Констанция садились рядом на место кучера, этот невежа злобно пялился на них, очевидно возмущаясь тем, что ниггер ведет себя на равных с белой госпожой. Он пробормотал какую-то непристойность, но один взгляд Брауна заставил его умолкнуть.

– Когда вы перебрались в Вашингтон? – спросила Констанция, когда Браун погнал лошадей от отеля, лавируя между потоком omnibusов, военных фургонов, лошадей и пешеходов.

– Прошлой осенью, после победы Старины Эйба.

– А почему?

– Разве я не объяснил этого на приеме? План переселения приостановился из-за войны, и я подумал, что это как раз может стать толчком для перемен. Я надеялся, что для меня найдется какое-нибудь полезное дело, и так оно и случилось. Сами увидите. Эй! – Он хлестнул лошадей поводьями.

Вскоре они уже катили по осенней жаре к заросшим травой пустошам в самом конце Десятой. Негритянский холм представлял собой унылое скопище крошечных домиков, большей частью некрашенных, а также убогих хибар, сооруженных из железных шестов, парусины и старых упаковочных ящиков. Между строениями Констанция даже заметила курятники, овощные грядки и горшки с цветами, но эти маленькие штрихи не меняли общей картины крайней нищеты.

Негры, мимо которых они проезжали, смотрели на них с удивлением, а часто и с подозрением. Вскоре Браун повернул налево, на ухабистую дорожку; в конце ее стоял дом из сосновых бревен, ярко-желтый, как цветы подсолнуха.

– Вся община помогала его строить, – сказал Браун. – Но в нем уже тесно. Мы можем прокормить и приютить только двенадцать детей. Пока больше мы себе позволить не можем, хотя это только начало.

От сверкающего на солнце нового дома вкусно пахло свежим деревом и дымом очага, а внутри еще и супом. В доме, очень светлом благодаря большим окнам, было две комнаты. В первой на табурете сидела грузная негритянка с Библией в руках, а вокруг нее, прямо на полу, – двенадцать плохо одетых детей с кожей всевозможных оттенков, от эбонитового до

светло-коричневого. Самому младшему было года четыре, а самому старшему – лет десять-одиннадцать. Сквозь дверной проем в дальнюю комнату Констанция увидела тюфяки, лежащие на полу идеально ровными рядами.

Одна удивительно красивая девочка с кожей медного цвета, лет шести или семи, бросилась к Брауну:

– Дядя Сципион, дядя Сципион!

– Розали...

Браун подхватил девочку на руки и обнял. Потом, поставив ее на пол, он отвел Констанцию в сторону и сказал:

– Розали бежала из Южной Каролины вместе с матерью, отчимом и тетей. Но возле Питерсберга какой-то белый фермер с винтовкой застал их на своем поле спящими в стогу сена. Мать и отчима девочки он застрелил сразу, но Розали с тетей удалось убежать.

– И где теперь ее тетя?

– В городе, ищет работу. Я ее уже три недели не видел.

Другие дети тоже вскочили с мест и столпились вокруг Брауна. Он гладил их по головам и плечам, каждому говорил что-нибудь ласковое или задавал вопрос и понемногу подталкивал их к старой железной плите, на которой кипела большая кастрюля с супом, а вернее, просто бульоном из костей, как заметила Констанция.

Она поела вместе с Брауном, детьми и Агатой – той самой негритяжкой, которая ухаживала за ними, когда Браун работал. Почти все малыши весело смеялись, вертелись на стульях или толкали друг друга, как любые дети, и только двое, мрачные и печальные, молча сидели, уткнувшись в тарелки, и медленно ели суп, как старики. Констанции пришлось отвернуться, чтобы не заплакать.

Но несмотря на это, и сам дом, и его маленькие обитатели очаровали ее, и ей совсем не хотелось уходить.

– И что вы собираетесь дальше делать с этими детьми? – спросила она на обратном пути к отелю «Уиллард».

– Прежде всего их надо кормить и дать им крышу над головой, чтобы они не погибли на улице. Политики для них палец о палец не ударят, я это точно знаю.

– Вы не слишком любите политиков, да, мистер Браун?

– Зовите меня Сципионом. Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями. Что до вашего вопроса, то мой ответ: да. Я презираю политиков, именно они помогли надеть кандалы на мой народ и, что еще хуже, продолжают держать его в кандалах.

Карета ненадолго остановилась, а когда они поехали снова, Констанция спросила:

– А кроме того, что вы помогаете этим детям выжить, что еще вы бы хотели для них сделать?

– От самого необходимого мы подошли к главному. Если бы мне удалось найти другое подходящее место для тех двенадцати, которых вы видели, где они могли бы учиться, пока я не пристрою их в семьи, я смог бы взять еще двенадцать. Но на те деньги, что мне платят за чистку пепельниц, я этого сделать не могу. – Он с грустью посмотрел на желто-красную листву растущих вдоль дороги деревьев. – Это возможно лишь с помощью какого-нибудь покровителя.

– Вы поэтому повезли меня на Негритянский холм?

– Потому что надеялся? – Браун с улыбкой посмотрел на нее. – Конечно.

– И конечно же, знали, что я скажу «да», хотя... я пока не уверена, как мы справимся.

– Только не надо этого делать просто из чувства вины белого человека.

– К черту вашу дерзость, Браун! Я сделаю это, а почему – вас не касается. Да я просто влюбилась в этих потеряшек...

– Вот и хорошо, – кивнул Браун.

Они проехали еще квартал мимо первого дома белых горожан. На лужайке двое детей играли с пони. Констанция откашлялась.

– Пожалуйста, простите меня за то, что я наговорила... Иногда меня заносит. Я ведь ирландка.

Браун усмехнулся:

– Я так и подумал.

Констанция не знала, как Джордж отреагирует на ее желание помочь Брауну. Но, к ее восторгу, он не просто согласился.

– Если Брауну нужен кров для детей, мы можем его предоставить, – сказал он. – И не только кров, но и пищу, одежду, книги... Брешь в нашем бюджете это едва ли пробьет, зато мы сделаем весьма достойное дело. Бог свидетель, эти черные малыши не должны страдать за прошлые и нынешние глупости взрослых белых дяденек.

Раскуривая сигару, он прищурился от дыма и вдруг снова, как в молодости, стал похож на пирата, и это впечатление еще больше усиливалось из-за его новых усов. Однако этот грозный вид скрывал очень нежную и ранимую душу, которую Констанция разглядела в нем когда-то и так любила до сих пор. Джордж точным щелчком отправил спичку в камин.

– Да, я определенно уверен, что тебе следует пригласить Брауна к нам. Мы всё подробно обсудим, тем более что и место уже есть.

– Где?

– Как насчет того старого сарая за заводом? В котором прятались беглецы?

– Место хорошее, только ведь сарай очень маленький.

– Мы его расширим. Добавим парочку спален, учебную комнату, столовую. Несколько плотников быстро с этим справятся.

– А они захотят? – внезапно спустившись с небес на землю, спросила Констанция.

– Они работают на меня, так что лучше им согласиться, черт побери. – Джордж немного помолчал, а потом добавил, нахмурившись: – Я не понимаю, почему ты это сказала.

– Дети ведь черные, Джордж.

– Думаешь, это может иметь значение? – ответил он простодушно.

– Для многих, возможно, даже для большинства в Лихай-Стейшн – да, будет иметь значение. И даже очень большое.

– Ммм... Мне это даже не приходило в голову. – Он отошел к камину, вертя в пальцах сигару, как часто делал, обдумывая какую-то проблему. – Ну... это не повод отказываться от такой хорошей идеи. Мы это сделаем.

Констанция радостно захлопала в ладоши:

– Может, мы с мистером Брауном съездим домой на несколько дней, чтобы работа поскорее началась? Мы могли бы даже взять с собой кого-нибудь из детей.

– Я устрою себе небольшой отпуск и поеду с вами.

Констанция хотела было сказать, что это будет прекрасно, но вовремя спохватилась. Перед глазами, полыхая, как железнодорожный фонарь в ночи, вспыхнуло имя: Вирджилия.

– Это очень щедрое предложение, дорогой, но ты слишком занят. Я уверена, мы с мистером Брауном сами сможем все организовать.

– Ладно. – Джордж пожал плечами, и это успокоило Констанцию. – Я напишу Кристоферу письмо, чтобы он проследил за теми работами, которые ты сочтешь нужным сделать. Кстати, о письмах; ты видела это?

Он взял с каминной полки замусоленный, сильно измятый конверт с восковой печатью.

– Это от отца! – воскликнула Констанция, увидев знакомый почерк.

Она разорвала конверт, опустилась на диван, с напряженным видом прочитала первые строки...

– Он пишет, что добрался до Хьюстона, постоянно держа наготове пистолет и боясь сказать лишнее слово, потому что вокруг очень беспокойно. Ох, надеюсь, остаток пути он тоже проделает благополучно.

Джордж подошел к ней и мягко положил руку ей на плечо. «Мы все сейчас в пути, – подумал он. – И только Бог знает, кто из нас пройдет его благополучно». Он стоял рядом с Констанцией, поглаживая ее плечо и пуская клубы дыма, пока жена не прочитала все письмо.

Через несколько дней Констанция с Брауном выехали из Вашингтона. Браун взял с собой троих детей: Леандера, крепкого задиристого мальчишку одиннадцати лет, Маргарет, застенчивую девочку с угольно-черной кожей, и Розали, чей легкий веселый нрав компенсировал молчаливость двоих других.

Страхи, которыми Констанция поделилась с Джорджем, подтвердились уже на вашигтонском вокзале. Когда они сели в поезд, кондуктор настоял, чтобы Браун с детьми ехал в вагоне второго класса, предназначенном специально для цветных. Взгляд Брауна выдал его гнев, но он не стал затевать скандал. Ведя своих подопечных по проходу, он сказал Констанции:

– Увидимся дальше по дороге, миссис Хазард.

Когда они вышли из вагона, кондуктор сказал:

– Этот ниггер – ваш слуга, мэм?

– Этот человек мой друг.

Кондуктор ушел, сокрушенно покачивая головой.

В Балтиморе они пересели на другой поезд и поехали в сторону Филадельфии через золотые осенние пейзажи. Сидящие рядом с Констанцией мужчины шуршали газетами и рассуждали о превосходстве армии янки. Вражеский генерал, когда-то считавшийся лучшим солдатом Америки, потерпел поражение у горы Чит-Маунтин на западе Виргинии.

– Ходят слухи, что в Ричмонде про него теперь говорят: «Ли сдулся». Так что еще одна звезда бунтовщиков закатилась невероятно быстро.

Долина Лихай, пылавшая красными и желтыми красками осени, показалась усталым после долгой дороги путешественникам спокойной и мирной. На платформе станции дети с изумлением разглядывали дома, стоящие на уступах холма, дымный и шумный завод вдалеке и величественные горы на фоне вечернего неба.

– Отец Небесный... – прошептала малышка Розали.

Констанция заранее отправила домой телеграмму. Карета уже ждала их. Она заметила, как на мгновение перекоилось лицо кучера, когда он понял, что Браун и дети приехали вместе с хозяйкой.

Повозка покатила вверх по улице. Девочки пищали и прижимались к Брауну, когда ветер раздувал их волосы и одежду. Пинкни Герберт помахал Констанции рукой от дверей своей лавки, но лица некоторых горожан, особенно физиономия уволенного Хазардом Люта Фессендена, выражали откровенную враждебность.

Особняк, стоявший почти на гребне холма, был весь залит светом заходящего солнца. На веранде их ждала Бретт с какой-то женщиной, которую Констанция не узнавала, пока карета не въехала на дорожку.

– Вирджилия? – воскликнула она. – Как ты чудесно выглядишь! Глазам не верю!

– Это все заслуга нашей невестки, – ответила Вирджилия, кивая на Бретт.

Она старалась говорить небрежным тоном, чтобы показать, будто все эти перемены не имеют для нее никакого значения, но взгляд ее выдал.

Констанция никак не могла прийти в себя от изумления. Рыжевато-коричневое шелковое платье с кружевными манжетами прекрасно сидело на Вирджилии, подчеркивая ее заметно постройневшую фигуру, обретшую неожиданно соблазнительные изгибы. Волосы Вирджилии,

собранные в аккуратный узел на затылке, сверкали такой чистотой, какой прежде Констанция за ней никогда не замечала. Едва заметные пудра и румяна на ее лице были наложены столь искусно, что почти полностью скрывали старые оспины. Вирджилия никогда не считалась хорошенькой, но теперь ее смело можно было назвать привлекательной.

– О, совсем забыла!.. – воскликнула Констанция.

Она начала всех знакомить и в нескольких словах объяснила, зачем привезла в Бельведер Сципиона и детей.

Бретт держалась с Брауном вежливо, но прохладно; он же, безусловно, сразу заметил ее акцент. А Констанция обратила внимание, как взгляд Вирджилии вяло скользнул от лица Брауна к его груди. Он вдруг, словно застеснявшись, начал заниматься детьми, поправлять на них одежду и приглаживать волосы. Констанцию удивило его смущение. Однако, вспомнив склонность Вирджилии к чернокожим мужчинам, она поняла, что в каких-то основных своих проявлениях та не изменилась.

Гостей провели в дом, накормили и устроили на ночлег. На следующее утро, пока Вирджилия присматривала за детьми и тщетно пыталась вовлечь в разговор Леандера, Констанция и Браун въехали в главные ворота завода Хазарда и дальше, за цеха, где стоял сарай, какое-то время игравший роль пересыльной станции для беглецов, которые отсюда направлялись в Канаду.

Браун зашел внутрь, осмотрелся, вышел.

– С небольшим ремонтом будет просто отлично, – сказал он.

Они обсудили необходимые изменения, когда ехали обратно к воротам. Рабочие почтительно уступали дорогу карете, но большинство не могло скрыть молчаливого неодобрения при виде чернокожего мужчины, который появился на людях вместе с женой их хозяина.

К полудню они уже переговорили с Уотерспуном, и тот отправил людей снести одну из стен сарая, а три другие починить и покрасить. Позже в тот же день Констанция и Браун поехали посмотреть, как продвигается дело. Бригадир маляров, мужчина средних лет по имени Абрахам Фоутс, работал на Хазарда уже пятнадцать лет. Всегда дружелюбный, на этот раз он лишь кивнул Констанции и не поздоровался. А вечером, когда взрослые и дети ужинали, кто-то бросил камень в выходившее на улицу окно.

Леандер обернулся на шум, напрягшись, как кот, чьи усы коснулись чего-то угрожающего в темноте. Вирджилия в ярости вскочила. К удивлению Констанции, Браун совершенно спокойно произнес:

– Чего-то подобного и следовало ожидать, когда человек вроде меня появляется в таком доме... и входит через парадную дверь.

– Это верно, мистер Браун, – откликнулась Бретт.

Произнесено это было довольно мирно, но вызвало гневный взгляд гостя. Констанция вдруг осознала, что просмотрела еще одну возможную проблему. Нельзя было ожидать от Брауна, что ему понравится кто-то из южан, и точно так же нельзя было ждать от уроженки Южной Каролины, что она с готовностью примет чернокожего за обеденным столом.

Рано утром Констанция поехала к сараю и появилась там одновременно с Абрахамом Фоутсом и одним из рабочих. Фоутс и его помощник постарались скрыть довольные ухмылки при виде больших неровных букв, которые кто-то размашисто намалевал черной краской на сарае: «МЫ ЗА ВОЙНУ, НО МЫ ПРОТИВ ЧЕРНОМАЗЫХ».

Чувствуя горечь и досаду, Констанция подобрала юбку и решительно подошла к стене. Потерев пальцем последние буквы, она попыталась их стереть, но краска уже просохла.

– Мистер Фоутс, пожалуйста, закрасьте эту гадость, чтобы ничего не было видно. Если подобная надпись появится еще раз, вы снова ее закрасите и будете делать это до тех пор, пока хулиганство не прекратится или пока этот сарай не рухнет под сотней слоев побелки.

Слегка побледневший мастер нервно пощипал верхнюю губу.

– Миссис Хазард, люди тут разное толкуют об этом месте. Говорят, тут вроде как будет дом для черномазых детей. И им это не нравится.

– Мне все равно, что им нравится или не нравится. Этот сарай – собственность моего мужа, и я буду делать здесь то, что сочту нужным.

Подстрекаемый взглядами остальных, Фоутс выставил вперед подбородок:

– Вашего мужа... Да он, может, и вообще не...

– Мой муж знает и одобряет то, что я задумала. И если вы хотите и дальше у него работать, займитесь делом.

Фоутс уставился в землю, но другой рабочий оказался смелее:

– Мы не привыкли выслушивать приказы от женщины, даже если она жена хозяина.

– Отлично! – Констанцию переполняли ярость и страх, но она не осмелилась это показать. – Я уверена, найдется множество других заводов, где вам не придется этого делать. Можете получить расчет у мистера Уотерспуна.

– Постойте, я же... – вскинул руку работяга.

– Это вы сделали! – Констанция показала на пятно между его большим и указательным пальцем. – Вчера вечером я видела у вас черную краску. Какая храбрость – высказывать свое мнение под покровом темноты! – Голос Констанции сорвался, она быстро шагнула вперед. – Убирайтесь отсюда, вы уволены!

Рабочий убежал. Страх Констанции сменился тревогой; она явно превысила ту власть, которую дал ей Джордж. Но пути назад уже не было. Кроме того, убежище Брауна не будет безопасным, если она об этом не позаботится.

– Мне жаль, что так случилось, мистер Фоутс, но я не отступлю. Вы будете белить стены или уволитесь?

Она увидела, как по холму уже поднимаются трое плотников с ящиками инструментов, и поняла, что ей придется задать им те же вопросы.

– Буду работать, – проворчал Фоутс. – Но делать это для кучки ниггеров? Неправильно это.

Вернувшись в Бельведер, Констанция постаралась успокоиться. Да, Север вовсе не был кристальным источником нравственности, что, безусловно, не могло не приводить в бешенство южан, уже больше трех десятилетий слышавших пустые рассуждения аболиционистов. Фоутс, без сомнения, абсолютно искренне считал, что негры не должны занимать равное положение с белыми. Да и Линкольн, как говорил Джордж, не раз высказывал подобное мнение, это многие слышали. Поэтому Констанция вполне могла понять, что Фоутс – лишь продукт своего времени, он чувствует себя удобно и надежно, разделяя мнение большинства.

Но должна ли она сама мириться с такими взглядами и присоединиться к большинству... или позволить им запугать ее? Черта с два! Она была женой Джорджа Хазарда. И дочерью Патрика Флинна.

– Отвратительно! – заявила Вирджилия, когда Констанция рассказала ей о надписи на стене. – Если бы в Белом доме сидел настоящий лидер, такого бы не случилось. Но я уверена, что скоро он появится.

– Это почему? – спросила Бретт с другой стороны стола, на котором громоздилось огромное блюдо с жареной бараниной и пять других, не менее больших блюд, что стало теперь привычной картиной для обеда в Бельведере. Розали, Маргарет и Леандер не просто ели – они жадно проглатывали пищу, толком не жуя ее. Даже Браун, казалось, никак не мог насытиться.

– Наш президент – просто слабак, – заявила Вирджилия с той же категоричностью, которая доставила всем немало неприятностей в прошлом. – Вы только посмотрите, как онотреагировал на решение Фримонта об освобождении негров в Миссури. Он струсил и постарался угодить рабовладельцам Кентукки и других приграничных штатов...

– Мне говорили, он это сделал, чтобы не разжигать конфликт...

Вирджилия не обратила на Констанцию никакого внимания.

– ...но Тад Стивенс и кое-кто еще уже выказали желание прижать его. И если правые республиканцы наберут силу, Линкольн получит то, что давно заслужил. Как и бунтовщики.

– Извините... – пробормотала Бретт и вышла из столовой.

После обеда Констанция собралась с духом, чтобы наедине поговорить с Вирджилией.

– Мне бы хотелось, чтобы ты... не делала подобных заявлений в присутствии Бретт. Ты ведь говорила, что она из всех сил старалась помочь тебе, что это она добилась таких чудесных перемен, и...

– Да, она помогла мне, но это не имеет никакого отношения к правде или... – Вирджилия глубоко вздохнула, сообразив наконец, что ее несдержанность разозлила Констанцию.

После своего чудесного преображения и возросшей уверенности в себе Вирджилия малопомалу стала по-другому воспринимать и многие другие вещи. Например, она начала понимать, что иногда с оппонентами следует быть более тактичной.

– Да, ты совершенно права, – снова вздохнула она. – И хотя я никогда не откажусь от своих убеждений...

– Никто и не просит тебя об этом.

– ...я все же понимаю, что Бретт заслуживает некоторого уважения.

– Не говорю уже о простой повседневной вежливости.

– Безусловно. Она стала частью семьи и, как ты и сказала, была добра ко мне. Я буду очень стараться. И все же при нынешнем положении всегда найдется повод для споров.

– Ведь это ты в немалой степени приложила руку к тому, что теперь называешь «нынешним положением», – тихо сказала Констанция, – разве не так?

Вирджилия кивнула:

– Я понимаю, что мое пребывание здесь подходит к концу. Я и сама уже хочу уехать. Хочу вернуться в гущу событий. Но не знаю как. На что я буду жить? Чем смогу заниматься, если почти ничего не умею и мало что смыслю в практических вещах?

Вирджилия медленно подошла к окну гостиной. Дождь лил вовсю. Капли били в стекло, бросая на лицо Вирджилии тени, похожие на новые оспины.

– Я никогда не задавала себе этих вопросов, – с тихой грустью продолжила она, не поворачиваясь. – А ждать ответов, которые не придут, страшно, Констанция. – Она все смотрела на дождь.

«Так не жди их, ищи!» – подумала Констанция.

Но досада тут же растаяла, и ей снова стало жаль сестру Джорджа. Да, Вирджилия сильно изменилась, но коснулись ли эти изменения ее внутренней сути? В этом она уже начала сомневаться.

За время этого короткого разговора стали очевидными две вещи. Вирджилия должна была покинуть Бельведер до того, как Джордж узнает о ее пребывании в доме, или до того, как об этом ему сообщит Бретт – просто в приступе гнева. И второе: поскольку Вирджилия была не способна искать свой путь, эта ноша отчасти ложилась на плечи Констанции.

Глава 39

В конце октября миссис Бердетта Халлоран из Ричмонда поняла, что так больше продолжаться не может.

Уже два года как бездетная вдова, в свои тридцать три она была обладательницей роскошной фигуры, копны темно-рыжих волос, потрясающей *derrière*¹³ и пышной груди, которую сама считала всего лишь приемлемой. Всего этого набора прелестей оказалось достаточно, чтобы пленить одного винооторговца, который и женился на ней, когда ей был двадцать один год. Халлоран был на шестнадцать лет старше своей избранницы и умер от сердечного приступа, когда пытался удовлетворить ненасытные сексуальные аппетиты жены.

Бедняга, а ведь он ей даже немного нравился, хотя ему и не хватало умения и сил, чтобы превратить ее в счастливую женщину. Однако он хорошо с ней обращался, и Бердетта всего дважды наставляла ему рога; первый раз адюльтер длился четыре дня, второй – одну ночь. После смерти муж оставил ей приличное состояние, – по крайней мере, она так думала, пока не началась эта проклятая война.

Сегодня, когда весь город праздновал победу южан возле местечка Бэллс-Блафф на берегу Потомака, миссис Халлоран была чрезвычайно расстроена после похода по магазинам. Цены продолжали расти. Фунт бекона обошелся ей в пятьдесят центов, а за фунт кофе пришлось выложить просто сумасшедшие деньги – полтора доллара. А на прошлой неделе вольноотпущенный негр, который привозил ей из-за города дрова для плиты и камина, заявил, что в следующий раз хочет получить восемь долларов, а не пять. С такой инфляцией она недолго сможет жить так, как привыкла.

Будучи рожденной в семье Сомс, которая жила в Виргинии уже четыре поколения, миссис Халлоран тяжело переживала те изменения, которые происходили в ее родном городе, штате, а также во всей стране. Боба Ли, лучшего из лучших, дразнили Бабулей из-за его военных неудач; она даже слышала, что его скоро сошлют в какой-то захолустный военный округ на хлопковом Юге.

И еще Варина Дэвис, эта некоронованная королева, оскорбляла местное общество тем, что окружала себя людьми, не принадлежащими к нему. Да, жена Джо Джонстона тоже была в их числе, но Бердетта Халлоран очень надеялась, что миссис Джонстон таким образом просто помогает карьере мужа, она уж точно не имела ничего общего с теми выскочками, которые теперь роились вокруг первой леди, имея на нее сильное влияние. Это и пламенная папистка миссис Мэллори, и вульгарная миссис Уигфолл из Техаса, и миссис Честнат, эта каролинская сучка. Остальные тоже были не лучше и не заслуживали даже презрения. Однако все они пользовались благосклонностью жены президента.

И вообще в городе стало слишком много народа. Шлюхи и спекулянты выплескивались из каждого прибывающего поезда. Орды черномазых, многие из которых, без сомнения, были беглыми, пополняли толпы бездельников на улицах. Пленными янки были набиты временные тюрьмы, вроде табачной фабрики Лиггона на углу Двадцать пятой и Мэйн-стрит. Их невероятная надменность и презрение ко всему южному бесили солидных горожан, таких как Бердетта Халлоран, которая отважно носила крест Джеффа Дэвиса и каждый свободный час не переставая вязала носки для солдат Конфедерации.

Вязать она прекратила две недели назад, когда ее терзания достигли критической точки, и в тот же день, тайком прикладываясь к фляжке в вязаном чехле, она уже ехала в нанятом экипаже на Чёрч-Хилл. Об этом визите Бердетта думала несколько дней, пока наконец бессонница вкупе с нарастающим отчаянием не подтолкнули ее к действиям.

¹³ Задница (*фр.*).

Карета замедлила ход. Миссис Халлоран глотнула еще виски и спрятала фляжку в сумочку.

– Мне подождать? – спросил кучер, остановившись на углу Двадцать четвертой.

Мрачное предчувствие заставило его пассажирку кивнуть.

Она пересекла тротуар и поднялась на крыльцо, так нервничая, что едва не упала. От выпитого для храбрости виски страх не только не ушел, а еще больше усилился, к тому же голова плохо соображала. Она подняла дверной молоток.

Сердце бешено колотилось. Косой октябрьский свет напоминал о скорой зиме – печальной и одинокой. Боже, а если его нет дома? Она постучала еще раз, сильнее и дольше.

Дверь приоткрылась дюймов на шесть. От радости Бердетта едва не потеряла сознание. А потом внимательнее всмотрелась в своего любовника. Волосы у него были растрепаны, из-под бархатного вишневого халата виднелось голое тело. Не одет в такой час?

Сначала ей показалось, что он болен. Но уже скоро она осознала правду и весь масштаб собственной глупости.

– Бердетта... – В его голосе не было ни удивления, ни радости; дверь он по-прежнему не открывал шире.

– Ламар, ты не ответил ни на одно из моих писем.

– Мне казалось, ты поняла смысл молчания.

– Боже правый, ты же не хочешь сказать... ты не можешь вот так бросить меня... после шести месяцев невероятного...

– Я считаю наши отношения обузой, – сказал он, понизив голос; его тон был таким же твердым, как его потрясающий жезл, которым он убажвал Бердетту, тратя на это по четыре-пять часов кряду. – Для нас обоих, – добавил он, и его взгляд скользнул мимо нее к удивленному кучеру.

– И кто у тебя теперь? Какая-нибудь молоденькая шлюшка? Она сейчас там? – Бердетта фыркнула. – Боже, ну конечно! Ты как будто искупался в ее духах! – Уже едва не плача, она просунула руку в дверную щель. – Милый, по крайней мере,пусти меня. Давай поговорим. Если я в чем-то ошиблась или обидела тебя...

– Убери руку, Бердетта, – с улыбкой сказал он. – Или тебе будет больно. Я собираюсь закрыть дверь.

– Да ты просто выродок!

Ее шепот не возымел никакого эффекта, и дверь начала закрываться. Если бы Бердетта не отдернула руку, он бы непременно сломал ей запястье или пальцы.

Неужели шесть месяцев она рисковала своей репутацией, чтобы все вот так закончилось? Даже не пустил на порог, как будто она какая-то уличная девка!

Бердетта Сомс Халлоран была воспитана с южным изяществом, но ее учили также быть храброй и стойко выносить несчастья. И хотя ей могли понадобиться дни или даже недели, чтобы справиться со своим горем, ведь она не просто самозабвенно любила Ламара Пауэлла – он пробудил в ней какую-то невероятную чувственность, которой она прежде не знала, – с выражением своего лица она справилась за десять секунд.

– Готовы? – спросил кучер, хотя это было вовсе не нужно – она уже стояла возле кареты и ждала, пока он спрыгнет и откроет ей дверцу.

– Да. Мне понадобилась всего одна минута, чтобы завершить свое дело.

На самом деле она его только начала.

Глава 40

Той осенью на побережье Каролины было беспокойно. Седьмого ноября флотилия адмирала Дюпона вошла в пролив Порт-Ройал и обстреляла Хилтон-Хед-Айленд. Бомбардировка с канонерок Дюпона вынудила маленький гарнизон конфедератов отступить на материк еще до захода солнца. Два дня спустя маленький исторический порт округа Бофорт пал. Стали поступать сообщения о том, что дома белых жгут и грабят ненасытные солдаты-янки и мстительные чернокожие.

Каждый день приносил новые слухи. О том, что скоро сожгут Чарльстон и он станет городом черных беглецов; о том, что в штат приехала Гарриет Табмен¹⁴, или еще не приехала, но собирается приехать, чтобы подстрекать рабов к бегству или бунту; о том, что за поражение на западе Виргинии генерал Ли был назначен командующим вновь созданным объединенным военным округом Южной Каролины, Джорджии и Восточной Флориды.

Последний слух подтвердился. Как-то в сумерках на аллее Монт-Роял совершенно неожиданно появились трое всадников. Это был прославленный генерал вместе с двумя своими офицерами. Они провели в гостиной Орри час, а потом ускакали в сторону Йемасси.

Орри встречался с Робертом Ли только один раз, в Мексике, но благодаря репутации этого человека – и военной, и личной – считал, что хорошо его знает. И каким же потрясением стала для него эта встреча, когда он увидел, что генерал совсем не похож на свои газетные портреты. Ли было пятьдесят четыре или пятьдесят пять, но его морщинистое лицо, набрякшие веки, поседевшая борода и напряженное лицо делали его гораздо старше. Орри никогда не видел портрета Ли с бородой и сказал об этом своему гостю.

– О, я снова отрастил ее после Чит-Маунтина, – ответил Ли. – Хотя с таким набором прозвищ лучше бы я этого не делал. – (Его спутники засмеялись, но их веселье выглядело натянутым.) – Как ваш молодой кузен Чарльз?

– С ним все в порядке – насколько я знаю. Записался в легион Хэмптона. Я удивлен, что вы его помните.

– Его трудно забыть. В мою бытность суперинтендантом это был лучший наездник, каких я только видел в Академии.

Ли перешел к цели своего визита. Он хотел, чтобы Орри вернулся в армию и принял пост в Ричмонде, хотя сам генерал уже не служил там и не мог нанять его лично.

– Тем не менее вы можете быть очень полезны для военного министерства. Клеветники уверяют, что президент Дэвис постоянно во все вмешивается и что на самом деле командует в министерстве он, а не министр, но это неправда. – Ли немного помолчал. – То есть я хотел сказать, не совсем правда.

– Генерал, я поеду в Ричмонд, как только смогу. Просто я сейчас жду, когда на плантацию прибудет новый управляющий. Он должен появиться со дня на день.

– Отличная новость! Великолепная! Вы и все вестпойнтовцы бесконечно ценны для армии и для хода войны. Скажу вам доверительно: мистер Дэвис очень сильно заблуждается, считая, что в сенессии нет ничего плохого. Может, для Юга и нет. Но в Вашингтоне, поверьте мне, раскол приравнивается к измене. Я не большой знаток конституционного права и не берусь утверждать, что отделение было незаконным, но оно точно было ошибкой, значение которой начало проявляться только сейчас. И вне зависимости от того, что вы или любой из нас думает о сенессии, одно из ее последствий уже очевидно. Нам придется отвоевывать свое право на нее – право быть самостоятельным государством. И когда я говорю «отвоевывать», я имею в виду именно победу в войне. К сожалению, мистер Дэвис полагает, что это право будет

¹⁴ Американская аболиционистка.

даровано нам просто в награду за красивые речи. Это лишь фантазия идеалиста. Возможно, похвальная, но все-таки фантазия. Только силой оружия можно завоевать и удержать независимость. И выпускники Академии это поймут и будут сражаться в этой войне, как и должно быть, если уж мы в это ввязались.

– Будем сражаться, – решительно сказал один из его спутников.

Орри согласно кивнул.

– Вот это правильный настрой, – сказал Ли и встал, хрустнув коленями.

Он пожал Орри руку, сказал несколько любезных слов Мадлен на террасе, а потом ускорил исполнять свой долг.

Орри обнял жену и прижал к себе, защищая от прохлады наступавшей темноты. Разлука теперь стала неизбежной. И думать об этом было больно.

На следующее утро пришли еще новости. Девять негров с плантации Френсиса Ламотта во время отлива уплыли по Эшли на плетеной лодке, которую сделали втайне. Лодку они бросили возле Чарльстона, а сами отправились на юг, предположительно к отрядам федералов, стоявшим вокруг Бофорта.

В тот же день из Северной Каролины верхом на муле приехал новый управляющий.

Первой реакцией Орри было разочарование. Он, конечно, был готов увидеть человека за шестьдесят, но не того, кто будет похож на сутулого школьного учителя; Филемон Мик даже носил очки в полуободковой оправе, которые держались на самом кончике носа.

После того как они час проговорили в библиотеке, первое впечатление Орри немного изменилось. Мик отвечал на вопросы нового нанимателя кратко, но честно. Если он чего-то не знал или не понимал, то так об этом и говорил. Он сказал Орри, что не верит в жесткую дисциплину, если только рабы сами не готовы ее соблюдать. Орри ответил, что, кроме Каффи и парочки других, в Монт-Роял смутьянов нет.

Мик ясно дал понять, что он – человек религиозный. У него была только одна книга – Священное Писание, других он не читал. По его признанию, все остальные книги давались ему с трудом – вероятно, оттого, что он считал светскую литературу, и особенно романы, порождением дьявола. На это Орри промолчал. Ничего необычного в такой набожности он не видел.

– Я не совсем уверен насчет него, – сказал Орри жене тем же вечером.

Однако через неделю его мнение о Филемоне Мике склонилось в положительную сторону. Несмотря на возраст, Мик был физически силен, достаточно строг, но по пустякам не придирался и не требовал от людей невозможного. Энди, похоже, не понравился новый управляющий, но он этого никак не проявлял. Поэтому Орри все-таки уложил свои сундуки, забыв саблю, и собрался уезжать.

За день до отхода поезда они с Мадлен отправились на прогулку. Было около четырех часов, короткий ноябрьский день близился к концу. Солнце слегка касалось верхушек деревьев, расходясь за ними звездочками света. Дымно-белесое на западе, к востоку небо становилось голубым. Где-то на дальних рисовых полях какой-то раб с красивым баритоном пел на старинном креольском языке – теперь такую музыку редко можно было услышать в Монт-Роял.

– Тебе тревожно уезжать, да? – спросила Мадлен, когда они не спеша повернули обратно к дому.

Орри прищурился, глядя на солнце:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.